

## **О богослужении Православной Церкви митрополит Вениамин (Федченков)**

# **СТРОЙ ПРАВОСЛАВНОГО БОГОСЛУЖЕНИЯ**

## **(Несколько слов о молитве)**

## ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Дальнейший очерк будет посвящен вопросу о строе нашего богослужения.

Но я считаю долгом предпослать ему несколько кратких слов.

Как известно, нужно отличать молитву от молитвословия: первое – в сердце, второе – в устах. И молитвословие еще не есть молитва.

Отсюда получается несколько выводов:

1. Молитвословие есть только путь к молитве, а мы часто смешиваем это.

2. Истинная молитва может обходиться и без уставных молитвословий, но не наоборот.

3. Даже нужно сказать: сердечной молитве внешнее богомоление, уставность уже мешает.

4. Но таких истинных молитвенников немного. И Церковь составила для нас различные богослужения, которые помогают или могут помогать и сердечной молитве.

Поэтому дальнейший очерк рассчитан не на сердце, а на ум, знание.

Прошу читателей всегда учитывать это при дальнейших моих рассуждениях.

## 1. Психология молитв

«Литургией», или, в переводе с греческого языка, – «общим делом», общим священнодействием, общею службою называлось в древности все богослужение целиком: оно состояло, как увидим сейчас, из разных частей и заканчивалось Евхаристией. И только впоследствии это слово «литургия» осталось за главной частью богослужения – Евхаристией, а прочие части получили другое наименование в зависимости от времени совершения (вечерня, повечерие, утренняя, часы).

Из чего состояла тогда эта «общая служба»? Нетрудно сложить современные части – вечерню, утреню, часы и «обедню», но нельзя думать, что именно такова и была литургия. Все это осложнилось, выработалось, оформилось позднее и постепенно. Вначале же было и проще, и иначе располагалось, но вместе с тем существенное было и тогда то же самое, что и теперь: Евхаристия, Святое Причащение, Евхаристический канон были почти одинаковы в своем строе, смысле и молитвах. Разве что в первые времена **благодарственно-радостный** элемент был еще сильнее, чем теперь; а постепенно, с ослаблением христианской жизни и благодати, стали больше, чем прежде, проникать покаянные струи, моления, прошения, сокрушение, страх Божий; и тогда стал оттеняться «искупительный» характер Жертвы более чем благодарственный, радостно-любящий, самое слово «Евхаристия» (благодарение) стало как бы меркнуть.

Это «падение» можно заметить и вообще в истории богослужения, которое постепенно начинало приобретать характер все более и более покаянный. Службы, относящиеся к IV – вв. (от великих отцов и до Дамаскина), несравненно более возвышены, отрешены не только от земли, но даже и вообще от человека с его нуждами и болезнями, и прикованы к Богу. Это особенно видно даже и теперь на праздничных службах, где мы забываем самих себя, а душа наша всецело отдается Богу, созерцанию празднуемого события.

А после привходили и покаянные элементы, чему причиной, может быть, было и то, что авторами являлись преимущественно иноки, взявшие своею задачей «житие покаянное»: святой Феодор Студит, брат его «господин (кир) Иосиф», впоследствии митрополит Солунский (883; он написал до 300 канонов и прочее), которому принадлежат умиленнейшие, но все же покаянные каноны на повечериях и другие.

Даже святой великий Дамаскин, с поста первого министра у арабского князя ушедший в скалистый суровый монастырь Саввы Освященного (недалеко от Иерусалима), – и он дал множество покаянного материала: разочарованный в суетности этого мира, он жил одной частью души на земле, а другой – и большею – в горнем мире. Отсюда его чудные стихиры на отпевании, его покаянные песнопения в Октоихе, особенно в понедельник и вторник всех восьми гласов.

Да и невозможно было иначе: с упадком благодати Утешителя человеку труднее становилось радоваться, а отсюда тяжелее стало и благодарить; легче было каяться, плакать и просить.

То же самое можно сказать и про проповеди: у святителя Григория Богослова, отчасти у Златоуста, у святителя Прокла Константинопольского, у Дамаскина зрится такая высота и слава, что современному слушателю они покажутся скучным набором похвальных слов или неинтересным и малопригодным сухим «богословствованием». И только живущий отданною душою в Боге будет и понимать, и услаждаться их пламенными вдохновениями... А отец Иоанн Кронштадтский, пламень наших дней, говорил тем же языком и сейчас: «Дух Святой не истощится до века». «Златая цепь святых отцов, – говорил святитель Нифонт Цареградский, – не прервется до конца мира», ибо «Христос вчера и днесь, тойже и во веки» (Евр. 13, 8).

Литургия более всего сохранила на себе характер древности, и это понятно: здесь все слишком свято и чрезвычайно значительно и потому хранилось с исключительною бережностью.

И вот теперь скоро уже 1600 лет после смерти Василия Великого и 1550 лет с кончины Златоуста, как мы неизменно повторяем обедню, и особенно в ее главной, Евхаристической, части.

Поэтому можно утверждать, что сущность литургии была всегда одна и та же: Евхаристические каноны и благодарственные моления. По внутреннему содержанию они современны зарождению христианской Церкви, тем более, что совпадают по духу с Евангелием и посланиями.

Это была **«первая любовь»**, как осмелился сравнить христианский дух святой апостол любви (Откр. 2, 4).

Все прочее представляло уже второстепенный интерес и, следовательно, могло более или менее изменяться и в строе, и в количестве, и даже в характере духа. Здесь могла быть и была несравненно большая свобода творчеству церковному. И теперь мы видим: литургия везде почти неизменна, особенно с Херувимской, а вечерня, утренняя, всенощная произвольно сокращаются, приспособляются, заменяются: где поют стихиры и седальны (у греков и сиров), но опускают почти весь канон (кроме 9-й песни), или, наоборот, опускают часть стихир и все седальны, но исполняют все 9 песней канона, хотя и сокращая тропари (у русских)... Составляются новые службы новым святым... Псалмы читаются сокращенно, а где и совсем опускаются, за исключением «шестопсалмия», и то иногда читают вместо шести три псалма.

Что же было вначале?

Вот как это представляется нам. Судим мы по современному характеру богослужений, и притом не только православных, но и инославных (особенно протестантских, в частности, Англиканской Церкви, где старались «возвращаться» к первоисточникам христианства).

Также исходим и из общих внутренних душевных источников человека, насколько мы знаем себя и других; ведь корень-то всегда один и тот же – сердце человека, воодушевляемое Духом Святым, потому, если в нас и теперь есть то, чем люди жили и прежде, нам легко понять то, что было когда-то. Наконец, и простая историческая обстановка, всем

известная по Евангелию и истории, давала материал к созданию богослужения: это еврейская религия, влившаяся в христианство, Ветхий Завет, из коего родился Новый.

... Я начну с самого корня, с внутренних источников, с сердца, руководимого Святым Духом. Апостол Павел пишет римлянам: «Мы не знаем, о чем молиться, как должно; но сам Дух ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными» (Рим.8, 26). А потом душа отыскивает и подходящие, соответствующие мысли и слова. К тому же у одного и того же человека в разные моменты его духовной жизни или даже под влиянием разных его переживаний и настроений могут быть различные подходы к молитве: иногда он будет просить, в другой раз ему и это не под силу – недостойн, и он легче кается, иногда он готов хвалить Бога и обнимать весь мир. Разны, наконец, и люди.

Но мы возьмем «нормальную» молитву, исходя из двух несомненных и постоянных источников: **бытия Бога и падения человека**. К этим источникам молитвы присоединяется всегда и третий – **земные нужды** наши: даже если «дух и бодр, все же плоть немощна» (Мф. 26, 41). Так было всегда во всем человечестве, так, собственно, было в Ветхом Завете, так есть и теперь. В Новом же Завете присоединился четвертый чрезвычайный источник; это **факт спасения**, искупление мира, примирение с Богом, возвращение благодати, надежда на блаженство Царства Славы в Пресвятой Троице; от этого тон молитвы должен был измениться необыкновенно. И тем не менее существенные элементы молитв дохристианского периода должны были остаться, только **центр** был перенесен в другое место; главное переживание по сравнению с неискупленным состоянием стало, конечно, иным, но так как принесенное спасение было еще лишь «семенем» в каждом христианине, подлежащим развитию, «возгреванию», росту, «дондеже вообразится в вас Христос», – вообразится, то есть примет вид, как и в утробе матери зародыш постепенно принимает «образ» (2Тим. 1, 6; Гал. 4, 19), то нужно было, чтобы «ветхий человек» постепенно изживался в нас и возрастал «новый» (Еф. 4, 21–24). Таким образом, «Ветхий Завет» еще

должен жить в человеке; он подлежит переходу в Новый. В сущности, как и говорит апостол Павел, дана была «закваска» лишь новая (Мф. 13, 33), но тесто оставалось еще прежнее; однако в этой закваске и есть вся сила Нового Завета. До нее было мертвое, не поднимающееся, безжизненное, «пресное» человечество; теперь брошена «закваска» благодати и она все изменит в живое, действенное, творческое, сильное, новое... Будет «новая тварь»: «ибо во Христе Иисусе ничего не значит ни обрезание, ни необрезание, но новая тварь» (Гал. 6, 15). Но этот процесс «новотворения», обновления, возрождения дается борьбою: «Царствие Небесное нудится» (Мф. 11, 12), то есть берется с понуждением, с принуждением, силою, борьбою. И борется против него царство, или «держава... диавола» (Евр. 2, 14), и наш ветхий страстный человек. Поэтому ветхозаветные элементы неизбежны и в христианстве, и они или постепенно изживаются (у святых), или наоборот, увеличиваются у грешных. В зависимости от этого или увеличиваются и покаяние, сокрушение, прошения, умилоствление, как теперь, или молитвы восходят до постоянной хвалы и радости.

Так чувствовал себя преподобный Серафим Саровский, постоянно, а не на Пасху лишь, говоря: «Христос воскрес».

Но это исключения; постоянный средний путь таков: наличие в человеке ветхого человека постоянно, «по вся дни», говорит апостол Павел даже про себя (2Кор. 4, 16), устремляющегося в новое состояние во Христе, это факт грешной жизни, преодолеваемой благодатию Божиею в святость или во спасение.

Таким образом, христианская Церковь имеет дело с исконным состоянием человека, но она привнесла новые «Божественные силы в него, яже к животу и благочестию» (2Пет. 1, 3).

Поэтому молебный характер христианства должен был быть и старый, и иной, но вначале молитвенный **материал** необходимо должен был оставаться **общечеловеческим**: иудейским ли, религиозно-языческим ли – все равно; и то, и другое было ветхое, и в нас живет еще ветхое. Но мы уже знаем



и имеем то, чего не знали и не имели они: **силу благодати** и надежду на нее.

А земные печали и нужды всегда остаются одними и теми же; только и здесь христианство внесло величайшую поправку: царственное превосходство над миром ради Царства надмирного, Небесного. Нужды земные отошли на второй план, на третий, последний.

«Хлеб наш лишь насущный даждь, и то лишь днесь», на день. Главное же – в душе, в спасении, в вечной жизни. Однако и здесь ступени различны: от ветхозаветного воззрения на благочестие – «да благо ти будет», чего не отрицает апостол и у христиан (Еф. 6, 3), до желания умереть за Христа, чем горели первые христиане и более других сам апостол, который говорил, что «ничто не отлучит его от любви Христовой – ни жизнь, ни смерть»! (Рим. 8, 38, 39). А когда христиане узнали про него, что ему готовятся в Иерусалиме оковы, и стали просить его не ходить туда, он сказал им огненные слова: «Что плачете и сокрушаете сердце мое ? Я не только хочу быть узником, но готов умереть в Иерусалиме за имя Господа Иисуса» (Деян. 21, 13). И они покорно должны были отступить, сказавши только: «Да будет воля Господня!» (Деян. 21:14)

И последняя ступень девяти «блаженств» христианского совершенства и любви именно такова – страдания за Христа: «Блаженни есте, егда поносят вам... Мене ради. Радуйтесь и веселитесь», но начинается это с «нищеты» и плача (Мф. 5, 3, 4, 11, 12).

Итак, Бог, падшая душа (или грех), земные нужды и спасение во Христе – вот четыре конца или четыре угла, создающих единую молитву христианина. Отчасти это можно сказать и про всякого человека; только у нехристиан спасение было больше лишь в желании и томлении, а у христиан – уже отчасти и стало фактом.

Бог, грех, земля, Небо...

## 2. Основные элементы молитв

Подойдем теперь к богослужению, к служению Богу. Вот мы входим в дом Его, в храм. «Дом Мой – домом молитвы наречется», – сказал Он еще в Ветхом Завете, а потом и в Новом (см.: Иерем. 7,11. Мф. 21,13).

Ну вот подумаем сами про себя: с чего началась бы **наша** молитва?

Оставим современное наше настроение, наши нужды, наш духовный уклад, а подумаем, как нам, как христианам, и пусть – не святым, но искренно желающим спасения и верующим во Христа Искупителя, как бы нам должно правильно начать службу?

Можно благодарить, славословить, восторгаться. Можно, наоборот, сокрушаться, считать себя недостойным, смиряться. Можно войти в себя, оглядеться. Можно просить о чем-либо, причем просить или важнейшего – спасения, или маловажного – земного.

Что должны бы мы избрать, как более достойное для Бога, но и посильное, нужное, благоразумное для нас?

Подумаем, всякий про себя.

Я лично по опыту и из богословских рассуждений могу сказать следующее.

Для ясности мне кажется небесполезным обратиться к следующему житейскому сравнению, которое, кстати сказать, много облегчало тех, кому я говорил его.

Допустим, я хочу или должен пойти к человеку, высшему меня, с какою-либо нуждой, или просьбой, или даже благодарностью за сделанное мне добро.

1. Конечно, я прежде всего **приготовлюсь** к этому: надену лучший костюм, умоюсь, причешусь и т.п. Не так ли? Вероятно! Значит, первый момент – **подготовительный**.

2. Потом, придя к нему, и тут еще «охорашиваясь», не буду настолько неблагоразумен и неделикатен, чтобы сразу приступить к просьбе, да еще, может быть, уже не первой. Не так ли? Конечно. И, поклонившись (скажем, благодетелю), жду

сначала, чтобы он заговорил со мною, а не я с ним. Я же – разве очень кратко – заявлю, что пришел поблагодарить его. Он же, вероятно, будет расспрашивать меня, откуда я, как здоров, как мои дела и т.д. Следовательно, второй момент зависит от благодетеля, от высшего лица. И его можно назвать беседою или **разговором высшего с низшим**.

3. А уж после этого заговорю с его позволения я. Но еще не о просьбе своей: это было бы не деликатно. А стал бы благодарить его за содеянное добро.

Не так ли? Так должно бы! Значит, третья часть – благодарная, **хвалебная**.

4. И уж после этого я осмеливаюсь просить у благодетеля, в чем нуждаюсь. Это часть **просительная**.

5. К ней можно бы прибавить какой-либо дар, и то осмелившись на это и испросив на это разрешения у благодетеля, сославшись, может быть, на его родственников или сына. Это часть **жертвенная**.

Таковым представляется мне явление мое к высшему лицу. Все эти элементы мы найдем и в богослужении.

Первое. Конечно, нужно бы «достойно», прежде всего и больше всего, славить Бога, ибо Бог есть Бог славы и Ему всегда «подобает слава, честь и поклонение» прежде всего и в середине всего, и после всего, «и во веки веков».

Так славят Его Небесные силы и святые: «Свят, Свят, Свят».

Но, увы, сознаюсь: мне в обычное время это совершенно не под силу. Разве в праздники, и особенно на Пасху, служба как бы «разверзается» славословием Бога. Но то исключения победного момента. А обыкновенно мне это непосильно. Нужно еще подняться до этого, разогреть сердце; даже просто и умом-то нужно еще понять глубину богослужения, чтобы знать, за что и как благодарить и славословить. Так у нас, обычных людей. У святых, конечно, иначе: святой Макарий Великий говорит, что некто (конечно, сам он) лишь только начнет возносить ум к Богу, тотчас же восторгается и уже забывает о мире сем, и не хотел бы он выйти из этого состояния, хотел бы сидеть в углу пещеры

и забыться в молитве, но нужно еще послужить и ближним, и потому Господь Сам выводит его из такого восхищения.

Про другого святого отца рассказывается, что стоит ему поднять персты вверх, как он уже больше ничего не помнит на молитве; и приходится насильно опускать руки его вниз, чтобы он остановился от восхищения и продолжал полагающуюся по уставу службу дальше.

Мы умиляемся, радуемся, слыша о таких примерах, но **нам они не под силу.**

Но, с другой стороны, если это восхищение не под силу нам, то **величие Божие требует** этого. Где же исход? Он прост: славу Богу необходимо, должно – хотя бы одними устами, языком, умом – все же вознести. Но долго этого мы не можем, и Господь, а за Ним Церковь, зная нашу немощь, не потребуют сверх меры. И потому славословие должно быть сравнительно **кратким** или даже почти одним возгласом славы Богу.

А потом должно быть что-то другое.

Постепенно и должно возгреть себя до такого состояния, когда может наступить и момент подъема, восторга, хвалы. И это будет в свое время.

Еще одно соображение. Допустим, мы и смогли бы начать благодарением. А что же дальше делать? Можно ли после этого каяться во грехах (а они налицо всегда)? Это было бы трудно и непоследовательно: после сладкого горькое, с неба – ниже земли.

Можно ли и просить чего-либо? Уже скучно, малозначительно и это: после восторга – простые слова, обычные вещи, поделья разные. Нет, это меньшее после большего. Неестественно.

Ясно, следовательно, что благодарение нужно отнести к концу. В начале же службы лишь краткое славословие Богу: по немощи нашей. Теперь возьмем другой вид молитвы: **прошения**. О чем бы мы ни просили, а особенно о земном, и в человеческом быту не считалось бы высоким благородством прийти к кому-либо и с первого же слова просить. Это говорило бы и о корыстности просителя, и о неделикатности его: только и думает, что **о себе!** А как это отразится на том, у кого просят,

такие люди мало думают: «мне нужно» – вот и начало и конец их соображений. И в человеческом общежитии в подобных случаях установился веками деликатный способ обращения: сначала говорят о чем-либо ином, спрашивают о здоровье, семье, делах; войдут во взаимный интерес; расположатся друг к другу, а потом уже и к «делу». А если неблагоразумный проситель сразу начнет просить о нем, то другой, пожалуй, и остановит.

Продумаем же теперь об этом в приложении ко Господу. Он знает все наши нужды еще ранее нашего прошения, как сказал нам Сам Сын Его (Мф. 6, 32), и будет ждать Он от нас просьбы, молитвы: нам это нужно.

Всему, однако же, время. Не стыдно ли было прийти в храм к «богослужению», к служению Богу, а начать со служения самому себе? Ведь всякая наша просьба есть служба себе, самообслуживание... «Вся же благообразно и по чину да бывают», – говорит апостол (1Кор. 14, 40). Даже и общие нужды здесь были бы неуместны еще. Придет им время.

Итак, не подобает начинать с прошений, особенно же с земных. Но даже и о небесном, о спасении, о блаженстве и то сначала просить не должно Господа. Будь, каким должен, а Он «насытит тебя и земных благ» и, конечно, тем более «не лишит и Небесного Царствия», как поется в молитве после обеда.

Однако же нужды есть всегда; от них никуда не уйдешь, пока мы на земле... И Господь Сам их допустил и устраивает как средство для обращения к Нему и для нашего смирения, то есть для спасения... И Он потому ждет наших прошений: «...если народ... обратится, Я отлагаю то зло, которое помыслил сделать ему» (Иер. 18, 8). Где же им место? Если не в начале, и если не в конце, ибо там уже есть славословие и благодарение, значит, им место будет где-то **в середине**, а так как в середине будет еще нечто, как увидим, то лучше – по деликатности – прошения отнести **к последнему моменту** пред «благодарением».

Не так ли? Мне кажется, это и естественно, и благоразумно, и деликатно для самого человека, и «богоприлично». Прощения никак не сначала... И потому теперешний строй служб, когда у

нас литургия после возгласа начинается сразу прошениями великой ектении, духовно несовершенно поставлен. И прежде не так было. И лишь немощь наша вызвала, передвинула сюда ектению. Но об этом дальше будет особая речь. Все это я упомянул здесь лишь для ясности моих мыслей. Мне всегда чувствуется и несвоевременность и даже «небогоприличность» ектении в начале. Даже на молебнах обычных, когда человек уже пришел специально попросить по поводу какой-либо нужды, и там просьба (сугубая ектения) бывает уже после 3-й песни канона, а не сразу. Обычно поем запевы: «Пресвятая Богородице, спаси», «Святителю... моли Бога» – это остатки 2-х песней канона: 1-й и 3-й. А до этого бывают «обычное начало» со славословием Богу – Троице («Святой Боже» – «Отче наш»), затем – псалом соответствующий, потом – «Бог Господь» и тропарь (кому молимся): это хвала им; после канон – это та же хвала (см. Параклисис Богородице).

А мы пришли к литургии, к самому славному богослужению, и сразу просить... Немощны мы! Ах, как немощны! И Церковь посчиталась с нашей немощью.

Итак, что же поставить на первом месте? Возьму еще раз простое сравнение: я собираюсь идти к моему благодетелю. Но иду и еще кое-чего попросить «при этом». Как я настроен буду до этого раньше? Не правда ли, что я сначала подумаю о том, как бы даже **одеться** прилично? Ведь нехорошо было бы, чтобы я с работы, в пыли, грязный, в испачканной будничной одежде зашел к благодетелю... И чем большее благодеяние он сделал, тем соответственно приличнее я должен подготовиться и даже лучше обычного одеться. И нельзя к благодетелю зайти «между прочим», «мимоходом», ибо это означало бы, что главное-то дело у нас нечто другое (работа, «дела»).

А дальше? Пришли мы к нему в дом. И здесь еще осматриваемся: все ли на месте у нас? Не растрепаны ли волосы? Нет ли пыли на одежде, грязи на обуви? Чисты ли руки? Осмотрелись и ждем приема. Что же у нас на душе? Какое основное чувство? Легкомыслие ли? Никак! А серьезность. Рассеянность ли? Наоборот, собранность: мы

сосредоточены мыслью на благодетеле и даже думаем, что еще и как лучше сказать ему?

Вот что я переживал. Стою однажды в монастыре на вечерне. Началась служба обычно. Прочитали 103-й псалом. Душа моя не приняла участия в славословии Творца Промыслителя и Благодетеля Бога. Промелькнул псалом в устах чтеца. Промелькнул он и мимо души моей. Потом великая ектения. Все обычно, все «житейское», а о духовных прошениях я еще не расположился молиться. И вдруг зачитали «рядовую кафизму». Псалмы Давидовы. Обыкновенно их пропускают. Лишь в монастырях, да и то не везде, не сполна, исполняется это. На праздники остаются отрывки: «Блажен муж, иже не иде на совет нечестивых», «Работайте Господеви со страхом, и радуйтесь Ему с трепетом», «Путь нечестивых погибнет», «Блаженни вси надеющийся нань».

В этот раз читали много. Я задумался. И не заметил, как «вошел в себя»: у меня затеплилось в душе. Появилось чувство. Я точно ожил или «оттаял». Глаза открылись. Псалмы царя оттерли замерзавшую нищую душу мою. Узрел я себя самого и подумал о себе: «Как премудро устроено в Церкви, как знает она душу нашу! Как удивительно рассчитано, приспособлено!» И сказал я (в сердце, в уме) с благодарностью: «Слава Богу за Церковь!»

И когда затем подошли стихиры с прославлением Господа и святых Его, то я уже иначе пел их после того, как **«вошел внутрь себя»**. Иначе пел и «Свете Тихий святые славы», «достойн еси пет быти», «тем-же мир Тя славит».

Потому и батюшка отец Серафим дивеевским сестрам в своем правиле дал заповедь начинать с «дванадцати псалмов»<sup>1</sup>.

Вот что нужно на первом месте, особенно пред явлением к Богу! Осмотрись, очистишь и потом предстань. «Блаженни чистии сердцем, яко тии Бога узрят!»

Переведа это на язык богословский, сначала нужно **«аскетическое»** настроение, нужна духовная собранность, нужно внутреннее самозрение, нужна религиозная подготовка. А когда человек обратится к этому, то невольно у него явится

опознание «ветхого» состояния, видения нищеты своей, зрение грехов и греховности. Вместе с этим надежда на пришедшего уже Спасителя не даст перейти сокрушению в отчаяние, а обнадежит, умиротворит, укрепит нас. И тогда из души поднимается вопль: «Спаси, Спасе!» И тогда уже воистину «вся внутренняя» воззовут к «Святому»: «Господи, воззвах к Тебе, услыши мя, услыши мя, Господи!» «Из глубины воззвах к Тебе, Господи, услыши глас мой...»

Три раза «услыши»...

**Аскетическо-молитвенная самособранность, покаянно-уповательные чувства или вхождение внутрь себя**, – вот как должно быть в правильном служении Богу. И так и было.

Есть в Церкви другое, еще более сильное слово, еще более действенное средство к углублению: это **Слово Божие**, новозаветное, то есть Евангелие и послания, а также и ветхозаветные творения Духа – пророчества и история спасения людей. Но и к этому сначала тоже нужно подготовиться. Ведь **Слово Божие есть Бог**, то есть Бог, говорящий нам. Следовательно, слушать Слово Божие уже означает становиться лицом к Его Лицу; пусть еще как слушатели, но уже пред очами Господа. Это уже встреча с Богом, более высокая, чем сокрушение от недостойнства предстать пред Ним. А именно этим сознанием занята душа вначале. Потом она станет более способною и достойною слушать и Бога, глаголющего в Слове Своем.

По этим причинам я и разделяю эти два момента: молитвенный, или духовно-подготовительный, и поучительный. Но они очень близки и сродны между собою. Поэтому и естественно поставить их рядом...

Еще остается один элемент – **жертвенный**. Вот и теперь приходит человек в храм. Перекрестился – и к свечному ящику: купить свечечку. Идет и ставит. А у сербов (от греков, вероятно) даже умилительно: подойдет к иконе, поцелует сначала свечу и потом уже зажжет и поставит. Дар любви. И человека человеку хочется одарить, а тем более Бога. Любовь требует отдачи, дара, жертвы. Свеча не простая вещь: в ней душа человеческая горит любовью к Богу!



Куда поместить жертвенный элемент, этот естественный момент в богослужении? Где он был в древности? Тогда жертвы приносились в конце как завершение богослужения или отдавались в дар священникам в начале, а вместе с тем приносились и моления, а от лица священников изрекались благословения. Такое двоякое употребление жертвы объяснялось различным характером богослужений: если это была специальная жертва частного лица по частному поводу его, то после кратких молитв и подготовительных действий она приносилась в начале моления. (И теперь на «Славу» у сербов приносят дары, ставят их в Церковь, а после совершается краткая лития, вроде нашего молебна (без Евангелия), с прошениями о принесших). Но когда совершалось общественное богослужение, тогда жертвою оно заканчивалось как моментом наивысшим.

Затем в обоих случаях устраивалось угощение: часть брали священнослужители, часть употребляли принесшие.

Куда же нам поместить этот составной элемент?

Теперешний обычай со свечами объясняется просто: после службы люди расходятся; следовательно, нужно сначала поставить «свечечку». И притом это делается для умилоствления Бога, дабы Он «внимал» нам благоволительнее.

Но если бы жертва занимала свое место, свое время, и притом настолько длительное, чтобы можно было отдаться переживаниям, вызываемым ею, не наспех, а сосредоточенно, тогда я поместил бы жертву в конце всего, даже после благодарения. Почему? Во-первых, потому, что самая жертва есть дар, благодарение, и, следовательно, приличнее поставить их рядом. Затем жертва есть уже не словесный дар Богу, а вещественный, а это значительнее, больше. Наконец, при жертве «встреча» с Богом бывает глубже, внутреннее, ближе, теснее, чем во хвале уст, в «славословиях». Недаром, когда в Ветхом Завете устанавливался «Завет», бывали жертвы. А «Завет» есть уже «общение» обеих сторон, а не хвала лишь от одной к другой, от человека к Богу.

Посему жертвенный элемент нужно поставить не только после всего, но даже считать его самою сердцевиною, вершиною богослужения или даже его сутью. А все остальное должно считать приготовлением к этому центральному «действию». А действие выше слов. Дело важнее чувств.

Для ясности употребим опять сравнение. Мы, например, пришли благодарить благодетеля. Соответственно подготовившись, мы наконец встречаемся с ним. А с собою принесли ему какой-либо дар за благо, за спасение, за дарованное счастье.

Что мы делаем? Принесли, держим его, но еще не отдаем. А сначала начинаем говорить слова благодарности: объясняем, в каком бедственном положении мы были, от какого несчастья избавил нас благодетель, хвалим его, благодарим. И уже в заключение всего, как вершину наших чувств и благодарности, просим принять от нас дар по силе нашей. Не так ли бывает? Так. Следовательно, жертвою благодарности должна завершиться наша встреча, жертвою благодарности должно закончиться и богослужение.

Так образовался пятый элемент – жертвенный, нашедший себе место.

Но есть один вид благодарности, который никак уже невозможно поместить нигде, только как в конце, только после всего, только забывши решительно всякие другие мысли и чувства: это когда благодарность сливается с **восторгом любви**, когда хвала переходит в общение души с Богом.

Тут уже немыслимо ничто другое, кроме переживаемого восхищения духовного единения.

Возьмем опять пример из жизни: что сильнее любви у жениха и невесты? Ничего нет. И апостол Павел говорит: и вера прекратится, и пророчества сделаются ненужными, а **любовь пребудет вечно**. Даже не сказал «пребудет», а уже «пребывает», то есть начавшись, не будет иметь конца (1Кор. 13, 8, 13).

Любовь есть «союз совершенства», завершение его. Больше всего – любовь (1Кор. 13, 13).

Тогда уже немыслимыми становятся не только прошения, но и покаяние, и сокрушение, и поучение («пророчества»), ибо «...совершенная любовь» вон «изгоняет страх», говорит апостол любви Иоанн (1Ин. 4, 18).

Мало того – даже исчезает само благодарение или, точнее, оно переходит, перерождается в любовь. А если уж должно поставить их раздельно, то все же любовь будет на самой вершине, следовательно – на самом конце, а благодарение должно быть помещено ранее.

Это ясно! Любовь – это огонь, который пожигает в себе все прочее. Любовь есть предел. Это и в человеческой любви. Еще более – в любви к Богу: здесь Сам Бог-Любовь возжигает сердце человека Собою, и оно уже ни о чем ином не может ни помышлять, ни просить, ни даже благодарить. Оно тогда может только быть в блаженном восторге, в восхищенной взаимной любви. «Исчезает во спасение Твое душа моя», – взывал пророк (Пс. 118, 81).

Ветхий Завет, а тем более язычество, не знали этой любви в полной мере: там были лишь слабые намеки. Христианство зажгло огонь Пятидесятницы, и палимые им люди пошли на костры, к зверям, на крест, в пустыни, на подвиги, навстречу «Сладчайшему Иисусу», «отверзли уста свои» и «наполнились Духа» Утешителя, сладости благодати.

Эта любовь и составляет сущность брачной вечери, именуемой «Евхаристией», или «обедней», Божественной трапезой общения, «приобщением».

Кровавые жертвы ветхозаветные, «ветхий завет» души перешел в новозаветную Жертву Бескровную, в теснейшее общение любви, даже до Самого «Тела и Крови». Жертва перешла в любовь.

Так у нас наметился окончательно следующий нормальный ход богослужения, то есть религиозных настроений, чувств, переживаний: **молитвенная часть, поучительная, хвалебная, просительная и жертвенно-любовная.**

Если же последнюю наименовать установившимся уже словом «Евхаристия», в коей сливаются элементы и жертвы, и благодарения, покрываясь главным чувством и делом

**взаимной любви Бога и человеков**, тогда эта последняя часть назовется Евхаристической. И, конечно, она должна быть в самом конце, после нее ничего не должно быть, ибо любовь бесконечна.

Это естественно; это так и было. Святой апостол Павел так и говорит, чтобы христиане на своих богослужебных собраниях «совершали (см. 1Тим. 2, 1):

- 1) молитвы;
- 2) прошения;
- 3) моления;
- 4) благодарения».

Так должно быть. И так было в древности. И так в корне сохранилось еще и сейчас, но уже многое переслоилось, затуманилось. Однако внимательному наблюдателю это ясно: отец Иоанн Кронштадтский, этот великий «богослужитель» наших дней, узрел это и потому сказал: «программа нашего богослужения» давно начертана апостолом Павлом – и затем привел те же самые слова (1Тим. 2, 1).

Дух Святой, еще раньше апостола, в сердцах молящихся начертал в сущности тот же порядок; с тою лишь разницею, что ветхозаветные прообразовательные жертвы заменились бескровною Евхаристией. Разница лишь в том, что у апостола Павла не упомянута гимнологическая часть (хвалебная), но это и понятно: он убеждает христиан молиться за вся человеки, за царя и за всех начальствующих. Поэтому у него здесь больше элемента просительного. Но в другом послании, к ефесянам, где он говорит вообще о богослужении, упоминаются и эти элементы; он советует назидать «себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, поя и воспевая в сердцах ваших Господу, благодаря всегда за все Бога и Отца, во имя Господа нашего Иисуса Христа» (Еф. 5, 19–20).

Если соединить все эти элементы и прибавить обычное чтение из Писания, посланий, слушание местных пророков или ходячих благовестников, то мы найдем все наши элементы: молитвы, славословия, жертвенное благодарение и поучение.

## МАТЕРИАЛ И СТРОЙ БОГОСЛУЖЕНИЯ

Откуда же христианская Церковь взяла **материал** для таких разнообразных элементов богослужения? Ответ ясный.

Совершенно естественно: из **ветхозаветной Церкви**, из иудейского богослужения. Новый Завет пришел не разрушить Ветхий, а дополнить его (Мф. 5, 17). И Сам Господь Своим примером посещения Храма освятил еврейское богослужение: оно ведь дано было Самим Богом через Моисея, и притом оно было и богато, и разработано так, что оставалось лишь воспользоваться им. И нужно было заменить только одну часть – жертвенную.

Далее. Первые ученики были палестинские евреи, преданные своему культу, богослужению: Иерусалимский храм в глазах каждого иудея был святыней. И нужно еще не забывать, что на всю их страну был лишь один храм в Иерусалиме; в других местах были лишь синагоги, это скорее были поучительно-общественные залы для собраний или молитвенные наставительные дома. Понятно, что и христиане из евреев дорожили всем, что относилось к храму их.

Наконец, собственных произведений христиане еще не успели создать: для этого не хватало ни времени, ни сил, ибо сначала они заняты были главным образом благовестием, проповедью христианства.

Если же прибавить к этому гонения, которыми встречено было христианство как со стороны иудеев, так потом и от язычников, то еще более понятным станет, что им не до своего творчества было, а хотя бы лишь отстоять самое бытие свое, вынести страдания за веру. Да это просто и было легче всего, а люди всегда начинают с более легкого. (Аналогичный пример можно взять из нашего времени: протестантизм вышел из католичества).

Так положено было начало христианскому богослужению. Разница заключалась лишь в замене кровавых жертв Ветхого Завета новозаветною **Бескровною Жертвою Евхаристии**.

Другая особенность заключалась в ином истолковании ветхозаветных богослужебных элементов: они применялись и понимались в приложении к христианству. Например, все обещания о земном благоденствии евреев истолковывались в смысле небесного блаженства; враги-люди заменялись врагами духовными, бесами; всюду старались видеть пророчества и прообразы: переход через Чермное море и избавление от фараона – это крещение, избавляющее от власти дьявола, как объяснил и сам апостол Павел (1Кор 10, 1, 2), манна – Святое Причащение (1Кор 10, 3), камень, из коего чудесно истекла вода, – Христос Спаситель (1Кор 10, 4) и т. д.

Вообще, оставив букву и форму прежнюю, христианство дало им лишь новый дух и смысл.

И вообще нужно сказать, что почти все устройство первохристианской Церкви взято из иудейства: например, трехчинная иерархия – епископы, священники, диаконы – взята с первосвященников, священников и левитов Ветхого Завета. Устройство храма – алтарь, средняя часть и притвор – параллельно святому святых, святилищу и молитвенному двору. Подробности храма – кадило, семисвечник и проч. – оттуда же. Даже облачения наши даны ветхозаветной Церковью. Вот одежды Аарона: «наперсник – современная епитрахиль, ефод подобен омофору, верхняя риза – саккос или фелонь, хитон – нижний подризник, кидар – митра, клобуки; и пояс» (Исх. 28, 4).

Даже теперешние крест и панагия заменили «урим и туммим, возлагавшиеся на наперсник» (Исх. 28, 30). Не забыли даже «позвонков... по подолу» верхней ризы (саккоса) (Исх. 28, 33). На кидаре золотая дощечка с вырезанными словами «Святыня Господня» (Исх. 28, 36) теперь заменена иконками на митре.

Понятно, что и богослужение взято было от той же иудейской Церкви.

В чем оно состояло? В разные моменты истории оно несколько изменялось, но собственно лишь в одном почти отделе – в чтении **Священного Писания**, которое иногда опускалось, забывалось даже до такой степени, что люди не

понимали уже читанного (Неем. 8, 1, 8, 12), и нужно было толковать. Забывались в плену и праздники: их восстанавливали (Неем. 8, 14–18).

Но существенными и неизменными элементами всегда были псалмы и жертвы. В первых выражались все многообразные чувства молящейся души, а жертвы были различны – мирно-просительные, искупительно-очистительные и благодарственные. Таким образом, были элементы и молитвенные, и просительные, и благодарственные, и искупительные; к этому нужно присоединить чтение «закона» в синагогах – и мы имеем налицо все современные виды молитвы. Не замечаем мы элемента славословия, но он отчасти восполнялся хвалебными псалмами (например, Пс. 103, 137, 144–150), а с другой стороны, у евреев были и специальные гимны – торжественно-хвалебные песни, составленные во славу Богу за какие-либо милости: например, песнь Мариам, сестры пророка Моисея, составленная после перехода через Чермное море; песнь Анны, матери Самуила, воспетая ею после рождения Самуила (этой песнью воспользовалась Пречистая Дева после Благовещения (1Цар. 2, 1–10)); песнь воеводы Деворы; многое из пророческих книг; и наконец, – песнь трех отроков в печи вавилонской...

Мне не известно, употреблялись ли эти гимны за еврейским богослужением. Но христианская Церковь воспользовалась ими потом весьма щедро. И понятно: христианство есть «победа» (Ин. 12:31, 16:33; 1Ин. 5, 4, 5). Евангелие суть блаженная весть о спасении. И если в Ветхом Завете больше господствовал дух сознания своей вины (отсюда и жертвы), и обширны были прошения о нуждах этого мира, то в христианстве дана была такая свобода мироотречения, что люди отдавали свое в общее владение, себе желали лишь насущного хлеба. Зато пребывали в радости, «в веселии и простоте сердца, хваля Бога» (Деян. 2, 46, 47). И к такому их настроению особенно подходил указанный вид гимнов, или «славословий и песнопений», о коих, как мы видели выше, упоминает апостол Павел.

Но вместе с тем еще более широкое применение имели псалмы. Богатство их содержания было столь обширно, что

удовлетворяло всем нуждам души: здесь и сознание своей греховности, и преследование врагами, и беспомощность в борьбе, и упование на силу Божию, и благодарение за помощь, и слава за творение и промысление Божие, и упокоение под кровом Божиим, и пророчество о Мессии, и моление об избавлении от всяких бед, и любовь к Богу, и обличение грешников, и т. д., и т. д.

Но если все это свести к основным мотивам, то в псалмах мы увидим главным образом веру, покаяние, упование и славословие. И еще теснее: покаяние с надеждой.

Все это есть внутренняя часть человека, его духовные переживания.

Христианство и взяло псалмы за основной фундамент своего богослужения, поставив их на первое место.

Итак, что же получилось?

1. Самое центральное, что было в Ветхом Завете, жертвы, – были заменены Единою Жертвою Христовою, о чем апостол Павел специально разъяснял евреям (Евр. 10, 1–23). Она заняла и здесь центральное, главное место. Это был «завет» общения, гимн благодарности, слава любви, жертва хваления.

2. Молитвенную потребность с щедростью удовлетворяли псалмы.

3. Славословие, гимнологический элемент взят был из вышеуказанных торжественных гимнов.

4. Просительная часть приспособлена была к воззрениям и нуждам христиан.

5. Поучительная потребность удовлетворялась чтениями из Ветхого Завета и собственным новозаветным откровением: Евангелиями, посланиями, пророчествами, благовестничеством.

Так просто и естественно образовалось первохристианское богослужение.

Все эти элементы мы и видим теперь в нашей Церкви. Только они, как увидим, теперь раздроблены и иначе размещены, но суть одна и та же.

Что касается взаимоотношения этих частей, то должно полагать, что в древности не было той путаницы, которую отчасти мы видим теперь: то покаянные псалмы, то славно-



торжественные стихиры, то Писание, потом опять покаяние, опять славный тропарь, между всем этим вставлены ектении с прошениями и т. д.

В древности было проще, а потому – цельнее, единообразнее. Тем более, что вначале, собственно, была одна сплошная служба – «литургия», и, конечно, она составлена была целостно. А когда из нее стали выделять несколько служб, то поневоле это единство уже было нарушено. Но и при всем том оно видно нам даже и доселе.

Тогда же каждые части были более сосредоточены в одном месте. Проследим это немного и на современных службах.

Например, мы видим, что псалмы читаются обычно целой группой: три, шесть псалмов или сразу две-три кафизмы (то есть 14–20 псалмов). Или еще: Апостол, Евангелие, а постом – и паремии из Ветхого Завета читаются и доселе подряд. Или ектении и теперь нагромождены на литургии, сосредоточены преимущественно в одном месте: после Евангелия – сугубая ектения, заупокойная, об оглашенных, одна – верных, другая и даже третья (после Херувимской ; херувимская – более позднего происхождения, вероятно, VI в. ):

«Исполним», – дополним, довершим, закончим прошения, ектении. Шесть ектений.

Хвалебные песни или гимны и доселе составляют неразрывный единый «канон», то есть составленный по строго определенному правилу чин песнопений: песнь Мариама, Анны, Аввакума, Исаии, Ионы, трех отроков, Захарии – отца Иоанна Крестителя. Не говорим уже об Евхаристическом каноне: там особенно строго блюлось единство, цельность, неизменность и точность.

Но потом стало привходить **новозаветное творчество**, параллельное ветхозаветному. Стал вопрос: куда помещать его? И этот вопрос разрешился механически, по способу включения, или вклинения новых песнопений между ранее употреблявшимися ветхозаветными элементами. Сначала стремились к тому, чтобы и по содержанию, по духу, по тону богослужебных отделов новозаветные творения совпадали с прежними целостными частями. Это видно и доселе:

новозаветные каноны большею частью носят характер торжественно-хвалебный в параллель иудейским гимнам. Но со временем стало труднее соблюдать это правило, потому что творчество все росло и ширилось, и притом авторы были разнообразны по своему духу и индивидуальностям, и цельность стала рушиться.

А все разраставшееся новое творчество так увеличило материал, что явилась необходимость что-либо сокращать. И естественно, что в христианской Церкви отдали предпочтение новозаветному элементу пред ветхозаветным: стали выпускать псалмы, оставляя лишь более соответственные (думают, что на месте теперешнего шестопсалмия было гораздо больше псалмов); гимны торжественные в уставе сохранились, но на практике почти никогда не исполняются (за исключением поста, да и то лишь в больших уставных монастырях). А иногда из псалмов остаются лишь кончики: так называемые запевы на «Господи воззвах» поются, а они лишь заключение трех глубоко сокрушенных псалмов. На литургии же вместо всего 102-го псалма «Благослови, душе моя, Господа» поются или несколько первых стихов, или даже один последний, 22-й стих: «На всяком месте владычества Его благослови, душе моя, Господа». А второй хвалебный (145-й) псалом «Хвали, душе моя, Господа» мало где поется теперь.

Благодаря этому характер богослужения стал менее определенным; для несведущего богомольца совсем стало непонятным, почему одно поется здесь, другое читается там и т. д.

А ко всему этому ектении из одного отдела разместили по всей службе. Чем это объяснялось?

Я думаю так. Цельность и единство имеют, конечно, свои преимущества: создают уже цельное, определенное настроение покаяния, хвалы, прошений и т. п. Но для рядового богомольца, немощного молитвенника, в этой сосредоточенности есть и опасность, трудность, а именно: утомительность от однообразия. И теперь многим даже шестопсалмие кажется длинным и утомительным, и его сокращают иногда, а другие

терпеливо не понимают его. А на кафизмах даже в «уставных» монастырях иноки поудобнее присаживаются и подремывают.

Правда, теперь псалмы лишь читаются: прежде они исполнялись несколько более певуче. Потом для разнообразия ввели поочередное исполнение, по стиху (антифонное исполнение). Но все же однообразие утомляет людей.

Так же и ектении. И теперь слушать пять ектений после Евангелия не очень легко.

Да нужно еще принять во внимание, что самая большая ектения, великая, из отдела их почти целиком перенесена к началу литургии и от нее остались лишь два возношения: «Заступи и спаси», «Никто от оглашенных, елицы вернии ... помолимся» и тот же возглас: «Яко подобает Тебе всякая слава».

А к этому присоедините еще и недоступность для слуха мирян «тайных» молитв, которые читались в середине или конце ектении; теперь они читаются лишь священником в алтаре. Прежде эти молитвы разнообразили группу ектений, а когда они исчезли – для сокращения – от слуха мирян, то и отдел ектений стал утомительным, однообразным.

И потому решено было целостность ектенийного отдела нарушить размещением ектений по всей службе, что при понятности прошений облегчает чтение псалмов и канонов. Получилось, конечно, разнообразнее, но зато ослабела цельность, и теперь ее нужно еще «усматривать». А от «разнообразия» приходится иногда высвобождаться. Например, мне великая ектения после шестопсалмия совсем не по душе: шестопсалмие – такое сложное произведение борьбы, перемежающееся с мольбами, надеждою, и заканчивающееся вверением, преданием себя в волю Божию («Дух Твой Благий наставит мя на землю праву»), что после этого хочется успокоиться в мире; и вдруг – опять просим подаяний! И, может быть, гораздо лучше было бы уж сразу после шестопсалмия петь славные стихи: «Бог Господь и явился нам» и тропарь празднику, чем прошения.

Но другим именно ектении по душе. Есть этому причина: во-первых, ектении **понятны** всякому, в них говорится все о

знакомых нуждах, о повседневной жизни, а псалмы требуют уже более углубленной духовной жизни, да еще и не все понятно (особенно у нас на славянском языке... Епископ Феофан Затворник говорил о нужде нового перевода). Затем, исполнение ектений всегда одно и то же, значит, легко петь хору, а разные седальны, тропарь, богородичны, стихиры, ирмосы на 30 напевов трудно исполнять, и потому оставляли более легкое. Итак, где выбросили потому, что то – **ветхозаветное**, там выкинули потому, что трудно исполнять, иное сократили по немощи человеческой, другое переместили ради утомительности и для разнообразия, и теперь получилось уже нечто такое, что лишь отдаленно напоминает первоначальный состав и строй богослужения. И уже очень трудно мечтать о цельности настроений богомольцев за службою! Всякому представляется «свобода»: молись, как и когда хочется... И большею частью молятся теперь на ектениях. А ни молитвенно-аскетические псалмы, ни торжественные каноны славословия не только не захватывают «слушателей» – они не знают, что в это время делать им. На каноне певчие распевают непостижимые «ирмосы» мелодичными, нередко сентиментальными напевами, а что поется? Кому это ведомо? Меньше всего и самим певчим, занятым «исполнением номера». А чтец «чего-то» читает; только и понятны возгласы его: «Слава Господи воскресению», «Пресвятая Богородице, спаси», «Святителю...моли Бога». И то хорошо еще! А глядишь уже – канон-то кончается, вот и «Честнейшую». А где же он, канон? Где его торжество? Где тут гимны? Хвалы? Славословия? О горе, горе! Где же молитва? И стоят наши долготерпеливые богомольцы с серьезными лицами. А понимает-то за них Церковь в лице авторов служб да немногих знатоков...

Что делать? Бегут на сектантские разговоры и легкие песенки. А у нас непочатое богатство! Неужели нельзя сделать ничего? Неужели? Не знаю.

Или мы, точно еврейские книжники и фарисеи, застыли на букве, обрядах, строе, чине, типиконе, уставе, а самое главное – **«дух молитвы»** – опустили?

Ведь даже такой великий богомолец, затворник, богослов, знаток Писания, языков и служб, как епископ Феофан Затворник, и тот устанавливает простой, но забываемый принцип: **молитвословие еще не молитва**; Богу же нужен дух молитвенный; и ради него нужно жертвовать формой. Не дочитай, не допой, лишь молись!

Но куда тут?! Скажут: «Революция»!

Я однажды попробовал было выпустить великую ектению после шестопсалмия на Сергиевском подворье, так люди в ужас пришли и просили меня уж оставить ее на своем месте: привыкли. А в другом месте одна госпожа, и даже весьма религиозная, молитвенница, с удивлением спрашивала меня: «Зачем «это» читают после Евангелия?» (Она не умела назвать «канон» и «тропари» его)? Нельзя ли совсем выпустить это? Подумайте: выпустить всю хвалебную, гимнологическую часть! А сразу бы ей после Евангелия «Честнейшую» и «Слава в вышних Богу»...

Между тем, у знающих и подготовленных богомольцев именно эта часть, начиная с Евангелия (а в праздники – даже с «величания»), весь канон, «хвалитные» стихиры и по славословие, вызывает наибольший подъем молитвы, восторга, радости.

А когда не понимаешь, то естественно: «Нельзя ли выпустить совсем?» И я лично знаю: целиком опускали канон. А греки, сербы, болгары и доселе поют лишь 9-ю песнь с тропарями.

Вот как отразились перестановка, сокращение, опущение, изменение. Вот откуда «образовалось», точнее «обезобразилось», наше чудное, стройное, вдохновенное богослужение Православной Церкви, равного которому нет в мире!

Но и при всем том еще можно усмотреть некоторые остатки единства и **строя** во всех частях богослужения.

К этому еще вернемся.

А сейчас хочется сказать: если бы мы знали, каким богослужебным сокровищем мы обладаем! И если бы мы входили в дух молитвенный не так, как каждому хочется или

«по настроению», а как именно Церковь нас руководит, то можно было бы не только научиться истинной духовной жизни, но дойти и до вершин ее, живя в миру.

При первоначальном богослужении, как мы говорили, была единая, целостная литургия. Она состояла из следующих частей: 1) псалмическо-молитвенной; 2) библийско-поучительной, хотя эта часть иногда меняла место; 3) гимнологически-хвалебной, песенно-торжественной, славословительной; 4) далее ектенийно-просительной и 5) наконец, жертвенно-Божественной. Или проще: сначала были псалмы, после – Писание, потом – гимны, ектении и Евхаристия. Со временем все это осложнилось и увеличилось новозаветным творчеством. Явилась нужда в сокращении.

Ко всему этому прибавим, что в древности службы совершались ночью (См. Деян. 20, 7–8. Беседовали «до полуночи»; об этом сказано сразу после «преломления хлеба»), по подобию Тайной вечери и ради страха от гонителей; это было и неудобно, и утомительно, для тружеников в особенности: им нужно было вставать вовремя и начинать повседневные труды. А большая часть христиан была из «низшего» класса, даже и из рабов. И нужно было и сокращать службу, и переносить ее на другие моменты дня.

И ввиду этого единую службу расчленили на три части: вечерню, утреню и обедню. За последней, как главной, удержалось прежнее общее слово «литургия».

По какому же принципу или принципам произведено было это деление?

Многим «непосвященным» богомольцам кажется теперь, будто все эти службы весьма различны по составу, строю и молитвенному духу. Но это большое заблуждение! Как раз наоборот! И это нетрудно показать на примерах; а тогда мы увидим, по каким принципам произошло деление.

Мы сначала очень кратко, схематически посмотрим вечерню и утреню, так как они более подобны, явно однородны, а литургия нам представляется отличною от них, потому к ней мы перейдем далее.

Изобразим параллельную графику частей вечерни и утрени – для большей наглядности. За центр возьмем утреню, ибо она полнее; с ней сравним после и литургию.

## ВЕЧЕРНЯ

1. Благослови, душе моя, Господа» (103-й пс.)

Рядовая кафизма (по праздникам «Блажен муж»)

Псалмы на «Господи воззвах» (140, 141, 129-й и др.)

2. (После «Свете Тихий») **прокимен**, а в праздники и чтение паремий из Св. Писания Ветхого Завета. «Прокимен» всегда предлежал (предлежу, предхожу) чтению Писаний. На Страстную Пятницу и на Пасху читается и Евангелие.

3. На вечерне отсутствует кроме заключительного момента (см. далее) Стихиры на «литии» в великие праздники (всенощное бдение), где

**Часть псал-  
мическая**

**Библейская  
Часть  
(поучи-  
тель-  
ная).  
Свя-  
щен-  
ное Писа-  
ние**

**Часть  
псал-  
мическая**

**Библе-  
йская  
Часть**

**Гимно-  
логическая  
Часть  
(слово-  
словие**

## УТРЕНЯ

1. Шестопсалмие (с 3-го пс. до 142-го)

Кафизма рядовая – первая, т. е. псалмы очередные, и другая (а постом и третья), а после этого или (по уставу) 118-й пс. «Блаженни непорочнии», или «Хвалите имя» (134-й и 135-й пс.)

2. (После «хвалите» и «степенных» стихов) прокимен и чтение **Евангелия**; на буднях опускается и не говорится даже и прокимен: торжественно для простых дней!

3. (После 50-го псалма) **канон: 9 песней** ветхозаветных и к ним 14 сочинений (1 ирмос и 13 тропарей с

прославляется праздник  
или святой великий. (В  
будни нет). "Сподоби,  
Господи... без греха  
сохраниться нам»,  
«Благословен еси  
Господи» (то есть конец  
великого славословия).

*Примечание:* В  
параллель  
«Честнейшую» можно  
усмотреть в праздники,  
после литии и тропари  
святому (2), один раз  
«Богородице Дево», а в  
воскресенье – трижды.

богородичными)  
новозаветных в  
честь, славу  
праздника,  
Богородицы или  
святых (дня  
недели и дня  
года).

Стихиры  
«хвалитные» –  
после хвалитных,  
славных псалмов  
(148, 149, 150-го  
пс), в коих  
прославляются  
святые или  
праздник. (В будни  
нет).

Заканчивается эта

**Продол  
жение  
хвалеб  
ной  
части**

третья,  
гимнологическая,  
часть «великим  
славословием»:  
«Слава в вышних»

*Примечание:*

**Песнь  
Богородицы и  
«Честнейшую»**

относится к  
гимнам и потому  
вставлена в эту  
часть пред песнью  
Захарии,  
составляя с ней  
одну, девятую,  
песнь.

4. Ектении: 1. «Исполним **Проси тель Проси**

4. Ектении: 1.



вечернюю молитву» (после «стихир на стиховне» вечерних и проч.).<sup>2</sup> 2. Сугубая ектения: «Помилуй мя Боже». 3. Ектения, или точнее, первая так называемая великая ектения, перенесена к началу вечерни – после 103-го псалма.

**ная часть  
(екти нии)**

**тель  
ная  
часть  
(екти  
нии)**

«Исполним утреннюю молитву» (после «стихир на стиховне» утренних и проч.)<sup>3</sup>. 2. Сугубая ектения: «Помилуй мя Боже». 3. Совершенно то же: перенесена ектения к шестопсалмию.

5. Вставные впоследствии части: а) После псалмов на «Господи воззвах» стихиры – большею частью прославляющие святых или праздник. б) «Свете Тихий ...мир Тя славит» – пред Св. Писанием. в) После вечерних «стихир на стиховне» – «Ныне отпускаеши», «Святой Боже» по «Отче наш» и тропарь дня с богородичным. **И Малые ектении** разбросаны **повсюду**: после кафизм, но на вечерне есть такое лишь одно место после «рядовой кафизмы», а

**Вставные  
части**

**Совер  
шенно  
подоб  
ные же**

5. Вставные части: а) После шестопсалмия и великой ектении – **тропарь** святому или празднику, славного характера. б) После кафизм «седалны» (в праздники и пакои) тоже славные; и «Ангельский собор удивися» (в воскресенье). в) После утренних «стихир на стиховне» – «Благо есть исповедатися Господеви ... возвещати милость Твою» (по

на всенощном бдении –  
после каждой кафизмы.

**6. Тайные молитвы.**  
Они читались в середине  
малых и других ектений  
(«Господу помолимся» и  
молились: читали  
молитву. А потом:  
«Заступи»). Теперь  
тайно вычитываются со  
всей вечерни, во время  
103-го псалма, пред  
царскими вратами.

7. Начало вечерни:  
славословие Богу:  
«Благословен Бог  
наш»... Конец: отпуст –  
«Сый благословен» и

**То же самое**

**Начало и конец  
одинаковы**

духу сходно:  
хвала, мир,  
милость). «Святой  
Боже» – по «Отче  
наш», тропарь с  
богородичным. **И  
Малые ектении**  
между кафизмами,  
после «Ангельский  
собор», между  
песнями канона  
(по 3-ей, 6-ой, 9-  
ой), а на Пасху  
после каждой (для  
перемены, для  
разнообразия, для  
отдыха, ибо  
тропари – одни и  
те же – полагается  
петь «на 12»).

**6. Тайные  
молитвы:** то же  
самое; теперь  
читаются тайно во  
время  
шестопсалмия –  
одну часть в  
алтаре, а другую  
(после трех  
псалмов) – пред  
царскими  
вратами).

7. Начало: «Слава  
Святей... Троице»  
и «Слава в  
вышних Богу»  
(ангельская песнь

проч. (в праздники при открытых царских вратах, в будни – нет).

8. Действия: а)  
Каждение в начале службы (на всенощном бдении) или на «Господи воззвах» (в будни). б)  
**Вход** с кадилом, а на Преждеосвященной литургии (в полиелейные праздники) и с Евангелием.

9. Облачения. Во время псалмической части – в епитрахили (без фелони); при входе – в фелони; после опять без нее; при отпуске в открытых вратах в фелони; вне алтаря – в епитрахили.

10. Наконец: вечерня в великие праздники заканчивается благословением хлеба, вина и елея.

в Вифлееме).  
Конец – то же.

8. Действия а) То же. Во время чтения «Царских псалмов» (19-го, 20-го), а когда их нет (после Пасхи), то во время «Христос воскрес» (медленно). б)  
**Выносят Евангелие** или для чтения, или для «прикладывания» молящимся (в праздники), открываются царские врата.

9. Облачения. Совершенно так же и на утрени.

10. Хлебы раздаются в конце утрени. А кроме того утренья (после часов теперешних, а прежде

11. А если хотите, то  
заключительный момент  
пред отпустом посвящен  
Богородице (в  
воскресенья и  
праздники): три раза  
«Богородице Дево  
радуйся, благодатная  
Марие!»

### **Богородице**

непосредственно<sup>4)</sup>  
переходит в  
литургию, то есть  
в принесение  
Святых Даров  
хлеба и вина.  
11. После первого  
часа, «на путь»,  
так сказать, – пред  
отпустом, по  
обычаю, поется  
«Взбранной  
воеводе», хотя  
нигде не  
напечатано в  
уставе, но хочется  
Ей, Матери,  
помолиться.

Итак, совершенно очевидно, что не только есть подобие в строе между вечерней и утреней, а совершенное тождество. И единственная разница в том, что на утрени есть хвалебная (гимнологическая) часть всегда, ежедневно, то есть канон и хвалитные псалмы, а на вечерне этого отдела почти нет, кроме половины «великого славословия» («Сподоби Господи») и литийных стихир, но это лишь в праздничные всенощные бдения. Разница эта объяснится после, когда будем говорить о принципе разделения.

Очевидно, что обе службы построены были по одному и тому же образу, по одному «строю», чину, только выбирались иные псалмы, иные чтения Писаний, иные «тайные» молитвы, иные стихиры... Но многое (ектении, тропари, концы возгласов и т.п.) буквально повторялось.

Такое совпадение особенно видно в основных частях: полемической, библейской, ектенийной, менее – в хвалебной (или «песенной», гимнологической).

Это очевидно почти всякому, знакомому со службою. Но литургия кажется совсем особою: не похожей ни на утреню, ни

на вечерню. Но это неверно. Сейчас увидим ясно.

### **1. Псалмическая часть.**

На литургии (если великую ектению отнести к своему месту, в просительный отдел) **поются псалмы 102-й и 145-й** с малыми ектениями и молитвами, ныне тайными.

### **2. Библейская часть.**

Заповеди блаженства («Во Царствии Твоем», «Блаженни нищи»), Апостол, Евангелие, а последним бывало и поучение (прежде Златоуст проповедовал).

### **3. Песенная, гимнологическая часть.**

Остались здесь тропари, кондаки святым дня недели, храма и дня святого (месяца), с богородичным: они были самым первоначальным видом творчества христианского, а стихиры и каноны появились после.

### **4. Ектенийная часть.**

На литургии шесть ектений подряд, как мы уже видели (после Евангелия, и одна – по Херувимской). И еще одна – после Пресуществления, седьмая ектения.

### **5. Жертвенная часть (Благословение хлебов).**

Вся литургия, начиная с «Возлюбим», есть Жертва, Евхаристия. Ее же можно считать и высшим видом славословия, благодарения, хвалы. Но суть – общение любви Бога и человека: приобщение, благодатное Причастие.

**6. Действия:** вход один (вынос Евангелия). На утрени остатки: в Пятницу и на Пасху. На литургии есть малый вход с Евангелием, а второй – великий вход с Дарами... Но это уже отличие специально литургическое, как и вся Евхаристия.

7. Пред отпуском вечерни читается половина **33-го псалма** (после благословения хлебов): «Благословлю Господа на всякое время... Вкусите и видите», а на литургии причащаются, и положено читать этот псалом весь целиком после причащения – тоже пред отпуском.

8. Наконец, **«Ныне отпускаеши»** в конце вечерни, а на литургии – после благодарственных молитв по причащении.

Теперь ясно, что и литургия построена по тому же образу или чину, типу. Только в ней одни части уменьшены, другие увеличены: псалмов очень мало (всего три: два в начале и один

в конце), и те славные, зато Писания больше, больше и ектений; и уж совсем особая часть Евхаристия, но она параллельна освящению 5-ти хлебцев на вечерне и вкушению их на утрени.

Теперь, вероятно, будет более или менее ясно, какими соображениями руководились при делении одного цельного богослужебного материала, называвшегося вообще «литургией».

1. Так как суть молитвенного духа всегда в общем одна и та же, то основные настроения, о коих мы говорили в первой главе, одинаковы и утром, и в полдень, и вечером; и потому естественно, что одинаковы должны быть основные контуры, или, так сказать, **«остов» службы**.

Такова внутренняя, **религиозно-психологическая**, причина одинакового строя.

2. Так как один строй службы был уже известен, уложился и в практике, и в памяти, то естественно было при делении (вследствие длинноты ночной службы) не придумывать чего-либо нового, а взять **готовую схему**. Это легче.

Такова вторая причина, так сказать, **практическая**, причина удобства, или техническая. Делилось количество, но сохранился тип, строй.

3. Наконец, был уже и **материал готов**: псалмы, Писание, ектении и пр. А он определял и характер службы.

Но более интересно теперь усмотреть причины различия между ними. Об этом я скажу сейчас лишь кратко, самое главное.

**Начнем с вечерни.** Главное отличие в том, что там почти нет ни чтения Святого Писания, ни хвалебного элемента. Только видим остатки (прокимен и «сподоби»).

Объясняется это просто. Человек к вечеру **устал**: и телесно – от работы, и душевно – от забот, скорбей и духовной борьбы. Поэтому ему трудно славословить, легче каяться, сокрушаться, хочется мира, отдыха, покоя. Потому псалмическая часть значительна, но все же менее, чем на утрени; потому что «устал человек» и для молитвы. Потому и из великого славословия славное опущено (первая половина), а сохранена часть более

покаянная («без греха сохранится», «буди милость Твоя», «научи...вразуми...просвети», «дел руку Твоею не презри»). И это является переходом к просительной, ектенийной, части и к покаянным стихирам «на стиховне», с покаянными же стихами между ними: «К Тебе возвожу очи мои... как очи рабов обращены на руку господ их (ждут платы, дара – из рук их), как очи на руку госпожи, так и мои очи к Богу, доколе Он помилует нас». И второй стих: «Помилуй нас, Господи, помилуй нас: довольно мы насыщены презрением, довольно душа наша насыщена поношением» (то есть от врагов – бесов).

Потому здесь поется «Свете **Тихий**» – хочется **тишины, успокоения, отдыха** от дневного подвига. И где же его найти, как не в «Начальнике тишины», в «Свете Тихом Святыя Славы», во Христе Спасителе, о Коем апостол сказал: «Он есть мир наш» (Еф. 2, 14)?

И Сам Господь обещал: Я ухожу, но «мир оставляю вам, мир Мой даю вам... Да не смущается сердце ваше», то есть успокойтесь (Ин. 14, 27). Он обещал послать Утешителя Духа (Ин. 15, 26).

Потому так уместна здесь примиренная, предсмертная песнь Святого Симеона: **«Ныне отпускаеши раба Твоего... с миром».**

Потому-то и нет почти славословительной части. Потому даже и Священное Писание не читается, ибо слушать его значит слушать Самого Бога или Его апостолов. А для этого требуется и напряжение, и собранность, и благоговение, и осознание своего несоответствия с идеалом, и вообще встреча с Богом в слове Его тоже торжественна и сильна. А это вечером трудно: устала душа!

Устало и тело, поэтому вечерня значительно короче и утрени, и литургии.

Итак, если закончить все это одним обобщением, то характер вечерни более покаянный и мирный, или **мирно-покаянный**.

На краткий момент в средней части, начиная со стихир Минеи на «Господи воззвах» и по прокимен, поднялось настроение, а потом сил надолго не хватило и опять покаяние

тихое: «Сподоби, Господи, в вечер сей без греха сохранитися нам» и проч. Особенно это заметно бывает на «прощальной» вечерне пред Великим постом: по прокимен облачение повсюду еще светлое. Кончился он; зачитали, как-то особо скромненько, «сподоби без греха», и видишь, как священник выходит уже в темной епитрахили. Началось покаяние. Земные поклоны: «Господи и Владыко».

Единственно подъемный славный момент – это в начале вечерни 103-й псалом «Благослови душе моя» Творца и Промыслителя. На это еще хватает сил сразу, вначале. Но зато конец вечерни с этой умирительно-умирающей песнью «догорающего» ветхого старца Симеона положительно напоминает звезду, ярко вспыхнувшую и медленно растаявшую, или вечернюю зарю, постепенно сходящую во тьму ночи.

Кстати, какие утешительные, успокаивающие, обнадеживающие все прокимны на вечерне: «Господь услышит мя», «Милость Твоя, Господи, поженет (будет гнаться) мя вся дни живота», «Боже, Заступник мой еси Ты, и милость Твоя предварит мя». Милость Божия и сзади гонится за нами, и вперед забегает: лишь бы спасти.

**Теперь посмотрим на утреню.** Утром сил много. Еще свежий человек, потому и служба длиннее, и псалмов больше: нужно набраться запаса духовного на Целый день. Потому здесь и хвалебная часть – гимны, псалмы (в канонах восхваляются подвиги мучеников, постничество преподобных, чудеса Божией благодати в них, – вообще Слава Божия во святых). Утром ведь и птички поют, а к вечеру смолкают. И человек хвалит Господа. И с ним хвалит вся тварь: солнце, облака, рыбы, огонь (молнии), град, снег, ветер, горы, деревья, звери, птицы, цари и простой народ, старые и молодые. Все это оживает утром и выходит на труд, во славу Божию (Пс. 148). Потому и Церковь славословит Бога: и ликами, и тимпанами, и гусями. А подвижники готовятся и на молитву, и на борьбу с врагом: в одной руке у них меч для поражения неприятеля (бесов и страстей), а в устах славословие (Пс. 149). (см. по-русски: понятнее).



Хвалите же Бога всячески: и трубами, и псалтирю, на струнах, на органе, на кимвалах громогласных. «Всякое дыхание да хвалит Господа» (150-й, последний, псалом). И тотчас: «Слава Тебе, показавшему нам свет!» И тут восходило уже солнышко!

Потому здесь и начинается с ангельской песни Вифлеемской: «Слава в вышних Богу» и кончается теми же словами славословия.

Вместо «Ныне отпускаеши» – бодро-радостное желание петь, исповедовать, возвещать, прославлять Господа: «Благо есть (хорошо мне) исповедатися Господеви, и пети имени Твоему, Вышний; возвещати завтра (с утра) милость Твою и истину Твою на всяку ночь» (Пс. 91, 2, 3)... Так можно говорить утром, а не вечером. Этот (91-й) псалом – веселый (ст. 5).

Если же праздник, то и «Хвалите имя» (полиелей и чтение Священного Писания (Евангелия). Это торжество соответствует утреннему времени. «Я, – говорит Господь через пророка Иеремию, – «посылал к вам пророков... с раннего утра» (Иер.44, 4).

Пятидесятница совершилась утром: в 3 часа по-еврейски, 9-й час по нашему.

Наконец, даже между стихирами на стиховне – в противоположность вечерне – радостные, светлые стихи: «Исполнихомся завтра милости Твоея, Господи, и возрадовахомся и возвеселихомся, во вся дни наша возвеселихомся, за дни, в няже (которые) смирил ны еси; лета в няже видехом злая» (Пс. 89, 14, 15).

...И другой стих: «И буди светлость Господа Бога нашего на нас, дела рук наших исправи» (Пс. 89, 17). По-русски еще более славно: «На сынах их» (рабов Твоих) «слава Твоя, и да будет благоволение Господа ...на нас, и в деле рук наших споспешествуй нам, в деле рук наших споспешествуй» (Пс.89:16, 17). Это говорит душа, бодро идущая на подвиг дня (поэтому в монастырях иноки не стоят на литургии, а после утрени выходят на свои труды. Литургия это уже слава, любовь).

О той же борьбе, с перемежающимся воплем к Богу и надеждой на Его помощь и славой Ему, говорит и шестопсалмие. Но что – уж нужно разъяснять бы подробнее, на утрени. А я лишь схему отмечаю. Итак, утренняя – служба радостного подвига.

Наконец, – **литургия**. Суть ее в Евхаристическом Приобщении... Потому здесь элемент покаянный почти отсутствует, кроме ектений просительных. Зато налицо хвала, слава (Пс. 102, Пс.145, Пс.33). Зато весь Евхаристический канон есть восхищенный гимн благодарения, хвалы, славы, любви. Торжество Царской трапезы, Агнчего брака. Это основное.

Затем библейский элемент значительный: и блаженны, и Апостол, и Евангелие. Это все торжественно, это вступление в общение с Богом через Его слово сначала, а после будет приобщение и Самого Тела и Крови! Это поднимает, готовит, возвышает.

Потом множество ектений. Если когда, то именно тут просить, на Царском пиру: Царь щедр, если Сына Своего дал в Жертву, все прочее легче даст (Рим. 8, 32). Тут обо всем можно просить. А покаяние подготовлено было и вечерней, а отчасти и утреней (псалмической частью). Но утренняя все поднималась в хвале и славе и естественно перешла в высшую славу – Евхаристию.

Так литургия – завершение, высота: взаимное общение Бога и людей в любви и Приобщении.

**Все вместе...** Соедините теперь все: покаяние вечерни, подвиг и славу утрени и любовь-общение с Богом на литургии. Какой чудный постепенный порядок и строй! Воистину Дух Святой через святых отцов устроил наши Божественные службы! Ему слава со Отцем и Его Сыном, Спасителем нашим, во веки веков. Аминь.

## МЫСЛИ О ЛИТУРГИИ ВЕРНЫХ. Введение

Господи, благослови меня коснуться Таин Твоея литургии, где Ты Сам и «приносящий и приносимый». Замечу, что многие мысли, изложенные дальше, есть плод моих размышлений и чувств и потому, естественно, носят характер и неполноты, и субъективности. Несомненно, что можно переживать и объяснять все это и с других сторон, – и гораздо глубже, и полнее, и разностороннее, и даже исторически точнее. Я запишу, что отложилось у меня в результате как некоторого изучения, так и многократных служений литургии.

Прежде всего я останавливаюсь на том самом основном моменте, который составляет центр ее, и вообще, центр всего православного богослужения. Я понимаю так называемый Евхаристический канон. Я вскрою основной лишь смысл Евхаристии, как он открылся мне, и притом недавно – по милости Божией.

Есть даже целая книга, где вся литургия истолковывается в приложении к жизни Иисуса Христа. Например, вся проскомидия применяется к воплощению и особенно страданию Христа Господа. Малый вход толкуется как выступление Его на проповедь. Великий вход – как шествие Христа на страдание. Причащение – как Тайная вечеря и Пасха. После него – Воскресение. Унесение Святых Даров – как Вознесение.

Такой символизм людям может даже нравиться, потому что таким путем будто бы объясняется вся литургия, и притом представляется молящемуся в простом и даже цельном виде – как целая жизнь Христа Господа.

Такое сравнение, однако (по нашему толкованию), является искусственным: на самом деле вся служба образовалась, по нашему мнению, совершенно иначе – и естественнее, и психологичнее.

В книге «Строй православного богослужения», показано, что вся служба – от псалмов до причащения – является естественным выражением молящейся души, и литургия является только завершением целонощного моления первых

христиан. А потом, ввиду длинноты, его разделили на три части: вечернее, утреннее и дневное. Но принцип разделения был один и тот же: основные части моления сохранялись одни и те же. Только «жертвенный» отдел литургии был расширен: введена сюда Евхаристия.

Она собственно и является самым главным завершительным концом моления. А все прочее служит приготовлением к ней: и псалмы, и чтение из Слова Божия, и песни (гимны, начиная с песни Мариам, сестры Моисея, до песни Богородицы «Величит душа Моя», и хвала Захарии по рождении Крестителя), и ектении, заменившие жертвы Ветхого Завета. Евхаристия – только конец всего богослужения, что и естественно.

А поэтому нынешняя вся литургия, то есть оглашенных и верных, не может считаться самостоятельным богослужением, отдельным от вечерни и утрени: такую может быть названа лишь литургия верных, и то как заключение, завершение всего богослужения: благодарение за Жертву Христову и продолжение ее.

Следовательно, в более строгом смысле слова литургией должна быть названа так называемая литургия верных, или Евхаристия, благодарение, то есть та часть богослужения, которая начинается тотчас после удаления из церкви оглашенных и готовящихся ко крещению и которая ныне называется литургиею верных, то есть уже крещеных и приступающих ко Святому Причащению, что было «общим» тогда, в первое время. После частота Причащений уменьшилась: при святителе Василии Великом верующие причащались три раза в неделю, потом реже. Святитель Иоанн Златоуст на вопрос, сколько раз можно причащаться, отвечает: «Не спрашивай сколько, а скажи: как? Если ты достоин, то причащайся хоть каждый день; если же недостойн, то не приступай и весь год». Потом Причащение, как и крещение, приурочивалось к великим праздникам. В России вошло в обычай причащаться раз в год, преимущественно в Великом посту. В последнее время стали причащаться чаще, особенно ввиду тяжелого положения верующих; даже ставился вопрос о

ежедневном Причащении. Но патриарх с Священным Синодом остановились на разрешении причащаться по воскресеньям и непременно после исповеди и с разрешения духовника. Таким образом чин Причащения приблизился к древнему времени.

А на Востоке хранился порядок общего Причащения даже без особого предварительного исповедания. Лично мне пришлось наблюдать в г. Симферополе (Крым), как православные сирийцы, бежавшие от войны (1915–1919 гг.), присутствовавшие на ранней литургии, были причащаемы все подряд. Для этого они стояли рядами, и священник шел с Чашей и причащал всех.

Другой такой случай я видел на Кавказе. В греческих селениях установился такой обычай: присутствовавшие в храме причащались там, а затем священник шел в облачении с Чашей по селу и желающие причащения хозяйки выбегали из своих домов, кланялись Святым Дарам в землю и тут же причащались.

У католиков и доселе держится обычай, что желающие причащаются ежедневно.

У нас, православных, мне тоже известно несколько случаев в городах, когда ревнители причащались каждый день; для этого, чтобы не смущать других частым приобщением, они даже меняли храмы.

Известно, что отец Иоанн Кронштадтский причащал всех без всякого учета времени; впрочем, иных он не допускал к Чаше: нужно думать, он считал их, по своей прозорливости, недостойными Причащения.

Священники наши, особенно служащие очередную неделю, причащаются каждую литургию без особой исповеди.

И нас интересует сейчас собственно эта часть богослужения, называемая литургией верных, которая начинается после слов: «Елицы оглашении Изыдите ... да никто от оглашенных, елицы (только) вернии, паки и паки миром Господу помолимся». Это и следующее одно прошение («Заступи и спаси») являются сокращенной великою ектениею; потому что целиком она читалась уже в начале литургии оглашенных, то есть когда могли за богослужением

присутствовать и верующие, но еще не крещеные, а потому не имевшие права причащаться и вообще быть на литургии верных.

Ее мы далее и будем, по силе нашей, толковать; потому мы и назовем книгу: «Мысли о литургии верных».

В дополнение к нашим объяснениям считаем не лишним дать некоторые сведения о времени появления определенных моментов литургии: это позволит ближе понимать ее существенную часть, то есть Евхаристический канон и Приобщение.

Проскомидия, в смысле приготовления к Евхаристии и Приобщению, прежде совершалась после удаления оглашенных, пред литургией верных, и лишь с VI века стали совершать ее до литургии оглашенных, потому что оглашенных стало мало. Это было простое заготовление предметов к Евхаристии, а уже после начали придавать действиям ее аллегорическое значение, толкуя в смысле рождения Господа, и особенно страданий Его: «Жрется Агнец Божий», «яко Овча на заклание ведется»; нож, или по современному наименованию копие, которым вырезается из просфоры Агнец, напоминает копие, коим прободено было ребро Господа, покровцы – плащаницу и т. п.

Прежде проскомидию мог совершать диакон, без неперменного участия священника. И тогда так называемая литургия оглашенных соединялась с литургией верных в одну службу.

«Единородный Сыне» вставлено было в 536 г. при Юстиниане Великом, коему и принадлежит эта молитва.

Малый вход прежде был простым изнесением Евангелия для чтения его из ризницы или диаконика в центральную часть храма; ему был придан потом аллегорический смысл выступления Господа Христа на проповедь.

«Святой Боже» введено было с 438 г.

Херувимская песнь внесена была при Юстиниане Младшем (565–578).

Символ веры, как известно, был составлен на Первом Вселенском Соборе (325) и дополнен, с 8-го по 12-й член, на Втором Вселенском Соборе (381), а введен в богослужение в 510 г.

«Достойно есть» – в честь Божией Матери – внесено с 980 г.

«Да исполнятся уста наша» – с 620 г.

Уже отсюда становится ясно, что существенной частью литургии были Евхаристический канон и Причащение. Поэтому и мы останавливаемся далее именно на литургии верных,

которая установлена в самой сути Господом Иисусом Христом на Тайной вечери и практиковалась с апостольских времен до настоящего времени.

Только прежде она была короткой (Деян. 20, 7–11), а все собрание посвящалось молитвам и поучениям, но главной целью была Евхаристия. Про это прямо говорится следующее: «В первый же день недели» (Воскресение), «когда ученики» (христиане) «собрались для преломления хлеба...». (Деян. 20, 7). А так как на этот раз в Троаду прибыл апостол Павел, то, естественно, сначала христиане слушали длинную – было уже зажжено «довольно светильников» (Деян. 20:8) – беседу его, так что «некоторый юноша, именем Евтих» даже задремал и упал с третьего этажа «и поднят мертвым» (Деян. 20:9). Апостол прекратил беседу и побежал вниз: оказалось, отрок был жив, так что после привели его в собрание «и немало утешились» (Деян. 20:12) этим.

Но Павел, убедившись, что Евтих жив, воротился опять наверх, и, сказано, «преломив хлеб и вкусив», продолжал беседу «довольно, даже до рассвета» (Деян. 20:11).

И, конечно, он возвратился наверх не для обычного вкушения, или ужина, а для Евхаристии; она же была коротка. И, однако, апостол нашел нужным прервать свою беседу для преломления хлеба, а потом продолжал ее «до рассвета».

Из второй главы Деяний видим явное отличие простого вкушения пищи от «преломления хлеба»: верующие «каждый день единодушно пребывали в храме» на молитву потом «преломляли по домам» (в храме этого еще тогда нельзя было делать) «хлеб» и после этого «принимали пищу» (Деян. 2, 46). Этого не объясняют апостолы Павел и Лука: до такой степени преломление было всем известно. А после в Коринфе Павел подробнее говорит об этом: собрание делалось не для пищи (1Кор. 11, 21, 22), а для «Вечери Господней», о которой он и говорит потом (1Кор. 11, 23–29).

На этих вечерах выступали и со словом поучений, и говорили на разных языках, и прозорливо открывали тайны других (1Кор. 14, 4, 5, 25, 26).



После же, когда эти особенные дары сократились, то христиане обратились к известным ветхозаветным частям богослужения: к псалмам (подготовительной части), к Писаниям (библейской части), к гимнам (хвалебной) и к ектениям (просительной); жертвы уже кончились, их заменила одна ЖЕРТВА – ХРИСТОВА (Евхаристия, благодарственная [часть]). Это отвечало и естественным потребностям духа. (см. книгу «Строй...»).

А потом ветхозаветный элемент стал дополняться или изменяться новозаветным творчеством и Священным Писанием Нового Завета.

Бессменной же оставалась Вечеря Господня, или Преломление хлеба, или Евхаристия. Поэтому к объяснению ее мы и обращаемся. И конечно, мы принимаем уже тот чин ее, который сложился из древности и кристаллизовался во всей Православной Церкви под именем литургии верных.

## ОСНОВНОЙ СМЫСЛ И ХАРАКТЕР ЕВХАРИСТИЧЕСКОГО КАНОНА («ЖЕРТВА ХВАЛЕНИЯ»)

Слово канон (греч.) означает собственно тот инструмент, каким пользуются мастера для правильного выведения стен, и который у нас зовется «отвесом» (бечевка, на конце которой привешен «золотник», металлическая тяжесть или простой камешек). А отсюда уже стали называть и многое другое, что построено по какому-либо определенному правилу, образцу, – например, третья часть утрени, песнопения канона, где ирмосы и тропари всегда расположены в определенном количестве (8 или 9 песней – по 14 тропарей, после обязательного ирмоса и т. п.), и в определенном литературно-музыкальном строе: тропари должны строго соответствовать ирмосам по величине, расположению мыслей и т. д.

Затем канонами стали называться уже и правила вообще, или законы; так, например, церковные законы с апостольских времен, затем постановления Соборов великих отцов древности называются канонами.

Понятно теперь, что и Евхаристический канон называется так потому, что он, раз составленный, остается неизменным, узаконенным, точно исполняемым, всегда одинаковым богослужением или частью богослужения; другие части и менялись исторически, и могут меняться и впредь, а эта центральная часть, и притом в основных ее моментах, оставалась и будет оставаться вовеки, до скончания мира, нерушимым законом, неизменным правилом.

Почему же Церковь так точно и бережно хранила эту часть богослужения? Конечно, не случайно. Причина в том, что содержание ее связано, как увидим, с самыми существенными христианскими догматами, которые не только не подлежат изменению по существу своему, но и теснейшим образом связаны именно с Евхаристией, а потому не могут быть произвольно исключаемы или дополняемы или изменяемы (за исключением разве каких-либо несущественных подробностей).

Что же означает слово «Евхаристический», «Евхаристия»?

Большинство обыкновенно под этим словом разумеют или Причащение, или же чаще Пресуществление Святых Даров, или вообще всю ту часть богослужения, на которой совершается таинство Пресуществления и Приобщения; наконец, под этим словом иные разумеют принесение Святых Даров как Исккупительной Жертвы Богу. И в этом смысле чаще всего разумеют это слово.

В известной мере все это имеет свои основания, но самый существенный смысл все же не в этом, как увидим.

Однако я хочу остановиться еще несколько на обычном, ходячем понимании Евхаристии как Исккупительной Жертвы и на происходящих отсюда мыслях и чувствах.

Если бы центральный смысл Евхаристии был в Жертве, тогда весь этот канон и сводился бы к этой идее; она должна была бы занять и заполнить все. Между тем, Евхаристия как Жертва занимает лишь незначительную часть канона, именно от тайной молитвы, даже второй половины ее, читаемой во время пения «Свят, Свят, Свят» («С сими и мы блаженными силами»), где говорится, что Бог так возлюбил мир, что и Сына Своего Единородного дал за спасение его, и Он, все сделав для этого в жизни Своей, наконец «Сам Себе предаеше за мирский живот и спасение», для чего пред смертью Своею установил таинство Причащения, Бескровную Жертву Тела и Крови. Затем произносятся слова Господа о сем («Приимите, ядите... пейте от нея вси» Мф.26:26–27)), а после возносятся Дары как жертва Богу – Ему от Его же Даров: «Твоя от Твоих Тебе приносящи о всех и за вся». И наконец после призывания Святого Духа Святые Дары пресуществляются в Тело и Кровь, или в Жертву Исккупителя.

Вот на этом, собственно, и кончается искупительный момент Евхаристии. Как видим, он не занимает даже и 3-й части всего этого отдела богослужения, если к Евхаристическому канону, как и должно, отнести молитвы, начиная со слов: «Возлюбим друг друга», потом Символ веры, далее – от слов «Станем добре» и проч. – большую тайную молитву, читаемую во время пения «Достойно и праведно» и до половины другой

молитвы «С сими блаженными силами», и, наконец, молитвы, читаемые после Пресуществления о Церкви Небесной, молитвы об усопших и живых, которые занимают весьма много места, особенно в литургии святителя Василия Великого.

Отсюда мы уже можем делать вывод, что центр Евхаристии не в Жертве. Она является лишь посредствующим, хотя и чрезвычайно важным моментом Евхаристии, основное содержание которой, в общем, иное.

Если теперь обратиться к переживаниям молящихся, то, будучи связаны с идеей искупления, Жертвы, страдания за мир, Голгофского Креста, Смерти Спасителя, эти переживания, конечно, должны также получить и соответствующее жертвенному пониманию содержание, своеобразную окраску, характер, тон мыслей и чувств.

Иные стоят в это время сравнительно равнодушно, менее даже внимательно в душе, чем за Евангелием, за проповедью, и слабее, чем во время собственного причащения, и это естественно: многие не понимают смысла Евхаристии, а поемые и произносимые (с сокращением прекрасных объяснительных «тайных» молитв) слова так отрывочны и недостаточно связаны для рядового богомольца, что ему трудно понять и внутреннюю связь, и глубокий смысл всего. И лишь во время «Тебе поем» становятся на колени. Этим, конечно, оттеняется важность данного момента Пресуществления, но коленопреклонением обычно выражается у нас и другой смысл: прошение, покаяние, смирение. И нужно думать, что теперь богомольцы делают это по привычке, не давая отчета себе, а в лучшем случае соединяя оба указанных смысла. Между тем по уставу церковному совсем не полагается здесь стояние на коленях, да еще с таким чувством, как прошение, покаяние, следовательно, церковное понимание не вкладывает такого смысла. Еще менее можно это коленопреклонение истолковывать в смысле сострадающего состояния при Крестной Жертве Спасителя на Голгофе, повторяемой здесь; для этого тоже нет никаких указаний в служебнике. Единственно, что употребляется, да и то лишь в практике, а не в уставе – это поклонение Святым Дарам после их

Пресуществления, как знамение Божеского почитания Христа Спасителя, «зде нам невидимо спребывающаго» (молитва пред «Святая Святым»). Но в служебнике и этого не указано. Следовательно, характер и тон всей Евхаристии – не просительный, не умиловительный, а иной. Какой же?

Признаюсь, я и сам прежде неясно отдавал себе отчет в общем характере, основной идее и цельном, главном всеохватывающем чувстве, какое подобает держать за Евхаристией, какое составляет подлинный и действительный смысл ее и какое, как увидим, ясно выражено во всех молитвах ее.

Итак, в чем же главный смысл Евхаристии?

Для понимания этого мы мало обращаем внимания на самое слово «Евхаристия» и мало нам объясняли это. Между тем несомненно, что из всех богослужений наших самое центральное – это литургия; ни вечерня, ни утренняя никак не могут сравняться с нею ни по высоте и силе совершающегося таинства, ни по напряженности религиозных переживаний: веры, близости в общении с Богом, молитвы – одним словом, ни объективно (по существу), ни субъективно (по чувствам). Да это и понятно: все прочие богослужения собственно являются подготовительными к литургии или, во всяком случае, более слабыми видами «приобщения» Господу Богу, каковыми являются всякие молитвы – беседа или общение души с Богом.

Но если литургия – центр всего, то в ней Евхаристия, и именно рассматриваемый нами Евхаристический канон, есть несомненно вершина ее. И становится поистине странным и непонятным: как это у нас доселе нет правильного понимания и переживаний ее?! Между тем стоило бы только остановиться глубже на самом наименовании этой части богослужения – и сразу все должно осветиться совершенно иным светом, повернуть нашу душу в ее переживаниях совсем к иным чувствам, мыслям.

«Евхаристия» – слово греческое, от благо, хорошо, добро; и дар, подарок, благодать, то есть, следовательно, незаслуженное получение чего-либо. А все слово (Евхаристия) означает по смыслу прежде всего «благый дар», «благодать»,

«дар совершенный» (как говорится в заамвонной молитве), а потом уже и настроение «благодарения» (за «благой дар», за «благодать»). Если же соединить оба эти смысла, то получится «благодарение» за некий «благой дар», благодарность за благодать. Но из этих двух сторон одного и того же в сущности чувства сила смысла сосредоточивается на благодарении, и обычно так именно и переводится это слово, и так должно его переводить, как «благодарность». И теперь греки употребляют его в таком же смысле, например наше русское слово «благодарю» по-гречески переводится «евхаристо». Но и в этом понимании заключается скрытый смысл о «даре», о благодати, ибо «благодарить» можно лишь не за заслуженное что-либо, а за – полученное даром, за «благодать».

И именно так Церковь наименовала и самое таинство, и этот богослужебный канон – Евхаристия, благодарность, а в наименовании обычно схватывается самый существенный смысл, самый характерный тон понятия.

## БЛАГОДАРНОСТЬ, ХВАЛА, СЛАВОСЛОВИЕ

Это наименование лишь кратко охватило и сформулировало все основные чувства и мысли, выраженные почти во всех молитвах на всем протяжении канона и связанные теснейшим образом с сущностью таинства Евхаристии.

Посмотрим.

Прежде всего обратим внимание на самое слово: Святые Дары. Дар – это принесение от благодарящего за полученную милость. И этим именно словом называем мы Евхаристическую Жертву в тайной молитве еще на Херувимской и на следующей затем ектении: «Дары же и жертвы духовныя о наших гресех»; здесь «дары» отличаются от «жертв», значит, соединяются опять два момента: благодарение и умилоствление, а в параллельной молитве литургии святого Василия Великого (которую сократил святой Иоанн Златоуст) яснее отмечается этот характер благодарности по преимуществу: «Призри на ны, Боже, и виждь на службу сию нашу, и приими ю, якоже приял еси Авелевы дары (а они были мирно- благодарные), Ноевы жертвы (опять благодарственные – за избавление от потопа), Авраамова всеплодия (благодарность за Завет с Богом), Моисеева и Ааронова священства (хвалебно-благодарственные приношения за поставление их на священнослужение), Самуилова мирная (здесь уж и самое слово «мирная», и понятие об этой жертве в Ветхом Завете, как приносимой за полученную милость, говорят о хвале). Якоже (наконец) приял еси от святых Твоих апостол истинную сию службу (а апостолы, как уже искупленные, пребывали в благодарении прежде всего – Деян. гл. 2), сице и от рук нас, грешных, приими дары сия во благодати Твоей», – то есть прими с любовью нашу благодарность.

Так Церковь молится еще ранее канона, лишь готовясь приступить к нему.

А дальше это станет еще яснее. После Символа веры диакон приглашает приступить уже к «святому возношению», но

как? С сокрушенным ли сердцем? С воплями ли о помиловании? Нет, ничуть не так, а «в мире приносить», в мирном состоянии. А какой же может быть «мир» при мольбах о пощаде, о прощении? Мирно можно прийти уже помилованному, чтобы отблагодарить Помиловавшего, чтобы хвалить за милость. Поэтому лик и отвечает на слова диакона:

«Милость мира – жертву хваления».

То есть вместо древнего елея (греч. слово «елеон» означает и елей (масло), и милость), вместо или в качестве этой благодарственной мирной жертвы за полученную от Бога милость мы приносим «жертву хваления», хвалебную благодарственную жертву.

Так Церковь прямо и именует начинающую приноситься жертву – хвалою, благодарением, славословием и этим сразу вводит в должное настроение. Значит, и мы в храме должны проникнуться с этого момента возвышенным чувством хваления, а не сокрушенным молением о помиловании, или обращаться с просьбами о разных нуждах наших, хотя бы даже и о спасении души. Всему было время и еще будет, но только не сейчас. Уже мы решились «всякое житейское отложить попечение» (в Херувимской), а теперь – время хвалы и благодарения, момент Евхаристии.

Об этом так и говорится совсем уж определенно и ясно: «Благодарим Господа» – будем благодарить Его! По-гречески: (евхаристомен то Кирио), то есть будем совершать или приносить («возношение приносить», как ранее говорил диакон) «Евхаристию» (благодарение). Кому? Господу. Как же будем благодарить? На это отвечает лик (за народ):

«Достойно и праведно есть поклоняться».

Так всякий благодарящий приходит к Благодетелю и кланяется ему (поклоном ли головы, в пояс ли или и до земли).

А пока это поет лик, священник тайно читает молитву, тоже «приклонися», то есть тоже благодарно наклонившись; здесь уже эти мысли о благодарности выражены еще яснее, здесь уже раскрывается, за что именно «достойно» (греч. – подобает, должно) поклоняться: «Достойно и праведно и лепо (приличественно, соответственно, согласно) великолепию



Святыни Твоя, Тебе (Тебя) хвалити, Тебе пети, Тебе благословити, Тебе кланяться, Тебе благодарити, Тебе славити»...

Смотрите, как Церковь сразу же не наговорится словами благодарения! Шесть слов разных об одном и том же чувстве хвалы. Не так ли бывает при благодарности и с людьми? Не говорим ли и мы: «Я уж не знаю, как вас и благодарить. Не умею, и слов не нахожу, чтобы выразить вам то, что я чувствую за вашу милость. Но поверьте мне, я очень, очень вам признателен. Вовеки не забуду вашей доброты» – и т. д. и т. д. Сердце, переполненное благодарностью, хочет излиться в горячих и богатых речах.

И если Церковь нашла шесть различных слов для выражения чувства хвалы, значит, сердце ее чрезвычайно горело, захвачено было пламенем прежде всего или, лучше, всецело было восхищено именно чувством крайней, сжигающей благодарности. И далее перечисляются разные виды благодеяний Божиих (о них после) и затем заключение:

«О сих всех (и за все это) благодарим Тя» Господи; благодарим «о всех (о всем) ихже ве мы, и ихже не ве мы (о чем знаем и чего не знаем), явленных и неявленных благодеяниях, бывших на нас. Благодарим Тя и о (за) службе сей (то есть литургии), юже от рук наших прияти изволил еси», хотя «и предстоят Тебе тысящи архангелов и тмы ангелов, херувими и серафими» – «возвышающися» (поднимающиеся, летающие), которые (говоря словами святого Василия Великого) «взывают един ко другому непрестанными усты» и «немолчными словословенми».

Что же взывают? Если уж славословят, то не просят, не ходатайствуют, а хвалят.

«Победную (славную, как победителю после победы) песнь» на разные лады «поюще, вопиюще, взывающе и глаголюще» (сообразно четырем животным в видении Иезекииля: орлу – поюще, тельцу – вопиюще, льву – взывающе, рыкающе и человеку – глаголюще). Это говорит священнослужитель.

Какая же это песнь? Что за славословие?

«Свят, Свят, Свят Господь Саваоф (сил), – отвечает народ за ангелов и присоединяясь к их хвале, – небо и земля полны славы Твоея! Осанна (хвала) в вышних! Благословен грядый во имя Господне! Осанна!» Слава!

Вот каким гимном ангелы, а с ними и люди славят Господа.

Так, следовательно, сердце, ищущее себе слов для выражения благодарности (евхаристии), нашло победный, торжественный язык и славит Бога вместе с небесными слугами Божиими, которые «присносущное», постоянное «возсылают» Богу славословие...

Вот куда приравнял себя человек! К Архангелам, Херувимам! Искал-искал, с кем бы сравняться в выражении благодарности? Кто бы еще так пылал желанием хвалы? А вот – Серафимы! («серафим» – значит «пламенный»). И не задумалась Церковь – по любви своей пламенной – поставить себя наряду с ними. Что может быть выше этого? Уже нельзя ничего и придумать больше для хвалы.

Еще в Херувимской мы дерзаем «припевать» Херувимам. А здесь уж совсем осмелились и поем вместе «с сими блаженными (счастливыми) силами... и мы, грешнии», – читает далее тайно священнослужитель и то же самое говорит, как и Ангел: «Свят еси яко воистинну и пресвят, и несть меры великолепию святости Твоея». И опять повторяет еще: «Свят еси и пресвят, и великолепна слава Твоя» . И потом уже читает о послании и об установлении Им Евхаристии. И Сам Учредитель ее начал именно с благодарения, которое говорится в Евангелии и тайной молитве: «хвалу воздав» (Мф. 26, 27; Лк. 22, 17, 19) или «благодарив».

Вот как наполнена, насыщена славословием, благодарением уже большая часть самого центрального места Евхаристии!

Похоже ли это на скорбные и просительные наши настроения, с какими мы приступаем к канону этому?

А когда мы обратимся мыслью своею к тем основаниям, кои вызывают такое именно переживание, тогда нам еще яснее будет, что только так, только именно с благодарением и нужно и

можно участвовать христианину за Евхаристией; тогда нам будет даже стыдно, если мы только и умеем просить и скорбеть.

Но уже закончим этот хвалебный гимн Церкви. Во время Пресуществления Святых Даров, во время принесения и освящения Жертвы Духом Святым, совершаемого священнослужителем, где уже рядовые миряне не могут принимать непосредственного и действенного участия, предоставляя это людям особо освященным, а точнее – Самому Духу Святому; они молчат, а за них лик продолжает петь хвалебную песнь.

Ну, остановимся на этом поразительном сочетании: Жертва и хвала!

Представим: нашего сына распинают, а может быть, и пытаются; мы же в это время ...хвалу поем.

В алтаре повторяется Голгофская Жертва, а люди в это время ликуют и радостно поют: «Тебе (Тебя) поем, Тебе (Тебя) благословим, Тебе (Тебя) благодарим, Господи».

Поразительное сочетание! Так даже в момент искупительной жертвенной части Евхаристии Церковь радуется и благодарит...

Правда, «и молится», но больше все же поет, благословит, хвалит.

В алтаре – Небо: Отец, закаляющий Сына Своего Духом Святым, рукою священника. Там страдания.

А в храме – земля, искупаемая Церковь. Здесь радость...

Как совместить это? Да, совместилось (почему – увидим дальше). И именно так должно отвечать христианину на Искупительную Жертву, то есть главным образом хвалою благодарности, пением славы... Именно ради лишь Искупления и можно стало благодарить... Может быть, позволительно даже и плакать, но плакать слезами благодарности; можно и рыдать от пожигающей хвалы за помилование. Это сочетание хвалы и жертвы поистине захватывает нашу душу. И даже сейчас хочется плакать слезами умиления... И плачу... Плачу, благодарный... О, сколько и я получал бесчисленных милостей! Ведь и я живу лишь верою и силою Искупления...

О, как понятен восторг благодарения Церкви!

Но из раскрытия этого сочетания мы можем уже окончательно убедиться, насколько господствует над всем в Евхаристическом каноне именно идея и чувство благодарности, что даже во время жертвы Церковь благодарит! Следовательно, сделаем отсюда и дальнейший вывод: Жертва не составляет сущности службы Евхаристии, а лишь является проходящим моментом, дает основание, материал, повод к главному содержанию ее, к благодарной хвале Богу. Воспринятое Искупления – радостная благодарность.

И вспоминается сейчас Богородичен на 9-м часе, читаемый постом: «Агнца, и Пастыря, и Спаса мира на Кресте зрящи Рождшая Тя, глаголаше слезящи: мир убо радуется, приемля избавление, утроба же Моя горит, зрящи Твое распятие, еже за всех терпиши, Сыне и Боже Мой».

Закончим мысли эти.

После Пресуществления Церковь с благодарностью вспоминает о спасенных людях, праотцах, отцах, патриархах, пророках, апостолах, мучениках, исповедниках, благовестниках, воздержниках (подвижниках) и просит: «Да обрящем милость и благодать» и мы «со всеми святыми». А особенно – с Пресвятой Владычицей нашей Богородицей и Приснодевой Марией. Ее «изрядно», исключительно, подобает (достойно) «блажити... Присноблаженную Сущую Богородицу... величаем».

Опять величание, опять хвала, и уже не одному Богу, но и сопрославляемым с Ним и Им прославленным святым, а выше всех – Богородице, «...Честнейшую Херувим и славнейшую Серафим...», «...без истления Бога Слова рождшую, Сущую (Истинную) Богородицу...».

Это ублажение Ее изумительно восторженно выражено в задостойнике: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, ангельский собор и человеческий род». И заканчивается это песнопение теми же словами: «О Тебе радуется, Благодатная, всякая тварь, слава Тебе!»

И сколько других подобных же хвалебных задостойников: «Светися, светися!... Чистая, красуйся Богородице!» (Пасха); «Радуйся, Царице!» (Пятидесятница).

Все это вполне гармонирует с основным тоном Евхаристии – благодарением, славою. Об этом будем писать еще далее.

А сейчас скажем о последнем славословии.

Помянувши земных, нуждающихся тоже в милостях Божиих, Церковь заканчивает Евхаристический канон мольбой, чтобы Господь дал нам милость и впредь всегда «ныне, и присно, и во веки веков» «славить и воспевати пречестное и великолепое имя» Его.

Пожелав затем «милостей» и всем присутствующим: «и да будут милости Господа нашего Иисуса Христа...», священнослужитель заканчивает Евхаристический канон и внешним благословением, то есть опять-таки радостно.

Народ отвечает: «Аминь. Истинно! Верно! Согласны!»

Вот каков основной характер Евхаристии или тон ее: благодарственная хвала. И таким именно настроением и должен проникаться христианин, участвуя в этом моменте литургии. Особенно важно, чтобы эти переживания ощущал священнослужитель, тогда его чувства передадутся и пастве молящейся.

Чем же объясняется этот тон? Чем он вызывается?

## ВЕЧЕРЯ ЛЮБВИ

Несомненно, теми благами, на которые так восторженно настроила Церковь. И если хвала носит такой восхищенный тон, то, значит, есть чему восхищаться, ликовать. И действительно, есть. Это гимн благодарной пламенной любви. Однажды мне пришлось услышать замечательное определение службы, и в частности литургии, от одной христианки, почувствовавшей это сердцем именно во время Евхаристии.

«Свят, Свят, Свят!» слышу я, – говорила она мне. – «Осанна! Осанна!» И вдруг мне стало ясно, что это Церковь от любви своей так поет Ему, Жениху своему Небесному. А от этого мне раскрылось, что и вообще все службы Церкви есть гимн любви ее к Богу».

Мне эта мысль показалась тогда весьма примечательной и даже новой, оригинальной для меня. Ведь мы обыкновенно теперь все больше просим да каемся. И чем далее от начала христианства, тем молитвы становились все более покаянными. Но в глубоко религиозном сознании чистой души, каковым является сознание Церкви, этой чистой Невесты Христовой (Еф. 5), должно быть и было, и бывает иначе: преданность ее Господу Спасителю прежде всего и должна выражаться в любви и благодарности; и все святые души пламенели этой любовью:

«Сладчайший Иисус».

Эти слова были лишь образными выражениями, а отвечали горению сердца. И если вслушаться в тайную музыку духа Евхаристии, скрывающуюся под гимном благодарности, то можно ощутить этот дух любви. Благодарность, о которой мы так пространно говорили, не есть благодарность раба, отпущенного на свободу, нет, это есть славословие сына, любящего и любимого.

И ничего лучше не найдешь для выражения этого чувства, как «Песнь Песней», где невеста поет восторги Возлюбленному своему. Церковь с древних времен приложила эту песнь к себе и ввела ее в число канонических книг. И хотя в своих молитвах Церковь указывает целый ряд причин для своей благодарности,

но это не холодный отчет «долга», а лишь слабые указания для объяснения своей любви.

Вот мы, допустим, «сознаем», сколько величайших милостей проявил к нам Господь, и, сознавая (сначала преимущественно умом), потом благодарим, «перечисляя» в уме и на языке, «за что нужно» благодарить Его. И это пока еще от ума.

Но потом, допустим, мы уже на опыте своем, на собственной душе, «почувствовали» действительно все эти «благодетельства» Божии, пережили их уже сердцем. Тогда мы будем благодарить уже не холодно, а горячо, сердечно; и тут уже мы можем почувствовать не только «долг благодарности», а и ответную благодарную любовь. Но все же мы еще отделяем себя как человека «благодетельствованного» от Благодетеля, чувствуем себя «обязанными» и чувствуем вот это «расстояние»: Он – и я, Великий – и малый, Благодетель – и нищий, Совершенный – и персть грязная, Славный – и законоосужденный, Судья Милостивый – и преступник помилованный.

Но вот есть и третья ступень: вдруг мы ощутим, что Он не столько «Милующий», сколько «Любящий». Творец, любящий Свою тварь, и притом любящий, конечно, уже не по «заслугам» ее, а лишь ради Своей любви, ради Своего совершенства, вследствие Своей святости, и больше того: любящий тварь несовершенную, грешную, отпадшую, даже враждебную. И любящий такую великою любовью, что никакие жертвы для Него не оказываются невозможными: Бог идет до последнего предела в любви к созданному Им миру.

Нам нужно, непременно нужно почувствовать эту исходную точку всего дальнейшего дела спасения: неизреченную, бесконечную любовь Божию... Нужно установиться в этом убеждении; больше в ощущении любви Бога к миру...

Но это лишь одна сторона. Поймем и другую. И Душа человеческая зажигается этой любовью Бога: любовь почти всегда вызывает, зарождает, зажигает взаимную любовь. Почувствовав любовь к себе Бога, человек воспламеняется и сам ею же к Нему.

Но когда совершится это в душе, тогда уже точно теряются границы, стирается то «расстояние», о коем я упомянул выше, и душа, точно «забывши» и собственное ничтожество, и несказанное величие Бога, будто равноправная, изливает лишь свой восторг любви к Любимому и Любящему... И тут уже не столько проявляется благодарность, сколько ощущение взаимной любви или счастье, блаженство любви... Вот и я чуть чувствую это, а язык слаб... Возьму еще пример из жизни человеческой: царь полюбил свою подданную, и она воспламенилась к нему любовью, и в таком положении все, что ни делает он для нее, делает не с высоты «благотворителя», а по влечению своего увлеченного сердца. А она? Будет ли она «благодарить» его за «благодетельства»? Да они ей все вместе кажутся ничтожными пред любовью «его»; вот любовь его – одна она восхищает ее... А за любовь можно ли «благодарить»? Плохо еще любит тот, кто лишь «благодарит». Истинная любовь, восхищенная, сожигаемая огнем любви Любящего и пламенем своей любви, забыв все, живет лишь одною ею. И изливается в гимнах радости, блаженства, счастья, восторга. Она припоминает и «благодетельства», но лишь для того, чтобы еще больше возликовать и унести в пламени любви ввысь, к Любимому.

И я уверен, что у святых бывает нечто подобное. Но то не дивно. А вот что дивнее: такое чувство может переживать даже и «грешная» душа, но дерзнувшая любить «Неравного», но «Сравнявшегося», принявшего «зрак раба» (Флп. 2, 1–11). И скажу еще больше, еще дерзну: и Сам Господь любит такие души!

Даже не усомнюсь изречь и еще высшее: Он любит таких, дерзновенно любящих Его, больше, чем «праведников», но не пылающих. О, здесь можно бы много сказать, но лучше умолчу: хочется утаить в груди своей заветное... Только знаю, что у Любящего Бога это есть, как прямо и сказано в слове Божиим, то есть Самим Им: «Аз любящия Мя люблю! И ищущии Мене обрящут благодать».

Таков «закон» любви. И эта любовь вызвала путь спасения. Она изобрела «всяк путь художества» домостроительства... Все



прочее есть лишь вода, текущая из этого источника – Любви.

«Бог любви есть», – так сказал о Боге апостол любви Иоанн (1Ин.4:8, 16).

И эту любовь можно и нужно прочувствовать в Евхаристии, вслед за первым чувством благодарности – любовь взаимную.

Но она, как чуткая мимоза, как возлюбленная в Песни Песней, не любит света дня, а стремится к возлюбленному ночью и при наступлении зари по росе возвращается к себе. Так и здесь: любовь в Евхаристии можно почувствовать, а кое-где увидеть и след стоп ее.

Чутким сердцем подглядим эту небесную гостью в саду земном.

Первое слово, с которого можно считать начало Евхаристии, слово о любви: «Возлюбим друг друга». «Возлюбим»... Да, не здесь говорится пока о любви друг ко другу, скажете. Верно. Однако эта любовь не самоценна, не цель, а лишь путь, чтобы можно любить Бога: «Да единомыслием исповемы Отца и Сына и Святого Духа».

«Исповедать» – значит открыто признавать. Но устами ли лишь одними? Конечно, нет. Исповедничество – уже результат привязанности, преданности, любви. Мученики-исповедники шли на пытки Ради любви ко Христу. И теперь лишь в начале духовной жизни, на первых ступенях веры, исповедание может носить характер простого «верования», признания догматов о Боге, Пресвятой Троице и прочем, а затем вера становится живою, или жизнью души, переходит в сердечное общение с Богом или, иначе, в любовь к Богу. Познание Бога делается любовью к Нему или жизнью в любви к Нему. И лишь у бесов вера – холодная, «трепещущая» (Иак. 2, 19).

Впрочем, Церковь сейчас сама показывает нам эту истину, когда певчие поют про Пресвятую Троицу: «Отца и Сына и Святого Духа», исповедуют Ее, в это время священнослужитель «поклоняется трижды» Предложенным Дарам и ясно говорит о любви своей – крепкой, преданной, твердой любви: «Возлюблю Тя, Господи, крепосте моя, Господь – утверждение мое, и прибежище мое».

Вот они – слова любящей невесты-души: «возлюблю». Прежде еще чем «благодарить», она свидетельствует о любви своей. И не наговорится кратко, а придумывает все разные слова; так влюбленные уж и не знают, как бы все по-новому ласково назвать любимого человека... «Крепость», «утверждение», «прибежище»... Не смеет еще душа назвать Любимого нежными именами; впрочем, и невеста, как лоза к дубу, прижимается к жениху, опираясь на силу его. А простые люди про любимых мужей так и говорят: «Надежда мой». Здесь сочетаются и любовь, и упование, и сознание своей слабости, и опора на силу и любовь любимого. А это слово: «прибежище» – разве не ласковое?! Вдумаемся. «Прибежище» – это тихая пристань, где спокойно укрываются от лютой бури и корабль, и люди, истерзанные борьбой с волнами и ожидавшие, быть может, гибели уже. «Прибежище» – это ласковый приют матери, куда укрывается испуганное дитя, и на руках «сильной мамы» мгновенно успокаивается. И душа человеческая, загнанная врагом, запуганная и собственными немощами, о чем так ярко говорилось лишь недавно, в прочитанной (тайной) молитве, во время Херувимской песни: «Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотьми и сластями приходити или приблизитися, или служити Тебе, Царю Славы», ибо «велико и страшно» это даже «и сием Небесным силам»; душа, трепещущая «Царя Славы», пред Коим «да молчит всякая плоть человека и да стоит со страхом и трепетом», Которому «предходят» «лицы ангельстии со всяким началом и властью», то есть с чрезмерным торжеством, сознанием величия, с силою собранного духа, «лица закрывающе» от страха; и вот эта смущенная только что душа вдруг, точно забыв и о величии Бога, и о своей худости, оставляет страх и трепет, и свидетельствует о любви. И не только не боится «приходити или приблизитися» к Нему, но бежит к «прибежищу» Своему, у Него уже ища защиты, приюта, покрова. И вспоминаются слова царя Давида из шестопсалмия: «В крове (под укрытием) крилу Твоею (как цыплятки под крылышками матери) возрадуются. Прильпе душа моя (прильнула) по Тебе, мене же прият (обняла) десница Твоя» (Пс. 62, 8–9).

Какая нежность взаимной любви и доверия! Какие прекрасные образы!

Правда, эти слова: «Возлюблю Тя, Господи» – говорит священник, но он есть лишь представитель своей паствы, и в лице его все говорят о своей любви к Богу.

А он свою и их любовь выражает затем уже и знаком. Каким? Самым обычным, каким люди всегда выражают любовь свою: целованием.

Сказавши «трижды» эти слова о любви, сердце не насыщается единократным свидетельством о ней; священнослужитель, говорится в служебнике, «целует святая сице: первее верху Святаго дискаса, таже (затем) верху Святаго потира, и край святых трапезы» под Дарами.

Так любящие много раз целуют и не только лицо самого любимого, но и ноги его, и даже готовы целовать хоть и землю под ногами его.

Так объясняется значение целования Святых Предложенных Даров и даже трапезы под ними. И это еще до Пресуществления их. А после Пресуществления любовь эта влекла батюшку отца Иоанна Кронштадтского множество раз целовать святую Чашу, прикасаться к ней головой или даже брать ее и прижимать к груди... Нечто подобное и мы, грешные, можем испытывать на литургии, особенно после Причащения, когда не только священнослужителям, но и всем причастникам повелевается: по причастии да «целует святую Чашу, и, поклонившись, отходит».

Несомненно эти поцелуи – знак любви, а в сербском языке эти два понятия даже слились в единое слово: «полюбити» значит у них «поцеловати» («любим руку» – целую руку, так миряне приветствуют священников).

Народ же в это время, как и священнослужители между собою, тоже целуется. Об этом речь еще будет далее, но здесь уже нужно отметить, что с кем бы ни было целование, оно несомненно является знаком исполненного любовью сердца. Ненавидящие не хотят даже смотреть друг на друга (не-на-вижу – не смотрю на тебя); холодно смотрят чужие, они равнодушны; и лишь в «единомыслии исповедующие» Троицу, горящие

любовью к Ней могут целовать и друг друга. Об этом будем еще говорить дальше.

А затем затворяются двери. «Двери, двери!» – возглашает диакон привратникам храма, то есть затворите их. Зачем? Сейчас мы «Премудростию вонмем», будем внимать с мудростью Символу веры. Обычно это истолковывают в том смысле, чтобы в наступающий чрезвычайный момент тайны Пресуществления уже никто не нарушал безмолвной тишины совершающегося тайнодействия и молитвенной сосредоточенности подготовки к причастию, а тем более в этот момент никак уже не дозволялось входить некрещеным или запрещенным или, наконец, с этого момента не впускали уже и просто запоздавших.

Но, несомненно, здесь не только позволительно, но даже и должно усмотреть и другой, гораздо более глубокий смысл, находящийся в тесной связи с таинством Евхаристии вообще, и в частности – с любовью к Жениху...

«Запоздавшие» ... Кто это такие? Не вспоминаем ли мы чего-либо в связи с этим словом из Евангелия?

«Полунощи же вопль бысть: Се Жених грядет! Исходите в сретение Его! Тогда восташа вся девы тыя, и украсиша светильники своя. Юродивые же, не захвативши масла, вынуждены были пойти покупать. А в это время и прииде Жених: и готовыя (приготовившиеся заранее, мудрые девы) внидоша с Ним на браки. И после этого тотчас же: И затворены быша двери. После пришли и прочия девы, глаголюще: Господи, Господи! Отверзи нам! Но уже было поздно! Аминь глаголю вам, – ответил Жених, – не вем вас, запоздавших. Бодрствуйте же!» – заключил Господь притчу (Мф. 25).

... Наступает брак Жениха. Вечеря любви. Пир радости. Приглашаются самые родные, близкие, способные принять участие в этом общении любви, так сказать, духовно-интимно (внутренно) связанные сердечною любовью, – одним словом «свои», любящие и любимые.

Чужим не место: «Не знаю вас» (Мф. 25, 12), «вы не Мои».

Евхаристия есть брак души с Господом; это есть «Тайная вечеря» любви, как и говорит Церковь пред Причащением:

«Вечери Твоея Тайныя днесь, Сыне Божий, причастника мя приими».

Боже мой, Боже мой! «Вечеря» взаимной «любви» Бога с человеком. Бог любит нас, такую «тварь». «Общение» с нами имеет. Плакать даже хочется мне, Убогому. Только не выгони меня, Господи, из «светлостей святых Твоих» чертогов. Правда, «одежда мя обличает, яко несть брачна». Боюсь, да не буду «связан извержен» «от ангелов» (см.: Мф. 22, 10–13). Сам «очисти скверну души моей и спаси мя» и дай «насытитися, еже в Тебе (общением с Тобою) наслаждения» (конец молитвы ко Причащению).

«Брак». «Вечерня». «Общение». «Приобщение». «Причащение». Да разве еще нужны какие-либо другие доказательства? Самые эти наименования Евхаристии, то есть Пресуществления и Причащения, не свидетельствуют ли о любви общения? Церковь не усомнилась, вслед за Самим Спасителем, взять эти сравнения о брачной вечери из земной жизни, где любовь достигает высшего напряжения. И святой Макарий Египетский, желая каким-либо подобием изобразить любовь души к Богу, говорит, что ее можно сравнить с любовью невесты к жениху, или даже с состоянием человека, опьяненного вином, но, конечно, добавляет он, качественно все это далеко от приведенных образцов.

Да, в Евхаристии происходит именно тайна общения любви души с Богом. И какого же «общения»?! Самого крайнего, самого реального, не только выражающегося уже в целовании «Чаши», а – страшно сказать! – в принятии Христа Господа внутрь, даже не внутрь души лишь (как могут истолковать еще и протестанты или сектанты), а даже внутрь и тела. И принимается реальное, истинное «Тело и Кровь» Христовы. Какое же может быть большее общение?! В чем более этого может выразиться любовь, всегда ищущая общения с любимым? Здесь предел! Здесь полнота на земле! И лучше умолчать...

Вернусь к возгласу о «дверях».

... Представим же: какое интимнейшее готовится тайнодействие! И душа должна, как невеста, собраться вся в

единую мысль лишь о Женихе Небесном. Сейчас Он придет и позовет ее. Ей хочется остаться с Ним наедине. «Тайну общения не повем», не расскажу, не открою не только «врагом» Его, но и чужим. Закрою двери для «незнакомых» и не знающих Его.

Послушайте там, стоящие у дверей: закройте их, запирайте, и не впускайте никого.

Чувствуем ли, какой таинственный, глубокий, но вместе с тем совершенно естественный смысл оказывается в этих простых словах о «дверях», а в древности они в это время действительно затворялись, и этим еще более создавалась тогда атмосфера интимной, духовной близости в любви к Богу. И после этого тотчас же и начинается первое общение с Господом, пока еще лишь в виде «исповедания»: читается (у греков, сербов, болгар, западных христиан) или поется (в Русской Церкви) Символ веры.

«Верую во Единого Бога Отца... И во Единого Господа Иисуса Христа, Сына Божия Единородного ... Единосущна Отцу ... и в Духа Святаго, Господа Животворящего, Иже от Отца Исходящего».

Здесь мне опять нужно остановиться немного, и именно в связи с идеей о любви. В прежнее время Символ веры представлялся мне холодным перечислением догматов, в которые нужно веровать, как в богооткровенные истины, и исповедовать, то есть открыто признавать их как свидетельство, как своего рода «вид» (паспорт) на право принадлежности к истинной Церкви, а следовательно, и на спасение. И не считал я Символ веры за «молитву», то есть за живое общение с Богом. Такое отношение мое совпадало с общим моим духовным состоянием, когда человек интересуется лишь нравственно-аскетическими вопросами и переживаниями; догматы же для него стоят еще в стороне от души как не связанные с его жизнью. Тогда думается: зачем нам догматы, какая разница между религиями, а если она и есть, и именно в догматах, то какое практическое жизненное значение их? Это вопрос интересный, но особый.

Но вот наступает в духовной жизни такое состояние, когда человек изверивается в собственных силах к нравственной

жизни и по необходимости обращается к сверхъестественной помощи – к Богу. Здесь тогда и открывается вся великая, и даже единственно важная ценность так называемых догматов: о благодати, об искуплении, об Икупителе, о Сыне Божиим – Богочеловеке, о Святом Духе, о Пресвятой Троице. И вдруг оказывается, что «догматы» совсем не «истины» лишь, то есть не отвлеченные идеи, не знание, не предметы лишь умового «верования», холодного признания, не учение, а, наоборот, в них-то и заключается самая подлинная жизнь или, даже лучше сказать, они-то и суть жизни души, и только на них основывается, в них коренится, от них получает силу и так называемая нравственная жизнь, наше доброе поведение. Но и опять не нужно думать, что догматы являются лишь «основой» или метафизическим обоснованием, или идеологическим «императивом», то есть философским положением, повелительно вызывающим те или иные выводы практического свойства; все это имеет некоторое значение, то есть догматы действительно ведут к тем или иным настроениям, требованиям и действиям, но суть их заключается не в этом, а в том, что бытие, которое сформулировано в этих догматах, есть самая настоящая жизнь души. Жизнь души заключается в причастии к той сверхъестественной жизни, о которой догматы говорят отвлеченно.

И тогда открывается, что Дух Святой есть Начало «Животворящее», очищающее, спасающее, утешающее, что Христос есть действительный «Ходатай Бога и человеков», Посредник, постоянно действующий, и столь нужный душе, что Им лишь и живет человек, что Искупление есть единственный путь к жизни, им лишь «можно дышать», что подлинная жизнь есть лишь жизнь в Боге, и именно в Пресвятой Троице и т. д. и т. д».

И тогда догматы приобретают центральное значение, а «нравственные» вопросы – производное, подчиненное, второстепенное.

Когда душа поймет это опытно, тогда она от интереса к нравственно-аскетическим вопросам переходит к «жизни – догматами», и они ей становятся самыми дорогими. И тогда

начинается, зарождается сердечное отношение к догматам, а не умственное, или кратко: просто знание переходит в общение. А это общение, или внутреннее соединение, и дает подлинное познание; как и говорит апостол Павел, если «кто думает, что он что-либо знает, тот еще не знает (не испытывает), что значит знать». А вот если «кто любит Бога, тот познан Им, Богом, то есть Бог вступает с таковым в общение и открывает ему о Себе или Себя» (см.: 1Кор. 8, 2, 3).

При таком состоянии Символ веры окажется уже не холодным «признанием», а живым «исповеданием», горячим свидетельством внутреннего общения или сердечной любви к Богу. И тогда эти, по-видимому холодные догматические истины вдруг зажигаются внутренним огнем и согревают сердце сильнее всех иных средств, ибо жизнь от Бога изливается в сердце исповедника. На любящую веру Бог отвечает самооткровением, или общением, на призывание Его имени – жизнью в Нем.

И тогда Символ веры превращается в молитву, и притом гораздо более высокую и напряженную, чем многие другие молитвы, в которых мы просим, каемся, сокрушаемся и т.п. Тогда становится понятным, почему преподобный Серафим в своем кратком правиле указал лишь три молитвы: «Отче наш» – Сам Спаситель дал ее; «Богородице Дево» – архангел Гавриил принес, и затем вот эту молитву – Символ веры, в коей изложена вся наша вера, и притом словами Слова Божия.

И тогда понятно станет, что Символ веры есть «исповедание любви» к Богу и как таковое переживается сердцем с умилением. И я видел не одного епископа, который, подклонив голову под «воздух», колеблемый над ним со служителям и, вставал после от престола в слезах. Ясно, что они не «думали» об «истинах», а причащались с Жизнью, Богом; они не «знают» уже, а любят.

Но это – лишь начало приобщения, а далее оно выразится и полнее, и сильнее в Причащении Святых таин. Церковь ведет к этому, однако, постепенно: затворив двери, она пригласила к первой ступени общения с Женихом на браке – к исповеданию; это можно сравнить как бы еще с обручением, когда



брачующиеся обещают верность друг другу. Душа-невеста открыто засвидетельствовала свою верность Богу; за это и она услышит от Него то же самое, но в гораздо большей мере, как это увидим сейчас.

А пока подслушаем зов любви ее дальше.

– Горе имеим сердца!

– Сердце дай мне, человек! – просит Господь. «Даждь Ми, Сыне, Твое сердце!» – говорилось еще в Ветхом Завете (Притч. 23, 26).

И Церковь приглашает нас отдать Ему сердце... «Сердце», то есть уже не прежнее лишь исповедание верности, обещание преданности, а самую преданность, отданность, любовь. Душа как бы отрывается не только уже от земли (это еще в Херувимской требовалось: «Всякое ныне житейское отложим попечение»), но даже и от самого себя: отдать «свое сердце» – значит забыть себя, значит жить любовью в другом.

Это уже много выше Символа веры. И потому взлетевши «горе», к горним силам, и с ними поклонившись Богу, возблагодарив Его за милости, душа Церкви начинает петь гимн любви и хвалы: «Свят, Свят, Свят! Осанна! Благословен! Славный! Царь Славы! Хвала Тебе!»

Только любящее сердце, забыв себя, может петь «победную песнь» хвалы. Даже не просит, а только славит от любви своей.

То же самое переживается и во время «Тебе поем, Тебе благословим, Тебе благодарим».

А после Пресуществления Святых Даров эта любовь Церкви и хвалы, или благодарной любви, распространяется не только на Самого Бога, но и на принятых уже Им на брак Агнца, на гостей Его, в Царстве Его уже блаженствующих. Радуетя Церковь в любви своей за счастье «пришедших», «благословенных», «наследовавших» Царство Небесное (см.: Мф. 25, 34): праотцов, отцов и прочих святых. А особенно радуется, «изрядно» с любовью славит Бога за «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную Славную Владычицу нашу Богородицу и Приснодеву Марию».

И если сладко душе именовать «Сладчайшего Иисуса», то после Него со сладостью радостно душа произносит и имя

Преблагословенной. Так радостно, что иногда от этой сладости нет сил произнести Ее сладкое имя, Этой Высшей Херувимов, первой Невесты Божией, Богоневесты, Богородицы, в Коей любовь и общение с Богом достигло уже крайней полноты и предела, как «Матери Бога нашего, Честнейшей Херувим и Славнейшей без сравнения Серафим».

Брак Агнца в Ней уже проявился в совершенстве. Она вся – любовь к Богу и принята в любовь Пресвятою Троицею. Потому достойно есть величать Ее после Господа, «блажити Богородицу».

А за Ней – святого Иоанна Крестителя, «друга Жениха», «радостью радующагося» с Ним в Царствии Его (см.: Ин. 3, 29–30), после – апостолов, затем – именинников дня этого, святых, коих память творится. К ним – особая любовь от нас, особая радость за них...

Так теперь мы видим, что параллельно с благодарностью вся Евхаристия проникнута и любовью Души молящейся.

## БРАК АГНЦА

Но эта любовь есть лишь одна сторона, и притом уже ответная на иную, но в то же время и вызывающая эту другую сторону к любви. «Вечеря любви» не столько и уже не только состоит в любви к Жениху, но прежде всего и больше всего в любви Самого Жениха к невесте и другим ее, и Его друзьям.

Евхаристия есть жертва хвалы за великую любовь к нам Бога: это теперь нужно усвоить еще яснее. Нужно всею душою проникнуть в ощущение любви к человеку со стороны Господа, от которой (любви) и произошло все дальнейшее дело спасения, которая учредила и самый брак, сама не «нуждаясь» в нем, за которую не только «должно благодарить», но сердце восхищенно само загорится хвалою любви, о чем мы только что говорили. Понять эту любовь Божию – значит понять источник «настроения» или характер Евхаристии, значит уловить самый сокровенный смысл и содержание Евхаристии. Здесь сокровенная «жизнь» ее.

И я твердо знаю, что говорю истину.

Но припомню сначала лучше свидетельство такого опытного участника Брачной вечера, как отца Иоанна Кронштадтского: «Наша Божественная литургия, и в особенности Евхаристия, есть величайшее и постоянное откровение нам любви Божией!»

И затем он эту мысль раскрывает уже подробнее: дальнейшие мои мысли отчасти я заимствовал по памяти у него, а иное открылось из самого текста Евхаристического канона, особенно в связи с излагаемыми идеями о хвале любви. А нечто даже открылось за литургией по милости Божией ко мне, нищему, но не отверженному (да не будет сего никогда) «от отроков» Его («отрок» – это слуга).

Приготовимся же услышать об этой радостнейшей, блаженнейшей, поистине «евангельской» вести...

А подумать только: как это бесконечно ценно – убедиться в любви Божией к нам, грешным! Ведь мы обычно большей частью пребываем в воззрении на Бога как на Судию, на

Праведного Мздовоздаятеля, поэтому мы сознаем себя пред Ним виновными, зрим свои грехи, сокрушаемся, просим прощения, помилования, каемся, исповедуемся, и особенно пред Причащением. Но эта связь двух таинств – двух переживаний, довольно разнородных притом, совсем не была обязательною в древности: наоборот, тогда причащались без исповеди... Это знаменательно! На Евхаристию шли тогда не как только что «помилованные», «прощенные»: «ихже отпустишася беззакония, и ихже прикрываша греси» (Рим. 4, 7), а как друзья Божии, как одетые в брачную одежду, как «святые», «святая братия» – так и называются христиане в посланиях (см.: Рим. 16, 15. Фил. 4, 1. 1Сол. 5, 27 и др.).

Они шли тогда иначе, чем мы теперь. Примерно, как ныне люди готовятся на свадьбу. До покаяния ли тут? И постов уже не соблюдают на пиру свадебном. Даже и в мысль никому не приходит это, что одобрил и Сам Господь, сказав фарисеям про учеников Своих, упрекаемых ими в несоблюдении постов: могут ли сыны брачного чертога поститься, когда с ними Жених? «Придут дни, когда отнимется у них Жених (Христос), и тогда будут поститься» (Мф. 9, 15).

Что же это значит? Неужели мы теперь поступаем не как должно поступать? И отчего такая разница? Это нужно понять. И тогда нам яснее станет не только то, почему теперешняя наша аскетика требует больше всего покаяния, почему и молитвы ко Причащению наполнены до края сплошным сокрушением и окаеванием (до «треокаянности» включительно – в молитве святого Симеона Нового Богослова), а с другой стороны, нам раскроется и то, как приступали к Причащению древние христиане и почему именно ими, древними, составлена в таком тоне жертва хвалы любви – «Евхаристия».

Кратко на это можно ответить так: древние христиане в христианстве ощутили и восприняли самую главную суть его: милость любви Бога – в спасении мира.

Евангелие для них было именно «Евангелием», то есть блаженной вестью о спасении, возвращением утерянной любви Божией, восстановлением общения с Богом, установлением «Нового Завета».

И притом все это ощущалось несравненно ярче, чем теперь нами, по следующим трем причинам.

Нужно прежде всего представить весь тот ужас разлагающегося языческого мира, воистинну лежавшего во зле, о котором кратко, но ярко написано апостолом Павлом в первой главе Послания к Римлянам. Поистине была «тьма», царство диавола. Нужно знать и полную беспомощность всех людей, и в частности иудеев, в борьбе с грехом. И тогда можно понять отчаянный вопль бывшего Савла: О окаянный (несчастный) я человек! Хочу и не могу! Что ненавижу, то творю. «Кто избавит меня?» (см.: Рим. 7, 14–24). И вдруг вносится в эту кромешную тьму свет: невозможное для человека возможно Богу! Благодарю Бога (моего) Иисусом Христом Господом нашим», – вырывается утешительная благодарность у апостола Павла (Рим. 7, 25).

Человек получил спасающую благодать Святого Духа ради Икупительной Жертвы: «грехи прощаются, благодать Святого Духа возвращается, демоны прогоняются, страсти исцеляются, печаль исчезает, тьма гибнет, жизнь расцветает». Получилась совершенно очевидная метаморфоза, преобразование, воскресение нового мира. Человек вырвался на свободу, на радость «в веселии и простоте сердца», как говорится в книге Деяний (Деян. 2, 46). И даже трехвековые страшные мучения не могли заглушить этой радости свободы во Святом Духе. Мир был спасен.

Это совершенно ясно ощущалось не только самими христианами, но даже и язычниками, созерцавшими новую жизнь их. Это был особый блаженный мир! И все это дано было даром, по благодати.

Теперь хоть немного можно понять весь тот восторг «спасенных» людей, в котором жили первохристиане. И потому понятно станет, что они должны были прежде всего «благодарить»; понятно станет, что основная их служба должна быть «Евхаристией», то есть жертвою хвалы.

Вторая причина заключалась в необычайных дарах, какими ущедрял тогда Святой Дух-Утешитель первых христиан. Стоит лишь просмотреть книгу Деяний, как увидишь, до какой степени

явна была благодать Святого Духа, о которой мы теперь лишь по имени знаем, а силы ее не ощущаем и лишь жалобно о ней тоскуем. Между тем апостолы говорят о ней со своими читателями и слушателями, как мы беседуем друг о друге: «преданы были благодати Божией» (Деян. 14, 26); хотели идти в Асию, но «возбранени быша от Святаго Духа» (Деян. 16, 6); «рече Дух Святый: отделите Ми Варнаву и Савла на дело» (Деян. 13, 2); «с нами пошел и Дух Святый», и т. д. И все это совершенно явно.

И тогда нужно было это, ибо подобало привлечь весь мир к Царствию Божию. «Ученицы же исполняхуся радости и Духа Свята» (Деян. 13, 52). Это была радостная заря христианства. И тогда станет еще более понятным чувство радостного славословия Господа, отразившееся прежде всего в молитве: хотелось благодарить, благословлять Бога!

И, наконец, была и третья причина: несмотря на некоторые частные недостатки, все же первохристиане были, конечно, «святыми», «святою братией» не сравнительно лишь с языческим или иудейским миром, а и по существу. А святость уже не о покаянии думает, а о радости во Святом Духе и радости непрестанной, о благодарности непрерывной. Нам теперь странно даже читать, и никак мы не можем понять, например, советов апостола: «радуйтесь всегда о Господе: и паки реку, радуйтесь» (Флп. 4, 4); «всегда радуйтесь» (1Сол. 5, 16); «за все благодарите» (1Сол. 5, 18).

А это же не только писалось и не только понималось, но и осуществлялось: «приимаху пищу в радости и в простоте сердца, хваляще Бога и имуще благодать у всех людей» (Деян. 2, 46, 47); «благодать же бе велия на всех» (Деян. 4, 33).

Итак, очевидно, что восприятие христианства первыми последователями его было весьма отличное от современного: оно было восторженно-благодарное. Они узрели в христианстве пламень любви Божией к миру, восприняли светлые радостные плоды его, узрели именно со стороны спасения Спасителем.

После христиане стали слабеть в жизни; стала слабеть и благодать. И тогда начали проникать и в службу все более покаянные мотивы и настроения. Вместо благодарности –

просьбы, вместо радости благодати – печаль покаяния, вместо любви к Богу – ожидание праведного суда или молитвы о помиловании.

И эти молитвы до такой степени овладели ослабевшим миром, что стала тускнеть надежда даже на милосердие Искупителя. И измученное человечество, не находя исхода, запротестовало против давившего католичества и бросилось к вере в спасенность Искуплением. И тогда мир снова услышал «песни благодарения», которые можно и теперь слышать и в протестантских храмах, и на сектантских посиделках. Но, увы, разница оказалась великая: прежде это был восторг святых, а теперь сентиментально-фальшивая практика мнимо-спасенных.

Однако я на этот пример ссылаюсь для того, чтобы дать понять, почему и как можно было радоваться в первые дни христианства. Но истинные святые и наших дней знают об этой радости в Боге. Стоит лишь прочесть дневник отца Иоанна Кронштадтского, его восторги при совершении литургии. Нужно было лично видеть (как и видели мы) преображающийся, ликующий вид его за Евхаристией, чтобы понять, почему Евхаристия была и есть благодарение: «любовь Божия воистинну излилась на людей Духом Святым» (см.: Рим. 5, 5). И эту любовь восприняла Церковь и выразила ее в службе ежедневной – в Евхаристии.

Тотчас же после перенесения Святых Даров с жертвенника на престол священнослужитель, закрывая их воздухом и кадя, говорит: «Ублажи, Господи, благоволением Твоим Сиона, и да созиждутся стены Иерусалимския, тогда благоволиши жертву правды, возношение и всесожигаемая, тогда возложат на олтарь Твой тельцы» (Пс.50:20–21).

Эти слова взяты из конца 50-го псалма царя Давида: «Помилуй мя Боже», написанного им после его падения с Вирсавией и убийства на войне ее мужа Урии.

Зачем они вставлены сюда? С одной стороны, потому, что в них прямо говорится о «Жертве» и «возношении», а через несколько моментов и мы будем «святое возношение», «Жертву хваления» «в мире приносить»; обычно же из Ветхого Завета приводятся слова, имеющие какое-либо отношение к

новозаветному моменту. Но должно вникать и в более глубокий смысл текста вообще, и в частные оттенки его. Что же хочет предложить здесь Церковь кроме «жертвы»?

И мое внимание давно приковали не эти совпадающие слова о «жертве», а другие: «ублажи», «благоволением», «благоволиши». Причем они поставлены ранее «жертв»: вот если Ты, Господи, сначала «ублажишь», тогда лишь Ты с благоволением примешь и нашу жертву, тогда только и мы «возложим на олтарь Твой тельцы».

Значит, чтобы принять от нас жертву, нужно, чтобы сначала Сам Бог изъявил на это благоволение (при царе Давиде – к Сиону, теперь – к Церкви, к собранию верующих, к каждой душе), или «ублажил». Что это такое? Сначала необходимо, чтобы Господь проявил Любовь Свою или милость. Иначе же человек как низшее существо, да еще и грешное, прогневавшее Господа (как сам царь Давид – грехами), и не дерзнет приносить не только мирно-благодарственную жертву, но даже и жертву «всесожжения» о грехах. Следовательно, даже эту умиловительную жертву «тельцов» нельзя приносить без предварительной любви и благоволительного согласия на то Бога.

Да ведь это и совершенно понятно: Бог – Всесовершенство, мы же – грешники. И на земле так бывает: чтобы поднести дар высокому лицу, нужно сначала не только его позволение, но и прямое благоволение, доброжелательство, любовь. Тем более невозможно иначе приносить жертву Богу, как только после Его благоволения, вследствие Его любви к нам.

Так начало всего – от первоисточника, от любви Бога. Что же дальше?

Когда Он благоволил проявить Свою любовь к миру («ублажил») тогда лишь созданы были «стены Иерусалимские». Что это такое?

При царе Давиде это имело такой смысл.

Господи, умиловись сначала надо мной; верни Свою ко мне, падшему, любовь; прояви это в благоволении к моему любимому делу, к столице новой, к Сиону. А как? Пусть при Твоей милости будут выстроены сначала стены городские,



крепостные, то есть ограда от врагов; ведь и хозяин сначала выстроит дом и двор, а потом уже безопасно и храм (скажем, в монастыре) строит, и жертвы будут приносить в благодарность.

А в духовном смысле это значит, что лишь после и вследствие любви Бога, возвращения благоволения Его сделалось возможным поставить преграждение, ограду, «стену», с одной стороны, от внешних врагов (диавола, его царства), а с другой стороны, даже и от «поядающего огня», «гнева Божия»: такую «оградой» была Испытательная Жертва Сына Божия. И так именно и было: самое Искупление стало возможным лишь по «благоволению» Божию или, как обычно говорят, Отца, по «совету предвечному» Пресвятой Троицы.

Но уже после осуществления Искупления оно само стало «оградой», защитною стеною для грешного мира, для падшей души.

Вот это и есть «ограда» и спасительная «стена» наша. И только после Испытательной Посреднической Жертвы Его можно бесстрашно приступать к жертвеннику Божию, не только приносить умиловительные жертвы о грехах наших, но и благодарить, но даже и любить Бога, ибо мы ранее этого были уже приняты Им в любовь Его.

Вот каков смысл и место этим словам о благоволении Божиим.

И как они утешительны мне бывают, когда я служу, недостойный, литургию! Вспомнишь о грехах своих да о страшных словах за Херувимской: «Никтоже достоин приблизиться» – и трудно станет душе. Но вдруг точно луч: «А Ты, Господи, «ублажи» Сам! Ты – Сама Любовь! Поставь между Твоею Правдой и моими беззакониями умиловительную стену «Жертвы оправдания» Сыном Твоим и «нашим» «Сыном Человеческим»!

И Ты уже поставил! Искупление уже совершилось! И все это не по «моим» делам или «заслугам», а только по любви Твоей.

...И тогда сразу легко станет на душе! И в самом Деле: я боюсь лишь потому, что сосредоточил свое внимание на своих немощах, на себе. Да, тогда трудно, а может быть, и безысходно. Но перенеси, человек, сердце свое на Всемогущего

Посредника, Богочеловека, да на океан Любви Божией, и тогда ты легко успокоишься: что такое твои язвы пред Жертвою Сына Божия?! Капля в море. И почувствуется великая твердость надежды. Не на себя, что такое «ты», ничтожество?! Нет, а на Бога, на Искупителя! Бог Посредник!

Но и Посредником Он стал лишь вследствие предварительной и сопутствующей «Любви Божией».

И мир входит в душу! Можно теперь приносить «святое возношение в мире», можно и «благодарить Господа», и «возлюбить Господа, крепость мою, утверждение мое и прибежище мое», можно совершать «жертву хваления».

Эти слова мне кажутся тихим веянием ласкового прохладного ветра в знойный летний день своею благовещенскою, евангельскою вестью о любви, о благоволении, о милости, о благодати. Точно и мое сердце слышит архангельское приветствие Деве (душе нашей):

«Радуйся благодатная!... Не бойся... Обрела Ты благодать у Бога!» (см.: [Лк. 1:28, 30](#)).

Правда, Она была Чистая... Но и в Ней воплощение совершилось лишь после и вследствие «совета предвечного», после решения о «благоволении», после Любви Бога.

И не думайте, чтобы это были лишь мои мысли. Вот в первой же затем тайной молитве (за первой ектенией «Исполним...») священник просит этой же милости, благодати, или, что одно и то же, – о любви: «Сподоби нас», приносящих «дары и жертвы», «обрести благодать пред Тобою: еже быти Тебе благоприятней жертве нашей».

А уже вследствие этого: «И вселится Духу благодати Твоя Благому (доброму, любвеобильному, милостивому) в нас, и на предлежащих дарех» «и на всех людех Твоих».

Сначала пусть встретит нас «благодать пред Тобою», чтобы («еже») потом была бы благоволительно приятна («благоприятна») и наша жертва.

А далее понятнее будет уже и дерзновенное заявление служителя: «Возлюблю Тя, Господи, Крепосте моя», надежда, опора, ограда, стена моя, пристанище мое.

Вот теперь уже можно душе затворить «двери», чтобы войти на брак Агнчий, на пир Жениха, Единого от Троицы.

Прежде боялись даже приступить, «приходить», или «приблизиться», а теперь иное: входят в чертог брачный и уже за собою затворяют двери для чужих, не «своих», непосвященных, незваных. А вшедшие – дорогие гости у Жениха. И одного лишь Он желает от них – полной преданности Ему за Его любовь, за защиту: «Забудь, душа, ради Меня все прочее! Отдай всю любовь Мне одному! А для всего прочего затвори двери сердца своего: не только для нечистого чего-либо, но даже и для постороннего, для всего, кроме Меня! Сосредоточься, соберись вся!»

И действительно, диакон тотчас же возглашает: «Двери, двери! Премудростию вонмем!»

Будем внимательны!

Так, следовательно, эти слова и самый акт закрытия дверей являются символическими для выражения всецелой собранности и отданности Богу в тайнике сердца.

И вспоминаешь слова Господа о молитве в нагорной беседе: «Егда молишия, вниди в клеть твою, и затворив двери твоя, помолися Отцу твоему, иже втайне» (Мф. 6, 6).

Начинается тайнодействие брака Агнчего, тайна взаимообщения Бога с душами человеческими, тайна взаимной любви, тайна При-общения, При-час-тия; начинается Евхаристия. Сначала Церковь (в Символе веры и словах священника) исповедала свою верность любви, а теперь мы услышим и прямое откровение о любви к ней (к нам всем) со стороны Бога. Но прежде чем это сказать, происходит еще одно замечательное действие.

После поставления Святых Даров на престол (по Великом входе) они закрываются воздухом, но уже одним, большим, а два другие, малые, сняты. Что это значит? После «благоволения» Божия снимаются «покровы» с прежде сокровленного от людей – Господа: Сын устранил препятствия Своею смертью и теперь Он везде: «Во гробе плотски, во аде же с душою... в раи же с разбойником, и на Престоле... со Отцем и Духом», везде «все наполняет», соединяет, открывает,

как читает священник, снимая покровец с диска. А снимая другой – с Чаши, говорит, что гроб Христов, смерть Его оказались «живоносными», «прекраснее рая воистину» и всякого «чертога царского» светлее, ибо и мы «воскресли» в прежнее общение с Богом.

Правда, эта смертная Жертва еще не совершилась, но о ней говорится как уже о «предложенной» к совершению («о предложенных» в жертву «честных Дарех Господу помолимся» – в первой ектении «Исполним...»). И потому, хотя «вечеря» уже и «подготовлена», но еще на брак не впускают гостей. А как символ этого – Святые Дары закрываются еще общим большим покровом. Жених еще невидим. Но снять этот покров очень легко: стоит лишь поднять его немного вверх и только. Все почти готово. Еще немного – и позовут на брак.

Но пока подождем. Заметим и другое литургическое действие. После перенесения Святых Даров через царские двери, они затворяются и завеса задергивается. Закрыто.

Это обычно истолковывают в смысле положения во гроб, как и покрытие большим воздухом, потому тогда и читается дважды, при поставлении (положении) и при закрытии покровом (обвитии плащаницами) тропарь погребения Христа: «Благообразный Иосиф... плащаницею чистою обвив, во гробе нове закрыв, положи».

И это правильно: жертва приготовлена, хотя еще не совершена вполне. Исаак связан и на дровах, но еще не заклан; но уже самое решение Авраама было жертвою, снискавшей благоволение Божие. И здесь: изволение Сына Человеческого отдать Себя на смерть есть уже жертва, и о ней можно уже говорить, как о состоявшемся акте. Но она еще не совершилась. И потому можно и нужно вкладывать и другой смысл в эти слова и действия: вечеря приготовлена, званые собрались в передних помещениях, но в главный брачный чертог не впущены: двери затворены, завеса закрыта, «жертва тайная» под покровом.

Но вот раздается возглас начала брака: «возлюбим», «возлюблю», «двери», «верую» .

И вдруг священник, поцелуем выразив любовь Любящему и Возлюбленному, снимает покров. Жених впускает невесту и мудрых дев – гостей. Жертва является. Агнчий брак «открывается».

В древнее время, когда не было иконостасов, это действие – открытие приготовленной жертвы – было зримо всеми. И можно себе представить, как одно это символическое знамение приковывало внимание, «преданность» Церкви Жертве, Агнцу. Как тогда становились сразу понятными и дальнейшие слова о всецелой благоговейной собранности, внимании: «Станем добре, станем со страхом, вонмем!» Сейчас будем «приносить» Жертву, «святое возношение»!

Сейчас начинается брак Агнца. Но теперь это же самое делается лишь одним священником; он – облагодатствован, и ради этого дерзает смелее и говорить о любви своей («возлюблю») и снимает покров. Как бы так: «дружка» («друг») Жениха первый подходит к Жениху и за руку уже подводит к Нему невесту – Церковь. А она стоит еще за дверями, ожидает явления («откровения») Его (Ин. 3).

Когда же скажут «двери, двери», то для одних, то есть чужих, этот возглас означает закрытие, затворение, а для своих, для званых, наоборот, открытие, впускание на брак, вход их к Жениху. И потому при этом возгласе священник открывает завесу от царских врат: значит, теперь «открыто»!»

Входите в чертог, на брак!

А у греков царские врата устроены так, что они сдвигаются в сторону и видна лишь одна завеса. Когда же и ее отдергивает священнослужитель, тогда народу становятся зримы Святые Дары, Агнец, уготованный на заклание.

Вот как художественно Церковь выразила начало Евхаристии, впускание званых на вечерю и самую идею открытия брачного пира любви! И пока верные вместе со священнослужителем исповедают верность свою в Символе веры, тот колеблет воздухом над Агнцем. Таков смысл этого символического действия: это изображает присутствие Ангелов, служащих при святом таинстве; еще чаще колебание воздухом понимается как действие и снисхождение Святого

Духа на Святые Дары, а также и на главу архиерея, а через него и на всю возглавляемую им «его богохранимую паству».

И последнее понимание, самое правильное и глубокое, имеющее чудную связь с идеей – брачной вечера любви. Но Дух Святой ведь не сошел еще? Истинно: далее о сем будет прямая молитва пред самым Пресуществлением. Да, но там Он призывается именно для этого величайшего таинства, для претворения хлеба и вина в Тело и Кровь Христовы («сотвори»).

Здесь же ему предлежит иное действие: я не нахожу лучшего сравнения, как обручение Жениха и невесты. Как это?

Невеста Церковь исповедует верность («веру») Жениху. Он слушает и принимает ее.

Что потом обычно делается на обручении?

«Благословение» обручающихся: родители (а если есть священник, то он прежде них) благословляет. Как? Накладывает сверху на них руки.

Это же происходит и в Церкви: при встрече Жениха Христа и невесты-Церкви (всякой души) Дух Святой, все действующий, сочетавает их предварительным пока благословением. В знак этого и веется покров, означая снисхождение благодати и на Дары, Жертву, и на Агнца, и на священников (особенно это явно бывает, когда архиерей склоняет главу к Дарам под покровом, держимым и колеблемым священниками), и на внизу стоящий, за амвоном, народ.

Как глубоко, умирительно, осмысленно и даже художественно!

Но это не есть лишь «символ», то есть знак без действительности, обряд пустой, без силы, форма голой идеи; нет, в этот момент воистину происходит сие таинство благословения, хотя еще и не в полноте, что будет уже в Причащении. Обручение еще не венчание, но уже вступление в первую ступень общения, в любовь душ; уже теперь обручившиеся не чужие, а свои, они уже принадлежат друг другу.

И основание на этот смысл я нахожу в заключительных словах тайной молитвы, читаемой как раз пред этим моментом, началом Евхаристии (во время «Исполним...»): «Сподоби нас»,

Господи, «обрести благодать пред Тобою...» и вот дальше: «И вселится духу благодати Твоя», – не Самому еще Духу Святому, что бывает при Пресуществлении, а лишь – Духу, дару, силе благодати. Впрочем, не нужно очень входить в тонкости, ибо и благодать, или «энергия», есть Тот же Дух Святой в действии Его, но если угодно, то можно допустить и этот оттенок, ибо и при обручении дается лишь сила благословения, но еще не дух сочетания. На кого же?

«В нас» (то есть сначала священниках, архиереях, ибо иначе как я, невеста, дерзну подойти к Жениху, Агнцу?), потом «на подлежащих Дарех сих», на Агнце Брачном, «и на всех людех Твоих» ...

Все трое благословлены, соединены, обручены «Духом благодати». И это символически выражается в веянии над головами людей и Жертвою – покровом.

Но что же далее бывает при обручении? После благословения обрученные целуются? Конечно.

И мы видели еще ранее, как священник, выражая любовь свою, целовал Дары через покров еще. А теперь, после «обручения», целует снова покров.

Он целует его вместо Самого Агнца; на сие не дерзает еще невеста Агнчая.

Так и здесь этот поцелуй есть целование души, обрученной Жениху Агнцу. И при этом, – замечательно, именно при этом, – священник «полагает на едино место, глаголя: «Благодать Господа» и т.д.

Целует и о «благодати» говорит. «Благодать» – это же ведь дар милости, дар любви, сама любовь Божия.

Так действие веяния Святого Духа сочетало обручением душу невесты-Церкви и всякого человека вообще – с Агнцем; и теперь уже изъясняется благоволение Всея Пресвятыя Троицы. И изъясняется открыто, торжественно: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа и любви (любовь) Бога и Отца, и причастие (общение) Святаго Духа буди со всеми вами!»

Это слова, взятые из второго Послания святого апостола Павла к Коринфянам (2Кор.13, 13), послания обличительного, направленного против его врагов, и, однако, оно заканчивается

после угроз (2Кор.13:2: «не пощажу»; 2Кор.13:10: не хочу «употребить строгости по власти»)» таким утешительным благословением любви.

Всякий раз, когда я произношу эти слова к молящимся, обратившись к ним лицом, мне радостно бывает и за них и за себя: ведь ни одного слова пустого, то есть не только неосмысленного, но и недействительного, не говорится в литургии. Какое действие вызывают они?

Они низводят: «благодать Сына, любовь Отца, общение Духа».

И если сказано: «Буди со всеми вами», то это говорится не о будущем каком-то времени, а о настоящем: сейчас «будь», да будет. А если сказано, то и бывает: по милости, или благодати, Сына возвращена любовь Отца, а сего ради ниспосылается общение Святого Духа. От всей Пресвятой Троицы – благоволение, общение, любовь.

И когда эти слова произношу, я не сомневаюсь, что это есть, что это происходит. И не ради моих слов, а ради милости Бога, ради призывания Его Имени совершается это. И потому, когда народ (лик) отвечает мне тем же: «И со духом твоим», то я знаю, что и со мною бывает то же самое, изливается благодать общения в любви: на любовь («возлюблю Тя» и изъявление верности души) Бог отвечает Своею любовью и введением в общение.

Брак, следовательно, движется дальше: Жених заявляет не только о Своей милости, но и уже о приятии в общение невесты-Церкви Всею Святою Троицею. Да и как бы могло быть иначе? Ведь и в миру бывает так: если жених обручил себе возлюбленную невесту, ее принимает в общение, как свою, и вся семья его: любовь их переходит и на нее; и они уже теперь во взаимной любви.

Одно лишь ей требование предлагается: забыть все прошлое, земное, житейское и сердце свое отдать Небесному Агнцу, Жениху: «Горе имеим сердца!»

Это обещается и дается.

И теперь остается Церкви благодарить Бога за приятие в общение любви: «благодарим», «поклоняемся», тожествуем,



ликуем, «победную песнь» поем, благословим.

Да и как не благодарить за любовь взаимную?

И дальше, как я уже писал, вырывается у Церкви гимн любви: «Свят, Свят, Свят!» Осанна! Слава! Обыкновенно думают, что здесь прославляется всемогущество Божие, Бог воинств, «Господь Саваоф». Это истинно. Но это именно и гимн любви.

«Святость» – это сокращение всякого совершенства, полнота неизреченной красоты. Отсюда все, или в этом все. Здесь и любовь к людям. Отсюда и «измышление» способа спасения их.

Возьму такое сравнение – все из той же идеи о браке: невеста, принятая в общение, сначала благодарит, благодарно кланяется, перечисляет (в тайной молитве устами священника), за что «достойно и праведно поклоняться»: и за недостижимую высоту Бога («невидимый, непостижимый, присносый», вечный), и за творение нас из ничего, и за спасение согрешивших, включительно до возвращения опять в Царство Небесное, и за «службу сию», то есть за это вступление в чертог брачный, на пир Агнца, – вместе с Его верными (не отпадавшими) слугами, Небесными силами, всегда Его прославляющими, вечно славящими Его святость и славу.

Но эта «благодарность» еще не может выразить вполне те чувства любви к Всесовершенному Жениху; и Церковь, приходя в восторг, тоже начинает Его славить: «Свят, Свят, Свят!» Как, например, и невеста стала бы после благодарности за избрание ее, за все «милости» вдруг восторженно говорить в лицо возлюбленному: «Какой ты прекрасный! Свет мой! Сокровище мое! Лучше всех! Само совершенство! Обожаемый!»

Так и Церковь стала славить: «С сими и мы блаженными силами (ангельскими), Владыко Человеколюбче, вопием и глаголем: «Свят еси и Пресвят...»

И снова: «Свят еси и Пресвят, и великолепна слава Твоя!»

И затем как на величайший пример этой святости, этого совершенства, великолепия и славы, Церковь указывает на Жертву Искупительную. Что за связь? И в чем здесь «святость» Бога? Да, именно в этом она проявилась больше всего.

Совершенство Его, понятно, должно выражаться и в любви; и на земле, если кто не имеет любви, – «ничто», «медь звенящая», «никакой пользы» ни ему, ни от него нет, говорит апостол Павел (см.: 1Кор. 13, 1–3). Любовь и совершенство даже сливаются в конце концов, как и Сам Господь сказал: «Будьте совершенны, как Отец ваш Небесный совершен есть» (см.: Мф. 5, 48), а другого евангелиста слово «совершенны» заменено словом «милосердны» (см.: Лк. 6, 36). И святой Исаак Сирин на вопрос, в чем совершенство, ответил, что в милующем всякую тварь сердце, то есть в любви. Да ведь это и понятно: кого и мы на земле называем «хороший»? Разве умного? Разве сильного? Разве даже без грехов? Иной раз бывают люди порядочные, без пороков, но если они сухи, их все же не называют «хорошими». А вот если кто «добрый», того назовут «хорошим».

И Церковь, желая восхвалить святого Бога, говорит о любви Его, желая прославить «Славу» Его, вопиет: «Иже мир Твой тако возлюбил еси...»

Возлюбил... Мир падший, но Его (Твой) мир... И как возлюбил?! Ничего не пожалел для спасения его: «Сына Своего Единородного» дал даже! Отдал за мир Сына! Боже! Какая высота любви! Какое непостижимое совершенство! Какая святость! Выше этого ничего не может быть!

Следовательно, этот гимн не есть победная песнь силе, но восторженная хвала за любовь Божию.

## НОВЫЙ ЗАВЕТ

И воистину в этом отдании Сына проявилась вся безграничная любовь Божия, Его Совершенство. Отсюда теперь мы можем делать вывод, что об Искупительной Жертве далее будет говориться не случайно, не отрывочно и не самостоятельно даже, а только в связи с основной мыслью Евхаристии, то есть с благодарением любви за любовь: много есть, за что благодарно хвалить, но самое великое – Жертва Сына. И, следовательно, теперь нам понятно, что в Евхаристии искупительный момент – не основной, а проходящий, а потому и основное настроение благодарной любви и в этот момент должно оставаться в душе неизменно и только углубиться или, лучше, возвыситься до высшей степени!

«Сына не пожалел!»

Конечно, будут и другие привходящие чувства, и о них мы скажем еще, но главное – Евхаристия, благодарение, «жертва хваления»...

Поэтому и сейчас, при совершающейся Жертве, мы не должны ни сокрушаться (на первом месте), ни скорбеть за закалаемого Агнца, ни ужасаться даже великости нашего преступления, вызвавшего такую невероятно страшную Жертву Сыном; нет, мы должны славословить и торжествовать.

И не за себя лишь, не за свое лишь спасение, а и (даже больше) за проявление в этом акте Божьего величия, Его непостижимой всесовершенной святости. Невеста-Церковь восторгается крайнему самоотвержению Жениха. И потому становится еще более понятным то странное сочетание, о коем я говорил раньше: за иконостасом приносится бескровная Жертва, закалается Агнец, а Церковь поет славу: «Тебе (Тебя) поем, Тебе благословим, Тебе благодарим, Господи!»

«Евхаристия», «благодарение» продолжается и при этом искупительном моменте.

Да и как не благодарить: нам, грешным, нет спасения. Мир во зле. Все погибли. И вдруг неожиданное спасение, незаслуженное, по милости.

Правда, оно дано через Жертву, распятие Божиего Сына, но спасенному даже не до размышлений, а только хочется радоваться и благодарить!

Но какое же место занимает этот искупительный момент в хвалебно-блаженном браке Агнца? Неужели он лишь «воспоминание» о прошлой Жертве Голгофской? Неужели о нем говорится только для того, чтобы объяснить благодарный восторг любви, или только чтобы показать степень силы любви Бога к нам?

Да, конечно, и это. Когда слушаешь эти слова, что «Тело» Единородного Сына «ломится», преломляется, распинается «во оставление грехов» наших и «Кровь» изливается тоже «во оставление грехов», то не только видишь в этом любовь Агнца к Церкви, но и отвечаешь на нее любовью, а еще более – благодарностью за незаслуженное спасение.

Помню, как на одной литургии при сокрушенном сознании своей греховности, но еще более при пересиливавшей надежде на Искупительную Жертву я в слезах благодарности, упования на любовь Божию, остановился на следующих словах тайной молитвы во время «Свят, Свят»: «Сына Своего Единородного» дал: «Да всяк веруяй в Него не погибнет»...

Только веруй – и не погибнешь!

Как мало требуется! Вера! Ни о делах, ни о подвигах не говорится. Ни даже о грехах не вспоминается. А только указывается радующее обещание: «Не погибнет, но имать живот вечный». А от нас: «Веруй». Все же главное совершилось чрез Единородного Сына, Который «Сам Себе предаяше за мирский живот».

И так радостно, так радостно стало на душе, что я умильно-благодарно плакал, и даже, не удержавшись, протянул служебник к стоявшему слева священнику и указал на эти блаженные слова: «Веруй в Него не погибнет!»

Но не только это – не одни лишь чувства, не одно «напоминание», хотя и об этом ясно говорится в литургии святого Василия Великого: «Остави же нам воспоминания спасительного Своего страдания сия», когда установил Тайную вечерю: «Приемь хлеб на святыя Своя пречистыя руки, показав

Тебе Богу и Отцу, благодарив, благословив, освятив, преломив, даде...учеником» со словами, что это есть Тело и Кровь Его.

И опять дальше священник «молится втайне»: «Сие творите в Мое воспоминание: елижды бо аще ясте Хлеб сей и Чашу сию пиете, Мою Смерть возвещаете, Мое Воскресение исповедаете».

И хлеб и вино являются пока «вместообразными» (заменяющими) «Святаго Тела и Крове Христа» (литургия св. Василия Великого).

Но если бы нужно было только одно «воспоминание», то не должно было бы говорить, что «сие есть Тело», «сия есть Кровь», а достаточно было бы указать на «Святые Дары» как на воспоминательный символ, и тогда в литургии не было бы и речи ни о «жертве», ни об освящении, тогда и «дарами» – то не стоило бы называть, а просто думать, что хлеб и вино напоминают Христа. Между тем говорится о претворении: «И сотвори» хлеб – «честное Тело», «а еже в чаши сей – честную Кровь Христа Твоего» (литургия святого Иоанна Златоуста), а в заключение: «Преложив (то есть переменяв, претворив из одного состояния в иное) Духом Твоим Святым».

А в литургии святого Василия Великого это же выражено так: «...Тебе призываем: Святе Святых, благоволением Твоея благодати (то есть любви, милости) приити Духу Твоему Святому на ны (священнослужителей) и на предлежащая Дары сия, и благословити я (их), и освятити, и показати» (далее, после перерыва молитвою о ниспослании Святого Духа): «Хлеб убо сей, самое честное тело», «Чашу же сию самую честную кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», и еще с добавлением об этой же «Чаше сей»: «Излиянную за живот мира».

Не остается никакого сомнения, что эти дары суть не воспоминательные лишь символы или знаки, а «Сами Тело и Кровь», «Сам Христос», «Спаситель», «Господь и Бог» наш.

Поэтому недостаточно не только «воспоминания», но даже и одних чувств любви при Жертве хваления, при Евхаристии. И Господь дает нам безмерно большее, чем «настроение», «воспоминания», даже больше, чем саму «любовь» нашу и

переживание любви к нам Бога. Это все хотя и истинно и ценно, но не вершина брака Агнчего, не суть «Вечери Тайная». Так бы и либеральные протестанты, и сектанты могли принять Евхаристию.

Но здесь совершается несравнимо большее: подлинное общение с Агнцем.

Вникнем в происходящее.

«Сие есть Тело Мое... Сия есть Кровь Моя» (Мф.26:26–28). И это предлагается есть и пить. То есть Самого Господа принять в себя – не воспоминанием лишь, не любовью даже, а внутрь принять; не только душой, но и телом соединиться. Всего Себя отдает Господь во всецелое приятие. Какое же большее этого может быть общение на «Тайной вечери»?

Если разобраться в настроении, в душе, то во время Пресуществления и затем Приобщения бывает такое напряжение веры, преданности, жертвенности любви со стороны человека, что выше этого и представить уже немыслимо на земле: в самом деле, предлагаются хлеб и вино, а молимся, чтобы они претворились в Тело и Кровь. Да еще Чьи? Богочеловеческие, в Тело и Кровь Бога воплощенного, в Божии. Страшно и подумать! Какое требуется жертвенное отречение от плотского ума, коему все это абсолютно непостижимо! Какая нужна сила веры, коей одной возможно вместить это! Поистине нужно Авраамово принесение единокровной души нашей в жертву «Таинству странному и преславному». Нужна безусловная, «слепая», как говорят, преданность души любящей, которая отдает себя, как невеста возлюбленному, не рассуждая, а только любя и веря! Но с другой стороны, со стороны Агнца, со стороны Жениха Небесного, совершается еще более жертвенное: Он не только изволит страдать за Свою невесту для искупления ее от грехов, но через это входит с ней в таинственный союз, в «завет».

Вот сколько раз мы слушаем эти слова, и не даем вполне себе отчета в них: «Сия есть Кровь Моя Новаго Завета».

Что означает это? «Завет»? Договор, союз, взаимное обещание, вообще какой-то вид взаимоотношения, и притом общения искреннего, интимного, душевного. У нас, в русском

языке, слово «завет» носит характер и дорогого, и тайного, и тесного общения, например «заветные письма» между любящими, «заветная» вещь в память о чем-либо очень уж дорогом. Вообще, «заветное» есть то, что хранится в тайне, не показывается другим: «заветные» идеи, «заветная» книга и т. п.

И здесь Искупительная Жертва Сына Божия Единородного вводит Его в таинственный союз, в обетование единения, уже в начало этого единения, в «Завет» с человеком...

Это слово гораздо даже больше, чем «любовь» Его к душе-невесте. Любовь еще не всегда кончается «заветом», взаимным обещанием и союзом, хотя и является источником их. Но уже «завет» непременно есть проявление любви, осуществление ее, продолжение, развитие. Завет сильнее любви.

Вот что дает Жених, вот что совершается на «браке Агнчем»: сочетание душ с Ним или, лучше, Его с душами. Они стали Ему свои, объединились. Теперь все общее.

И если апостол Павел не усомнился брак мужа и жены поставить в сравнение с отношением Христа и Церкви (см.: Еф. 5), то и мы еще более дерзнем вскрыть этот образ в приложении к Тайной вечери. Единство между супругами бывает такое, что Сам Господь сказал о них: «Уже не два, а одно» они (см.: Быт. 2:24. Мф. 19, 6). И в Новом Завете, установленном Кровию Жертвы Христовой, раз навсегда совершилось объединение Искупителя с искупленными, «заветное» объединение. И потому если со стороны души потребовалась такая преданность веры, жертвенность нерассуждающей любви, такая вообще «отданность» душевная, то и Агнец простирает Свой «Завет» до последней глубины: предлагает Себя в такое общение, в такое единение, что и помыслить страшно и дивно: Свои Тело и Кровь предлагает здесь, на престоле, и ожидает вкушения Их, Себя!

Мать готова собственным телом напитать своего ребенка; и во утробе своей так именно и питает.

И Господь, проявляя крайний предел любви Своей, учреждает пред Смертью Тайную вечерю, питает учеников, а после и доселе повторяет таинственно то же самое со всеми.

Какое же может быть большее общение?

Поистине это есть «брак Агнца» с душами. Разумеется, употребляя все эти сравнения, мы, согласно существу дела, и по словам святого Макария Великого, должны, Боже сохрани, избегать какой бы то ни было грубой, вещественной, плотской мысли! Здесь все сверхъестественно, все Духовно, хотя и истинно-реально, а не символично. Иначе, можно поскользнуться в сентиментализм или даже в материалистически-плотское восприятие сего Пречистого Таинства. Можно как Мария Магдалина, еще «человеческая мудрствуя» (Евангельская стихира восьмая), попытаться прикоснуться телесными руками, но услышим: «Не касайся! Еще не вошел Я к Отцу»; а тогда будешь касаться чисто, духовно, божественно, как к Богу, а не как к «Учителю».

И теперь раскрывается нам, какое же именно место в Евхаристии занимает искупительный момент Жертвы Спасителя.

Суть и цель ее – воссоединение Его с ядущими и пьющими. Об этом Господь ясно учил еще задолго до страданий: «Ядый Мою плоть, и пий Мойю кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56).

Это же выразил Он и на Тайной вечери словами: «Новый Завет в Моей крови, которая за вас проливается» (Лк. 22, 20), что повторяется и на каждой литургии в возгласе: «Пиите от Нея (Чаши)... сия есть Кровь Моя Новаго Завета».

Голгофская Жертва и Евхаристическое «возношение» и соединяют Христа с душами.

Но для того чтобы соединиться Ему с человеком, сначала нужно было исходатайствовать «право» на это, ибо доселе души человеческие недостойны были по греховному состоянию своему и по отверженности Богом вступить или даже быть принятыми в общение с Богом. Поэтому даже воплощение Сына Божия еще не соединило Его с человеком отдельно, индивидуально, а лишь вообще с «естеством человеческим». И только после Крестной Голгофской Жертвы Он, пострадав за нас, «выкупил» нас и сделал, как выкупленных, Своею собственностью (см.: 1Пет. 1, 18, 19), омыл наши грехи и при таком условии вступил в общение. Поэтому и учеников Своих



пред Тайною вечерею Он «предварительно», то есть ранее еще Пришествия Очистительного Огня Пятидесятницы, сначала очистил, омыл ноги их, сказав: «Вы чисты» (Ин. 13, 10).

То, что после делает Господь Искупитель через Духа Святого в Таинстве исповеди, – это Он тогда сделал Сам, ибо имел «власть на земле прощать грехи» (см.: Мф. 9, 2, 6).

Так и здесь на всякой литургии снова таинственно «повторяется» Голгофская Жертва, снова Он «ломит» Тело «во оставление грехов», снова проливает «бескровную» «Кровь Нового Завета» за учеников и «за многия во оставление грехов». И только принеся эту Искупительную Жертву Богу Отцу за нас на литургии, Он соединяется затем через «Духа Святого, причастие» (литургия святого Василия Великого), даруемого в причащении (или через) «Святого Тела и Крове» Христовых. Следовательно, искупительный момент не занимает ни главного, основного положения, ни даже значительнейшей части Евхаристии.

Таковыми остаются по-прежнему благодарственная жертва хвалы и самое сие общение или Причащение (которое потом, в четвертой, благодарственной, молитве так и называется тоже «благодарением», Евхаристией: «Буди же ми благодарение сие в радость» и проч.), или сутью Евхаристии является блаженный «брак Агний», «Тайная вечеря» Жениха с мудрыми девами, Спасителя – с учениками Своими. Искупление же есть лишь путь к сей вечери, к сему духовному браку.

На Небе сей «брак» уже совершается в полноте. Поэтому Церковь сразу после Жертвы вспоминает святых и «изрядно» «Пресвятую... Славную Владычицу нашу Богородицу», которые уже получили, «обрели» «милость и благодать». Но не вспоминает ангелов, потому что с ними союз, «завет» и не разрывался у Господа, а говорит лишь о людях, то есть отпавших от первого «Завета» и возвращенных уже Жертвою Сына в «Новый Завет» с Богом. Одни из них – Небесная Святая Церковь – уже воссоединились, а за других – усопших и живых – священнослужитель молится, чтобы и они получили ту же возможность.

«Нас же всех, – сразу говорит литургисающий, – соедини... и ни единого нас не в суд или во осуждение причастится... но да обрящем (и мы) милость и благодать со всеми святыми, и со всяким духом праведным, в вере скончавшимся» (литургия святого Василия Великого).

И в это время в древности и вынимали частицы из просфор за усопших и живых, а теперь осталось лишь воспоминание за них:

«Зде (после святых) священник, – говорится в служебнике, – поминает, ихже хочет, живых и умерших» (литургия святого Василия Великого). О живых убо глаголет: «О спасении, посещении (посетить кого-либо – значит войти в дом, в общение; опять идея «вечери»), оставлении грехов» рабов Божиих (имярек).

О умерших же глаголет: «О покое и оставлении грехов души» рабов Божиих (имярек) «на месте светле, отонудуже отбеже печаль и воздыхание. Упокой, Боже наш, и покой (дай мир, утешай, прими в блаженное общение с Собою) их, идеже присещает свет Лица Твоего» (литургия святого Василия Великого).

...Тайная вечеря для удостоившихся продолжается уже в Царствии Небесном согласно обещанию Самого Агнца, изреченному на Тайной вечери: «Очень желал Я есть с вами сию пасху, прежде Моего страдания. Ибо сказываю вам, что уже не буду есть ее, пока она не совершится в Царствии Божиим. И, взяв Чашу и благодарив, сказал: Приимите ее и разделите между собою. Ибо сказываю вам, что не буду пить от плода виноградного, пока не придет Царствие Божие» (Лк. 22, 15–18).

А у святого евангелиста Матфея так: «Отныне не буду пить от плода сего виноградного до того дня, когда буду пить с вами новое вино в Царствии Отца Моего» (см.: Мф. 26, 29. Мк. 14, 25).

Сие совершилось после Вознесения Его со святыми. Сие совершается и ныне с ними, с усопшими, коих мы поминаем.

Поэтому здесь особенно усердно нужно молиться за усопших.

Вынутые частицы за усопших лежат с Агнцем рядом, а затем по причащении живых их опускают уже и в Чашу со словами: «Отмый убо Господи грехи поминавшихся зде Кровию Твоею Честною».

Чьи «грехи»? Ведь на дискосе с Агнцем лежали части и за Пресвятую Богородицу, и за девять «чинов» праведных людей, и за всех святых. Не за них же мы молимся? Конечно, нет. Они уже омыты. За них нам «достойно есть» Тебя благодарить, а их «блажити», особенно Богородицу. И они теперь ходатайствуют уже сами за нас и за усопших, чтобы отмылись грехи их, как и говорится далее (за словами «отмый»), «молитвами святых Твоих».

И за живых говорим подобно этому же: «Мы приносим «словесную (духовную – в противоположность ветхозаветным кровавым и иным вещественным жертвам) сию Жертву» о всех праведных, искупленных раньше, а ныне уже блаженствующих, – особенно за Богородицу, за Иоанна Крестителя, за апостола, за святого дня (ему особое торжество ныне на Небе, в «Царстве Отца» с Сыном) и всех святых; «ихже молитвами посети нас, Боже», то есть войди в общение».

И после приобщаются: живые – видимо, а усопшие, непрославленные – невидимо, таинственно.

Так исполняются слова Господа о браке: «И брачный пир наполнился возлежащими» (Мф. 22, 10).

Частицы сначала «лежали» рядом с Агнцем, а после соединились с Ним Самим в Кровь Его; живые же особо, явно причащаются Его; а не причащающиеся, но помянутые, тоже соединяются с Агнцем, хотя и не столь тесно и непосредственно (поэтому, между прочим, нельзя вынимать частиц за протестантов, не верующих Евхаристическому Пресуществлению, за нехристиан, за еретиков, ибо они как «не верующие» (см.: Ин. 6, 64) в Тайну Тела и Крови не имеют «брачной одежды» (см.: Мф. 22, 11 – 13) и потому извергаются (Мф. 22, 13) вон).

Новый Завет заключен. Одни через это уже пьют «вино новое в Царстве Отца» (Мф. 26:29); другие же готовы

приступить к сему еще на земле чрез Причащение Тела и Крови Единородного.

Так мы подошли теперь к дальнейшему смыслу Евхаристии, к «Царству Отца», к Царству Троицы.

## ЦАРСТВО ПРЕСВЯТОЙ ТРОИЦЫ

Доселе мы выясняли больше «благодарственный» характер Евхаристии; и к этому основному смыслу привлечен был и искупительный момент ее. Но всегда должно помнить о Пресвятой Троице.

Обыкновенно нередко полагают, что Евхаристия есть священнодействие, всецело посвященное Второму Лицу Пресвятой Троицы, Господу Иисусу Христу или даже Искупительному Крестному Жертвенному подвигу Его. Но мы уже видели, что такое воззрение на искупительный характер литургии не только односторонне, но и не совсем правильно. А теперь выяснится, что последней целью Евхаристии является не Сын Божий Искупитель, и даже не общение с Ним Единым, а нечто еще большее.

(В современном христианском мире слишком, через меру, все сосредоточено на Лице Господа Иисуса Христа. Это особенно ярко сказывается у сектантов, и вообще у протестантов, где только и слышно о спасении Христом Искупителем; даже у католиков Личность Господа Иисуса Христа, особенно страдающего, чрезмерно выпукло выступает. Праздник воплощения, затем распятие у них более чтутся, чем Воскресение Господа Иисуса Христа; не говоря уже о Вознесении, Троице; всюду статуи, да еще человекообразные, Распятого; четырнадцать икон «пути Креста» в каждой церкви; все это говорит больше о Нем Самом, и в частности о Его Жертве, Кресте. Но у них в иерархическом сознании, а не в массе (верующих) еще ярче выступает идея Церкви, а отсюда – папизма. В так называемом «христианском студенческом движении» тоже весьма сильна «христологическая проблема»: проповедь о вере во Христа как Сына Божия, как Искупителя, как Спасителя; «евангельские» кружки, лекции, беседы, конференции «о вере», о Живом Христе – все это оттенок, если не говорить – «отблеск», протестантизма, откуда (из Америки) вышло «христианское студенческое движение». И это понятно: маловерующему западному миру приходится снова

проповедовать еще о Христе – Камне веры. В дальнейшем христианское движение начало становиться на «экклезиологический» путь – на идею Церкви, «оцерковления жизни», на подчинение себя авторитету церковному, на более строгое выявление (или хоть равнение) традиционного православного церковного сознания.))

Но это еще не конец: далее начинается уже «жизнь», «духовная жизнь»; и здесь человек встречается уже с «благодатью», со Святым Духом, послать Которого и было целью всего дела Христова. Ближайшая же задача Духа состоит в том, чтобы из ветхого человека «создать» новое «творение» (см.: Еф. 2, 10), «нового человека» (Еф. 2, 15) по образу Христову (см.: Еф. 4, 13), «крепко утвердиться Духом Его во внутреннем человеке, верую вселиться Христу в сердца» (Еф. 3, 16–17) в том же Духе; короче, не только уподобиться нравственно Христу, Сыну Божию, но и действительно сочетаться с Ним воедино, как члены тела с главою. Но и это единение лишь путь к последней цели, о коей говорит апостол Павел так: «Чрез Него (Господа Иисуса Христа) мы имеем доступ к Отцу, в (при посредстве и действии) одном Духе» (Еф. 2, 18). Для этого именно «Бог, богатый милостью, по Своей великой любви, которою возлюбил нас, и нас, мертвых по преступлениям, оживотворил со Христом, – благодатию вы спасены, – воскресил с Ним, и посадил на Небесах во Христе Иисусе, дабы явить в грядущих веках преизобильное богатство благодати Своей в благодати к нам – и все это опять – во Христе Иисусе» (Еф. 2, 4–7).

Через Него Господь, «предопределив усыновить нас Себе... по благоволению воли Своей, в похвалу славы благодати Своей (обратим на эти слова особое внимание), которою Он облагодатствовал нас в Возлюбленном (Сыне), в Котором мы имеем Искупление кровию Его, прощение грехов, по богатству благодати Его... по Своему благоволению, которое Он прежде положил в Нем» (Еф. 1, 5–9). Поэтому только «в Нем мы и сделали наследниками, быв предназначены («к тому» – вставка позднейшая и ненужная, ибо далее видно, к чему «предназначены», см. ст. 12) по определению Совершающего

все, по изволению воли Своей, дабы (вот в чем «предназначение», то есть последняя цель) послужить к похвале славы Его нам, которые ранее уповали на Христа» (Еф. 1, 10–12).

Но не через «упование» лишь на него мы сделаемся наследниками, а будучи – после веры, «уверовав в Него, – запечатлены обетованным Святым Духом, Который есть залог наследия нашего, для искупления удела Его, но опять в похвалу славы Его», то есть уже и Самого Господа Иисуса Христа как Сына Божия и как Икупителя нашего (Еф. 1, 13–14).

Из этих замечательных слов апостола мы видим, что: все произошло от Единосущной Троицы, или иначе, от Бога Отца по благоволению Его, по любви Его «великой»; эта любовь излилась сначала на «Возлюбленного» Сына, воплотившегося Господа Иисуса Христа, а чрез Его искупление уже перешла и на нас, уверовавших в Него и облагодатствованных Духом Святым, Который сочетавает нас со Христом и, обновив, насаждает там же, где и Глава Христос, на Небесах, «усыновляет» Богу Отцу, и так вселяет в Царстве Отца, или Святой Троицы, как для обогащения нас «богатством Славного и блаженного наследия Его для святых» (Еф. 1:18), так, в особенности, и это самое главное, самое последнее назначение и человека, и всего дела Христа Икупителя и действия Святого Духа в похвалу славы Его», то есть Троицы, и в частности в похвалу славы благодати Его, как замечательно говорит святой апостол, и «в похвалу славы» Сына Его.

Итак, вот последняя цель – общение с Пресвятою Троицею, которое состоит в похвале Ее, и именно всех Трех Лиц Ее: «Отца, благодати (Духа Святаго) и Сына».

Вот цель – благодарение Пресвятой Троицы.

Да это совершенно и понятно: еще с детства, в катихизисе, учили нас, что прежде всего должно благодарить Бога, славословить Его, что первое прошение в молитве Господней – желание прославить святое имя Божие: «Да святится имя Твое!» – и что среди молитв вообще на первом месте должно стоять благодарственное славословие.

Да и не может быть иначе: все от Бога, через Него и для Него. Никакая тварь самостоятельная не ценна, все служебно Богу. Он Один лишь есть Бытие достохвальное.

Если же далее принять во внимание, что падшего человека Он «предопределил» к спасению по «Своему же благоволению», по «великой Своей любви», для чего и Сына Своего дал Икупителем, и Духа послал Животворящего, и если, следовательно, мы «спасены» от гибели «благодатию», даром, а не за наши заслуги, – то как же после всего этого не благодарить прежде всего и больше всего?!

А если еще представить блаженное славное Царство («богатство наследия» – как и наследники получают «имения» не свои, а чужие), ожидающее на Небесах, во славе Троицы, то мыслимо ли иначе чувствовать христианину, уже получившему «залог» (задаток), запечатленному (печатью Святого Духа – как бы распискою), можно ли иную цель ставить, как не «похвалу Славы» и «благодати» (милости) Бога Отца и Сына Его, а следовательно и Духа, ибо сказано: «во Едином Духе».

Так ясна главная цель и для нас теперь. Но представим первохристиан, для которых все это было без сравнения яснее, зримее, очевиднее, когда они, явно «облагодатствованные», горели Духом Святым в вере, жили Христом, единением с Ним, а многие сподоблялись и зреть Его (например, мученики), которые чувствовали связь с Ним «(Уже не я живу, но живет во мне Христос!» – гремел бывший гонитель, а после апостол (Гал. 2, 20), когда они были «святые и непорочны пред Ним (Богом) в любви» (Еф. 1, 4), когда они исполнены были радости и веселия Царствия Божия, «ибо Царствие Божие не пища и питье, но праведность, и мир и радость во Святом Духе» (Рим. 14, 17).

Если все это представить, тогда еще понятнее станет, почему нужно прежде всего благодарить и славословить Пресвятую Троицу, почему и именно этим жили христиане в самую горячую и светлую пору христианства, почему и главная их молитва есть Евхаристия, то есть благодарственно-хвалебная Жертва, и именно Жертва Троице.

Теперь мне осталось лишь подтвердить эти мысли ссылками и разъяснением текста святой Евхаристии, что уже я



делал отчасти, а сейчас я буду отмечать все, что относится к Пресвятой Троице. И прежде всего мы условились считать началом Евхаристии приглашение «возлюбить», целовать друг друга, дабы в единомыслии исповедать – Кого? – «Отца и Сына и Святаго Духа, Троицу Единосущную и Нераздельную».

Итак, начинается Евхаристия – хвалю, или «исповеданием» Троицы.

После этого читается Символ веры об Отце, Сыне и Святом Духе.

Далее говорим об «исповедании» «верности» (верной преданности) в истине и любви ко Святой Троице, чтобы приступить к жертве хвалы. Но нас предваряет любовь Пресвятой Троицы, ибо лишь за это, после этого, вследствие этого стало нужным и возможным и самое хваление: «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие (общение) Святаго Духа буди со всеми!»

И бывает каждую литургию, и в таком именно порядке: «сначала – милосердие Сына Искупителя, за это примирение и любовь Бога Отца, а вследствие сего – возвращение благодати Духа; Жертва, примирение, благодать; Крест, Вознесение, Троица».

За это «благодарим Господа», за это «достойно и праведно поклоняться Отцу и Сыну и Святому Духу, Троице Единосущней и Нераздельней». А священник, вспоминая еще и творение, а после Искупления – возвращение «нас на Небо» и дарование «Царства будущего» (то есть не земного, а Небесного, которое вполне откроется в будущем), то есть Царства Троицы, тоже говорит: «Благодарим Тя, Бога Отца, и Единородного Твоего Сына, и Духа Твоего Святаго».

Далее все – и народ, и священник – поют гимн любви и славы Ей же, Святой Троице: миряне – троекратно «Свят», а священник – раздельным прославлением Ипостасей: «Свят еси и Пресвят Ты, и Единородный Твой Сын, и Дух Твой Святой».

И особенно прославляется Бог Отец за дарование по «великой любви Своей» – Единородного Сына в Искупительную Жертву, ибо Искупление было делом всей Святой Троицы:

«Отец благоволил – и отдал Сына, Сын Божий изъявил волю – и пострадал, Дух Святой пришел в мир спасать, освящать, делать «святыми», то есть богоподобными Трисвятому».

А святитель Василий Великий в той же тайной молитве благодарит и славит не только за милости спасения, но даже и за прежние дела Его: за сотворение человека, за вложение в него почетного образа Божия, за вселение его «в рай пищи», за дарование ему «безсмертия жизни», за назначение ему «наслаждения вечных благ», если только «соблюдет заповеди».

Но за преслушание им своего «Истинного Бога, создавшего его», по увлечению «прелестию змиевою», Господь «изгнал» человека «праведным судом из рая».

Даже этот праведный суд Божий вызывает у христианина хвалу Его святости! Но и после Бог «не забыл дел рук Своих», и сначала «посещал» через пророков, святых, дал закон в помощь, приставил Ангелов Хранителей, а когда наконец «прииде исполнение времен», то возобновил с нами общение («глаголал») «Самем Сыном», «равным Богу и Отцу».

Он, воплотившись, научил людей, отвратил от прелести идолопоклонства, снова «приведе в познание Истинного Бога и Отца», «даде Себе измену (выкуп) смерти», «и, очистив водою и освятив Духом Святым», «оставил» нам по Воскресении Своем, и для спасения от Страшного Суда «воспоминания спасительного Своего страдания»

Таинственную Трапезу Тела и Крови под видом хлеба и вина.

Но и эта вечеря, этот Агнчий брак, были совершены и принесены опять не Кому Иному, а Богу, Пресвятой Троице. Ибо «в ночь, в нюже» Сын «предаваше Себе за живот мира», желая «изыти на вольную и приснопамятную и животворящую Свою Смерть», «прием хлеб, «показав Тебе Богу и Отцу», благодарив» (опять) Его же, в Троице Царствующего.

И далее последовательность мыслей у святителя Василия Великого яснее: мы, «поминающе» все это (и страдание, и воскресение, и «на Небеса восшествие», и «одесную Бога и Отца седение и славное, и страшное Его Второе пришествие»), и ныне «Твоя от Твоих Тебе приносяще... Тебе поем,

благословим, благодарим и молимся Боже наш» о ниспослании Святого Духа на нас и для освящения Святых Даров.

Да, воистину теперь нужно сказать: «Все – Твое, от создания до славного суда, все чрез Тебя («от Твоих» милостей, сих даров)» и потому все Тебе (во славу Твою) приносим и совершаем...

Все – Ты, чрез Тебя, для Тебя!»

Вот где сосредоточился, в немногих словах, сжатый смысл Евхаристии, который пространнее мы выше изложили чудными словами Послания апостола Павла к Ефесеянам.

И все на браке Агнца не от нас, а от Бога, и именно опять от Пресвятой Троицы: «Сего ради (то есть так, как Ты Сам все творишь), Владыко Пресвятый, и мы... сподобльшиися служите Святому Твоему жертвеннику не ради правд наших, не бо (ибо мы не) сотворихом что благо на земли, но (опять-таки) ради милости Твоя и щедрот Твоих, яже изливал еси богато на ны (от творения до суда, чрез искупление), дерзающе приближаемся Святому Твоему Жертвеннику». Что же здесь?

Здесь опять вся Святая Троица: «предложше вместообразная» Самого Агнца, «Святаго Тела и Крове Христа Твоего», то есть Сына,

«Тебе молимся, и Тебе (Отца) призываем, Святе Святых, благоволением Твоея благодати приити Духу Твоему Святому на ны и на предлежащая Дары сии» и претворити их в Тело и Кровь Христовы.

И сие творится: «Бог Отец приглашает Духом Святым в «самое Честное Тело» и в «самую Честную Кровь Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа».

Так и в этот главнейший момент действует вся Пресвятая Троица.

После этого начинается поминание и прославление всей Церкви, и Небесной, и земной. А что же это такое Церковь? Это Царство Божие, Царство Пресвятой Троицы в людях, в творении.

Следовательно, мы благодарим (или просим) за дарование нам блаженной «жизни Божией» (Еф. 4, 18) или, что то же,

участия в общении с Пресвятою Троицею; и просим милостей от Нее и на весь земной мир, на всех людей: священство, правителей, на всю Церковь, на землю; и в заключение опять говорим: «Всех нас приими в Царство Твое... Твой мир (и здесь, и там, ибо отныне уже нет разделения, а единое Царство) и Твою любовь даруй нам, Господи Боже наш; вся (все) бо воздал (даровал, возвратил) еси нам» Ты Сам».

А за это все – и данное, и даруемое, и имеющее быть данным в будущем – что же нам делать?

Ответ единственный и простой: «И даждь нам единем усты и единем сердцем славить и воспевать пречестное и великолепое Имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа, ныне и присно (всегда) и во веки веков», то есть в бесконечной Жизни. Вот и конец Евхаристии, как видим, совпадает с началом ее: исповеданием и хвалою Пресвятой Троицы».

Но так как благоволение Ее выразилось, проявилось и в ниспослании Святого Духа ради Сына Божия, ради Его по преимуществу милосердия, или «благодати» (о чем мы тоже видели прямое указание в начале Евхаристии: «Благодать Господа Иисуса Христа»...), так как все совершилось чрез милость искупления, то Церковь, после прославления Троицы, высказывает пожелание, чтобы «милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа» были «со всеми» и сейчас, и всегда: все ведь даруется за любовь Сына.

Вот я закончил обзор главной части Евхаристии; и мы видим, как все наполнено именем, и действием, и славой Пресвятой Троицы. Отсюда должно заключить, что Евхаристия есть «благодарение» не одному лишь Второму Лицу, а всей Троице, что и требовалось показать нам.

Да так и должно быть: Сын Божий как одна лишь Ипостась имеет не самодовлеющее значение, а как «Един Сый Святыя Троицы». А тем более, сделавшись по воплощении Человеком, Он имел прямою и единственную целью возвратить отпадшее человечество в «познание Истиннаго Бога», то есть Пресвятой Троицы, и в блаженное общение с Нею, в «Царство» Ее, что и совершилось по искуплении, в Воскресении и Вознесении Его; это и составляет жизнь Церкви.

Поэтому литургия как средоточие и вершина духовной жизни первохристиан, а равно и верующих всех времен, есть хвала славе Троицы и есть общение с Нею. Потому-то мы с самого начала слышим теперь возглас: «Благословенно Царство Отца и Сына и Святого Духа», и после этого все возгласы непрерывно говорят о Ней же. Но особенно все насыщено Ее именем в Евхаристии. И потому, когда наступает момент Евхаристии, то мы должны знать, что человек приглашается не только на вечерю Жениха Сына, но чрез Него и на Царский пир в Царство Троицы.

И туда должно перенестись всем умом, всею душою, всем сердцем. И когда говорится: «Горе (вверх, в высоту Небесную) имеем (будем иметь) сердца!», то нужно вознестись в блаженное Царство Троицы и пребывать в стоянии пред Нею все время до конца службы. И к этому зовет Церковь.

Послушаем. Принесши Искупительную Жертву, мы ждем и себе теперь «Божественной благодати и дара Святого Духа» (ектения «Исполним»): опять, чрез Жертву от Отца молимся о Духе, о Его благодати. Мы ждем приобщения, а оно и есть введение нас в общение с Троицею, вселение в Небесное Царство.

«Приемше» Святых Таин, «достойне имамы Христа, живуща в сердцах наших, и будем храм Святого Твоего (Отче) Духа», дабы в конце концов «и мы со всеми святыми» были «причастницы вечных Твоих благ, ихже уготовал еси любящим Тя, Господи» (тайная молитва во второй ектерии «Исполним»).

Потому понятно становится, что далее следует молитва Господня, вся наполненная мыслями о Царствии Божием, о воле Божией («да святится имя Твое, да приидет Царствие Твое, да будет воля Твоя», как в Твоем Небесном Царстве и т.д.), и возглас о Царстве и славе Троицы. Затем самое Причащение есть вступление в блаженное общение с Царством Троицы (о чем будет речь далее). Это есть духовное воскресение в жизнь новую, радостную. Поэтому читаются тропари о воскресении: «Воскресение Христово», «Светися, святися», «О Пасха велия... Христе! Подавай нам истее (реальнее) причащаться Тебя в невечернем дни Царствия

Твоего». Поэтому после Причащения поем: «Видехом Свет истинный, прияхом Духа Небесного, обретохом веру истинную, Нераздельней Троице покланяемся: Та бо (все Лица) нас спасла есть». Поэтому и благодарный возглас («яко Ты еси освящение наше и Тебе славу», все – славу, славу!) воссылается Отцу и Сыну и Святому Духу. А отпуст совершается опять во имя Сына Божия («Христос Истинный Бог наш»), ибо спасение пришло чрез Него. Все Пресвятая Троица! С этим связаны и дальнейшие мысли.

## ЕДИНСТВО ЛЮБВИ

В связи с мыслью о Царстве Пресвятой Троицы теперь раскрываются и другие частности Евхаристии – преимущественно уже нравственного, личного, человеческого, или субъективного характера.

...Но нелегко писать об этих предметах душе кающейся, ибо все это – такие высокие материи, коих касаться подобает достойным.

Вот уже сколько написал, и притом касался таких вопросов, как благодарение, Пресвятая Троица, блаженство общения, и только теперь вижу, какую недостойною рукою и я прикасался к священному ковчегу...

И далее, может быть, и не писал бы, но нужно уж закончить. Правы святые отцы (святые Иоанн Лествичник, святой Симеон Новый Богослов), говорящие, что кающийся не должен богословствовать. И не только не должен, но ему просто трудно. Впрочем, дальнейшие размышления касаются более доступной сферы, чем прежние, хотя и их я недостойн касаться.

Но Ты, Господи, приими мои скудные мысли, как те убогие лепты, которые положила в сокровищницу вдовица, а за это воздаждь мне несравненными милостями благодати Твоей, которую Ты всегда раздаешь незаслуженно, по слову «просите» и «даст вам Отец Духа Святаго» (см.: Лк. 11,13).

Посмотрим на эту работу как на послушание труда, и тогда легче будет писать. Да и не искушение ли вражее отводит меня от этого спасительного душе занятия под видом смиренных сокрушенных мыслей?! Господи, благослови и посети Своею благодатию!

Мы видели, что Евхаристия начинается с приглашения к любви и единомыслию. И это я уже объяснял (в главе о «вечери любви»), но здесь можно усматривать еще и другие смыслы, и именно в связи с благодарением Пресвятой Троицы.

К святому Причащению никак нельзя приступать человеку, если только он имеет к кому-либо вражду, нелюбовь, немирность. Так и говорится пред молитвами к Причащению:

«Божественную же пия Кровь ко общению, первее примирился ты опечалившими».

И даже не сказано: «которых ты опечалил», а «которые тебя опечалили». Так и Сам Господь Спаситель заповедал о молитве с дарами: «Если ты принесешь дар твой к жертвеннику, и там вспомнишь, что брат твой имеет что-нибудь против тебя; оставь там дар твой пред жертвенником, и пойди, прежде примиришься с братом твоим, и тогда приди и принеси дар твой» (Мф. 5, 23–24).

Поэтому пред Причащением мы и стараемся примириться, и притом повелевается прощать не просто устами или холодно, а чистосердечно, искренно, от души. «Тако и Отец Мой Небесный, – говорит Спаситель, – сотворит вам (то есть не простит), аще не отпустите кийждо брату своему от сердец ваших прегрешения их» (Мф. 18,35). Так указывается первая причина необходимости мира и прощения: сам хочешь получить милость – сначала ты сотвори ее другому; сам желаешь оставления грехов – сначала прости твоим ближним. Значит, есть даже простой расчет: ради себя же постарайся не разделяться, не враждовать или даже не быть холодным к людям, как бы к «чужим» для тебя; ради себя постарайся полюбить их, дабы и ты был возлюблен Богом, ибо какою мерою меришь, такую и тебе отмерится (см.: Мф. 7, 2).

Или, как сказано еще короче и проще:

«Давайте, и дастся вам!» (Лк. 6, 38).

И притом, как вы даете, так же именно будет дано и вам; если вы даете щедро, то тою же «мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше» (Лк. 6, 38).

Но не только ради такого мотива отплаты нужно быть в мире и любви во время литургии, готовясь в Причащении получить «оставление грехов» и иные дары «Божественной благодати», а и потому, что иначе, собственно, и невозможно присутствовать за Евхаристией, или, как говорится, за «литургией верных». Даже так можно сказать: если нет любви (а тем более если есть вражда), то такой человек собственно не должен бы и присутствовать на «литургии верных»; ему бы



нужно уйти, когда кончается «литургия оглашенных», или стоять вместе с кающимися, но не удостоаиваемыми еще допущения к Причастию.

И наоборот, если мы хотим оставаться и на Евхаристии, то сразу же должны поставить себя в братско-любтивное отношение ко всем.

Начинается «вечеря любви» к Богу, брак Жениха – Агнца Божия. Все в радости, веселии. Все готовятся петь хвалу Возлюбившему и Возлюбленному... И вдруг, представим себе, среди гостей Царского пира – холодная, угрюмая душа, косо на других смотрящая, а может быть даже и враждебная, злая?.. Мыслимо ли ей присутствовать на радостном пиру? Примет ли ее Жених – Сама Любовь? Не отравит ли она своею желчью всего мира? Да, ей на вечера любви не место! Недаром поэтому в притче об юродивых девах недостаток елея толкуется в смысле оскудения любви, хотя у них были и непорочное девство («девы»), и вера (пришли на вечерю), и молитва (просят отворить), и светильники (внешние добрые дела), и обряды. А без любви не были приняты на брак Евхаристии. Это одна причина (преподобный Серафим толкует елей в смысле благодати: это глубже, но то – проще и понятнее людям).

Другая причина – Искупительная Жертва. Подумайте: что для нас совершается?! Сын Божий Единородный закаляется в выкуп. А мы? Холодны или враждебны друг к другу. Нам прощаются бесчисленные грехи, а мы не хотим оставить человеку и простого. Мы от вечного осуждения освобождаемся, а сами и временных долгов отпустить не хотим. И как понятна становится притча о жестоком заимодавце! Должный Господину «только талант» (10000 × 4000 руб 40 000 000), то есть неоплатный долг, он и не смел даже просить о полном прощении, а лишь об отсрочке: «Господи, потерпи на мне, и вся Ти воздам».

Неразумный грешник: где тебе заплатить «все»? Ах, безумный, безумный! Да, но и просить о прощении тоже нет оснований: за что? Но Господь не «за что» прощает, а по благодати: «Милосердовав же Господь раба того, прости его, и долг отпусти ему» совсем. А он, жестокий, не пощадил своего

«клеветра» (товарища) даже из-за 100 пенязей (21 рубль)! И это после прощения «тьмы»! (Мф. 18, 26, 27).

И понятно: мог ли он быть в Царстве «Милосердного» Господина? И оставалось выбросить его вон, во тьму кромешную! Так и здесь. Искупитель искупает нас, неоплатных должников, а мы не милуем и сорабов, искупаемых. Представим: мы пленники, все закованные цепями: нас освобождают даром, а мы тотчас бы стали ссориться?! «Ну, стоило ли таких освобождать?!» – сказал бы благодетель.

Обычно спасенные от бед бывают дружны и любовны. Таковыми должны быть и верные на Жертве Агнца Божия.

Но и это еще не все, даже не самое главное. Основная причина лежит в Царстве Пресвятой Троицы. И так должно быть, потому что если самая основная суть и идея Евхаристии есть благодарственная хвала Пресвятой Троицы – «Та бо нас спасла есть» – то все должно быть связано с Нею.

Как же и почему именно?

Из объяснения праздника Святой Троицы особенно стало ясной связь Пресвятой Троицы и любви. Повторю это кратко.

Я ясно ощутил в Пятидесятницу веяние духа любви, и сам наполнился его, так что даже недружелюбного отца И совершенно легко мог любить, даже с радостью. И это было не от «мыслей», а непосредственное веяние. И наоборот, когда я почему-то ощутил сухость в душе или даже хуже, я тотчас же ощутил (и опять не через рассуждение, а изнутри сердца) совершенную несовместимость враждебных или даже хладных чувств с празднованием Святой Троицы.

Далее мне открылось тогда, что и взаимно, от отсутствия веры в Пресвятую Троицу, падает в мире и любовь друг к другу, к семье даже, к народу, к народам и т. д.

И обратное: от оскудения духовной любви пропадает и вера в Пресвятую Троицу. И тогда мне стало ясным, почему современные люди сделались неверующими или, в лучшем случае, сухими «единобожниками» и эгоистами: одно связано с другим.

А наконец открылась и связь красоты мира (припомним видение о розе) с Творцом в Единой Троице, и, следовательно,

наоборот, уход от Троицы ведет к «безобразию», к бесчинству, анархии, к разрушению, хаосу, тлению, греху.

И повторяем: это не было результатом мудрствований, философствования, а непосредственным восприятием, или лучше – «откровением», зрением связи вещей с Троицею.

И это зрение истинно: Пресвятая Троица, любовь, единство, строй, красота – все это тесно связано. Да это можно почувствовать и всякому: попробуйте молиться Богу о ... (беру крайний и грубый пример) зле для ближнего! И тотчас сердце отскочит у нормального человека, как ужаленное. А отсюда можно дойти до переживания связи любви и Пресвятой Троицы.

Но все это трудно передавать словами, как и вообще всякие переживания, всякие чувства. Во всяком случае, это несомненно и по богословскому рассуждению, и по простому человеческому соображению. Именно.

«Бог есть любовь» (1Ин. 4, 8). Царство Пресвятой Троицы есть Царство взаимной любви в крайней степени. Царство святых есть царство любви и единства – даже непостижимого себялюбивому и раздробленному миру. И мы в Евхаристии приступаем к общению с этим Царством любви Троицы в Единстве. Возможно ли оно, если бы мы были настроены несогласно? Несовместимо: как сухое дерево выталкивается водою, так и себялюбивые и недружелюбные чувства отталкивают нас от Царства Троической Любви и Единства. И, наоборот, общение с Пресвятою Троицею требует от человека единства в любви, и со своей стороны ведет к этому единству, как к цели, и создает его уже как факт и состояние. Поэтому совершенно понятно и необходимо, чтобы, приступая к Троической Евхаристии (выражусь так), люди соединились бы в любви. А это возможно лишь для «верных», освященных благодатию Святого Духа, и Ею объединяемых; поэтому оглашенным, некрещеным и даже грешным (коих прежде удаляли из храма с оглашенными), то есть еще неспособным к любви и единению (ибо грех тоже разрушает единство), нельзя было присутствовать на Евхаристии: здесь Царство «святых», Царство Божие, Царство Пресвятой Троицы, Царство любви! Оно сейчас будет восхваляться; и пред Причащением

напоминается: «Святая Святых», для «святых» возможно Причастие. Святых в древности, как мы знаем, назывались все истинные христиане, или «верные», то есть не только «верующие», как мы думаем теперь, а верные Истине, отвечающие делом своей вере.

Поэтому мы и видим, как к этому единству в любви приглашаются во время Евхаристии «верные» – с самого начала и до конца.

«Возлюбим друг друга, да единомыслием исповеваемся». И целуются, то есть объединяются даже внешне, обнимаются, входят в общение и телесно. Поэтому и лик отвечает не просто о Троице, но о «Троице Единосущней и Нераздельней».

Поэтому и приглашение «Благодарим Господа» Церковь поет: «Достойно... покланяться» опять «Троице Единосущней и Нераздельней», а это поклонение возможно стало после благодати Всея Троицы: – «Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца и Причастие Святого Духа», – ниспосылаемая благословением священнослужителя.

После же Пресуществления ясно говорится о соединении всех в Царстве Троицы и Церкви Небесной и земной, возглавляемых Сыном Божиим в Царстве Троицы. Это яснее сказано у святого Василия Великого тотчас же после преложения Святых Даров: «Нас же всех, от Единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу, во (чрез) единого Духа Святого Причастие». И никого не изгони, Господи, «ни единого нас в суд или в осуждение сотвори», «но да обрящем милость и благодать со всеми святыми», возле, около них, особенно же «возле» ( – около, возле) Пресвятой Владычицы.

Усопших соедини, и нас «со всяким духом праведным в вере скончавшимся» сочetaй.

И затем идет очень длинная молитва о всей земной Церкви «от конец ... до конец вселенная», о принесших дары на Евхаристию, «и о нихже... принесоша». Вот здесь в древности поминали принесших и за кого приносили.

Далее: за начальство – и хорошее, и дурное. «Помяни, Господи, всякое начало и власть, и иже в палате (в министерствах) братию нашу, и все воинство: благия во

благости соблюди, лукавыя благи сотвори благостию Твоею». Замечательное место! А должно знать, что почти во все время управления Неокессарийской Церковью святым Василием Великим на византийском престоле сидели цари, противные Православию: арианин Валент, три раза хотевший сослать его в заточение; Юлиан Богоотступник, гонитель христианства, ненавидевший святого Василия Великого. И, однако, и о них молится служитель религии Святой Троицы, религии любви и жертвы. И молится с благорасположением, искренно, но, конечно, об исправлении их: «Лукaвыя (злые) благи сотвори». Как? Почему? И как этого достигнуть? «Благостию Твоею».

Возможно ли было на Евхаристии к кому бы то ни было питать нелюбовь? Немыслимо! Потому далее молится Церковь и о «всех требующих великого Твоего благоутробия», а кто в нем нуждается больше гонителей? И далее: «И любящих нас, и ненавидящих, и заповедавших нам недостойным молитися о них». И вообще: «Вся люди Твоя помяни, Господи Боже наш, и на вся излий богатую Твою милость»...

Наконец: «Утоли раздоры Церквей.., еретическая востания скоро разори силою Святаго Твоего Духа». «Всех нас приими в Царство Твое». И как только кончится поминание всех тайно, священник «возглашает» вслух: «И даждь нам единеми усты и едином сердцем славити» всегда «Отца и Сына и Святаго Духа», то есть Троицу Единосущную, с чего и началась Евхаристия – приглашением «исповедать» Ее.

В конце же последующей ектении, пред молитвою Господней, обращенной к Отцу, Церковь еще раз напоминает об единстве:

«Соединение веры и Причастие Святаго Духа испросивше», всех «Христу Богу предадим».

Отдать себя и других вручить Христу Богу, Тела и Крови которого сейчас будем причащаться, можно лишь после того, как мы объединились друг с другом в любви и запечатлены благодаря этому и благодатью Святаго Духа.

Да и как бы можно далее петь «Отче наш», если бы мы не были «братьями» по духу?! Как можно просить: «Остави нам долги наша», если мы не оставляем «должником нашим»?

Потому – и возглас о Троице: «Яко Твое есть Царство... Отца и Сына и Святаго Духа».

Это молитва ко Отцу – от детей Его, «детская». А дети всегда дружны, любовны, единокровны между собою. И только после этого можно Приобщаться Святым Христовым Таин.

Поэтому пред самым Причащением священнослужители обязаны снова целоваться, говоря: «Христос посреде нас»...

И это очень уместно, потому что пред самым Причащением сильнее всего обостряется сознание греховности!

А миряне в это время подходят, целуют святые иконы; и обратившись, бывало, кланяются друг другу (Церкви), прося прощения.

И после Причащения священник благословляет всех и произносит слова: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое».

Что это значит?

Я давно уже испытываю в это время ощущение, что после Причащения, – а в древности все верные причащались непременно – теперь все стали, Боже, «Твоими людьми», «Твоим достоянием», Твоим единым Телом, Твоей семьей. А ныне даже не причащавшиеся – Божье достояние! И так это умирительно радостно!

А лик опять поет о Троице: «Видехом Свет... Нераздельней Троице поклоняемся»: это все Она сделала!

Так все должно быть наполнено единством любви в Царстве Святой Троицы.

И здесь мне хочется рассказать случаи о связи любви и святого Причащения и вообще служения литургии.

Однажды я своим знакомым предложил поговорить, но они с решительностью отклонили это, потому что имели лютую вражду к одному человеку, так что даже молиться за него не хотели, а не только что причащаться Святым Таин.

«Нет, уж лучше мы не будем еще более прогневать Бога недостойным Причащением», – ответили они.

А когда я сказал, что исповедь и святое Причащение помогут им освободиться от этого яда, то они ответили, что

даже и не желают освободиться, ибо не хотят любить этого человека (родственницу).

«А вот мы удивляемся: как она-то причащается?! Придет, скажет нам пред Причащением «простите» и как ни в чем ни бывало, идет к Причастию». «И хорошо делает», – ответил я. Но им ничего хорошего о ней не только не хотелось принять, но даже и слушать.

Так и не причастились: нелюбовь с Причащением несовместимы!

Но и то хорошо, что хоть на службу ходят в храм; значит, не выпадают окончательно из Царства Троицы. Есть надежда, что благодать Божия еще согреет их охладевшие души, если только не закоренятся в упорстве, а тогда уже жди скорбей исправительных, а и это все «по благодати Божией» опять.

И со мной был подобный же случай.

Разгневался я на одного сотрудника и, наговорив резких вещей ему при других, ушел с обидой и раздражением. А на другой день мне была очередь служить. – «Как же я буду причащаться и вообще служить литургию с такою злобою? Нужно идти на исповедь? Не хочу! Не хочу оставить себя без вражды – в ней есть влекущий яд!»

Но вдруг, к удовлетворению своему, я узнаю, что в эту среду («масленскую») не полагается литургии, а только «обедница» (часы с «изобразительными», без Евхаристии). И, несчастный, я даже обрадовался, что могу еще враждовать, а не должен ломать себя на исповеди.

К пятнице осталось такое же настроение, и я тоже рад был, что опять «обедница».

Но уже к воскресению, да еще «прощеному» нужно было исповедаться. И я против воли, как быка на заклание невольное, повлек себя к исповеди. Но во время нее я заявил духовнику, что и не могу освободиться от злого чувства, и не хочу, и даже не я виноват в этом. И думал: чем мне поможет исповедь?

Духовник говорил какие-то слова, приличествующие его положению, утешал, но я не очень-то и слушал его сердцем.

Исповедь подходила к концу, и я заметил, что вопрос стал терять остроту. Не знаю, как и почему.

Потом и «разрешение». И я увидел, что у меня ничего не осталось в душе. Как есть «ничего»... Как иногда на ясном небе в сухой летний день видим мы: маленькие облачка тают... И у меня все растаяло. И даже после казалось странным: как то могло быть? Да и было ли? Точно наваждение какое пронеслось!

Все это говорит о том, что Евхаристия требует единства в любви. Иначе мы недостойны не только причащаться, но даже и присутствовать за службою Пресвятой Троице, за Искупительной Жертвой любви Сына Божия, предавшего Себя за нас по благоволению Отчому.

Но в таком случае можно спросить: не уходить ли и в самом деле грешникам из храма от Евхаристического канона и Причащения? А если и присутствовать, то не отказаться ли от Причастия по недостойнству своему?

Неужели и в самом деле Евхаристия лишь для подлинно «верных» христиан? Неужели «Святая» только «святым» в собственном смысле?

Тогда что же делать-то нам, грешным? В ответ на это следует новая глава о каноне.



## ВНУТРЕННЕЕ СОСТОЯНИЕ МОЛЯЩИХСЯ

Вот когда я писал о таких высоких чувствах, как благодарение, слава, любовь, блаженство, или, короче, хвалебный брачный пир, то отрадно было иногда на душе, но иной раз руки точно опускались, а душа жалобно стонала. И знаешь, что правду излагал об Евхаристии, на основании текстов ее же. Но когда сам совершаешь литургию, увы, совсем иное переживание: ну, еще любовь свою к Господу многократно ощущал, и Его любовь и милость испытывал, но чтобы чувствовать себя, как на славном Царском обеде, увы, не припоминаю сейчас. Не помню также, чтобы я всю службу, а в особенности Евхаристию («благодарение») воспринимал прежде всего в настроении хвалы и благодарения: бывали эти Моменты, но они были проходящими, как бы скользили по мне, а не составляли основного тона. Наоборот, если когда посещает более сильное чувство благодарения, то оно выражается не в славе, не в торжественной хвале, а в умилении, в сокрушении, в молениях о милостях, в сладко-горестных слезах; далее – в уповании, умирении; реже – в радости, а восторгов даже боишься...

Большую же частью служишь литургию или сухо-формально, или же сердце останавливалось на словах о «грехах», о «милости» (помиловании), и плачешь, плачешь, стонет сердце, «исходит» в жалобных воплях к Небу...

В таком случае невольно задаешься вопросом: что же это значит? Если сказать, что выше я неверно протолковал смысл Евхаристии, то это противоречило бы не только наименованию ее, но и всему содержанию канона, и указанным догматическим предпосылкам о спасении, совершенном всею Святою Троицею.

В чем же дело? Неужели же нельзя переживать так, как Церковь установила?

Конечно, не только можно, но даже и должно бы. И кто умеет, тот переживает. Вот почитал творения епископа Феофана Затворника: какую надеждою веет от них, каким бодрящим

утешением! Но и там еще не вершина: у него много покаянного элемента.

А когда мы откроем поразительные сердечные откровения отца Иоанна Кронштадтского в его дневнике, то останавливаешься в умилении и недоумении: какой восторг у него! Какое славословие Богу! Недаром на одном портрете своем, за двадцать дней до смерти, он написал слова Царя и Псалмопевца: «Пою Богу моему, дóндеже есмь» (Пс. 103:33, 145:2). А предшествовавшие там слова такие: «Хвали, душе моя, Господа. Восхваляю Господа в животе моем» (Пс. 145, 1–2). Воистину, отец Иоанн был «певец Божий»... Бывало, когда видишь (а мне однажды пришлось и сослужить ему) его, совершающим литургию, то изумляешься его вдохновению, подъему, восторгу. Служба – это гимн Богу была в устах его! Он вот не только знал, что такое Евхаристия, но и мог «благодарить» и славословить! Уже из одного этого должно сделать вывод: какое поразительное, высокое духовное явление был отец Иоанн! Он дошел до уровня Церкви! Одного этого довольно для канонизации его во святые: так могут служить и хвалить только преподобные Божии угодники! Они-то и суть подлинная Церковь!

Но скажем: то был отец Иоанн? Да! Но Церковь в своих богослужениях и других всегда старается возвесть до высоты, то есть хочет показать: как должно быть в душе, правильно настроенной. И лучшие достигают этого. А другим дается понять это лишь отчасти, иногда, краткими озарениями или ощущением эха отдаленного торжества... Мне, например, приходилось слышать от одной христианки, приехавшей из Москвы, что она особенно любила ходить на службы к почитаемому там протоиерею, несмотря на далекое расстояние.

– «Что же вас влекло туда?» – «Не знаю, как и объяснить, но у него на службе было радостно! Он и служил по-особенному: быстро, горячо, поднимаяще. И певчие как-то приспособились: тоже пели скоро и бодро. И, бывало, идешь из храма с веселием, даже намеренно не торопишься, чтобы домашнею, будничною обстановкою не рассеять радости...»

Нужно припомнить, что и отец Иоанн Кронштадтский служил тоже чрезвычайно приподнято и всегда быстро, очень громко: все это требовалось тем восторженным духом хвалы, которым проникнуты такие священнослужители и которого требует служба, особенно же литургия.

Конечно, неоднократно всем приходилось слышать, как достойно причастившиеся испытывают подъем радости и счастья: они, значит, «были» на пире славы. Следовательно, так бывает, так может быть, а главное, по службе Евхаристии, так должно быть. Но почему же, однако, мы этого не сподобляемся? Почему наш дух не сливается с церковною хвалою? Почему на «благодарении» мы не «благодарим», а сокрушаемся, умоляем, слезим? Неужели тогда нам не место на брачной вечери? Не уходить ли нам в таком случае с плачущими «кающимися», одновременно с оглашенными? Или, в крайнем случае, не стоять ли нам лишь простыми «зрителями» пира, не приступая к вечери Агнца?

...Да, я думаю, что не случайно теперь люди не причащаются: они испытывают затруднение подниматься до высоты истинных участников пира веры и славы, им легче оставаться лишь «зрителями», и лишь немного утешаться отблесками чужой радости. Мы теперь стали подобны тем кающимся, коим после покаяния уже разрешалось стоять и на «литургии верных», но не дозволялось приступать к Евхаристии. «Святая» были для «святых», но не для них; Церковь «верных» хвалила Искупителя и Троицу, а они были в числе слушающих, да смиренно сокрушались, что не могут принять участие в блаженной славе. А сама Евхаристия продолжала оставаться по-прежнему «благодарением», «жертвою хваления». Но шли века, и высота первохристианства стала падать: восторг первоблагодатных даров ослабевал; наоборот, грехи увеличивались, немощи усиливались, число «кающихся» росло, истинных «верных» стало все меньше; и люди почувствовали, что жить, даже на литургии, одною хвалою не хватает сил. И тогда стали проникать в Евхаристию и вообще в литургию покаянно-просительные элементы. Но они не составляют сути Евхаристии, а являются лишь дополнительным к ней

коррективом (поправкой), но вызываемым не существом дела, а немощностью слушателей и участников ее; подобно тому, как если бы простой человек, попавши на званый пир, почувствовал себя стеснительно и стал бы извиняться и за свою одежду, и за «простоту» и т.д. Его бы добрые хозяева ободрили, но этому помогли и извинения его, его смирение.

Так и Церковь, увидев несовершенство своих чад, начала облегчать их духовное положение на браке Агнчем сокрушением. И вот мы видим, что начали появляться так называемые тайные молитвы, в которые Церковь и вкладывала покаянно-смиренные элементы. Но характерно, что они оказались именно в «тайных» моментах, сокровенными, припрятанными, чтобы не повредить основному правильному тону хвалебной Евхаристии.

Такова, думается, первая причина появления покаянных элементов, о коих мы будем сейчас писать.

Но есть и другая, связанная уже с существом самого Искупления.

Ведь как бы ни было велико чувство благодарности за спасение, но спасенный никак не может отрешиться от двух переживаний, связанных с этим: первое – это то, что спасение нами не заслужено, а дано как «милость», дар помилования. Следовательно, сами по себе мы не только не имели бы права на брачный пир, но должны бы быть изгнанными с него, а если и остаемся на нем, то остаемся лишь по той же «милости». А это, в свою очередь, не может не напоминать нам о том, что «милуют» виновных, прощают грешных; так всплывает и второе переживание. Следовательно, если бы на литургии присутствовали и одни «святые» первохристиане, и у тех после чувств благодарной любви, может быть, должны были бы быть и смиренно-сокрушенные переживания сознания своей вины, что Икупителю должно было «нас ради человек и нашего ради спасения» сойти с Неба, воплотиться и пострадать, и что и сейчас все милуются по «милости» Его, за Его Жертву.

Как же отвечать на такую милость? Конечно, прежде всего благодарением, хвалою, радостью спасенности, это так. Но если бы этим одним ограничиться, то это было бы недостойно

принесенной Жертвы: она ведь принесена для спасения. Ясно, значит, нам должно быть в чину спасаемых, а между тем, каков бы ни был человек, он должен сознавать, что он своею жизнью недостаточно «отвечает» совершенному за нас Искупительному подвигу Агнца Божия и все время потому сознает себя в неоплатном долгу пред Ним, а это и вызывает в человеке сокрушенное сознание, но, не зная, чем бы уравновесить принесенную за него Жертву, он и твердит о Его милости и своей греховности. Так это есть даже и у святых.

Если же эта греховность увеличивается, то сознание виновности и милости соответственно обостряется. И так как тайные молитвы суть произведения более позднего времени, чем Евхаристия, поэтому в них значительно более покаянного элемента, а в самом Евхаристическом каноне его сравнительно мало. А к этому нужно припомнить и третье – Искупительную Жертву. Сын Божий примирил нас с Отцом и исходатайствовал нам прощение грехов, а теперь эта же Жертва совершается не на Голгофе, а на престоле, и в силу ее связи с Голгофской она снова испрашивает нам оставление новых согрешений, ходатайствует о новых милостях к грешникам.

Таким образом, мысли покаянного характера, хотя и отличаются от основного тона благодарности, но не противоречат, а лишь дополняют его. В нормальном настроении они никак не должны бы занимать господствующего места, а лишь вкрапливаться в него, но так как мы теперь полны немощами, то у нас сокрушение нередко является чуть ли не главным содержанием молитвенного состояния христианина и на литургии. Однако так не должно бы быть. Впрочем, как бы ни было велико покаяние, этого Господь не поставит нам в вину, потому что такое покаяние есть проявление смирения, а смирение всегда угодно Господу, потому что оно говорит о сознании своей греховности, а Господь приходил, чтобы именно грешных спасти и искупить, потому что оно свидетельствует о нашем несоответствии брачному чертогу, к которому мы влечемся любовью, а сказано, что кто много любит, тому много и прощается (см.: Лк. 7, 47). И блудный сын считал себя недостойным быть принятым в дом как сын, а решил просить

его принять хоть как наемника, слугу, но был принят «в объятия Отча».

И уж во всяком случае такое покаянно-умиловительное настроение, конечно, выше и более угодно Богу, чем легкомысленно-благодарное, при пустоте души, а тем более при греховности. Покаяние умиловляет Бога, оно примиряет нас с Ним. И таким образом воочию совершается Испытательное очищение, служение примирения, возвращение Отчей милости, или «милость мира», уже не в смысле лишь принесения мирной жертвы еля от нас, а в смысле возвращения милости примирения от Бога. А после этого невозможно уже человеку остаться вне дверей брачного чертога, и он получает милость присутствия на Тайной вечери, а если исповедовался, то сподобляется и вкушению Самого Агнца Жертвенного.

Теперь, вероятно, станут понятными уже сокрушенно-просительные мотивы в молитвах литургии, которые мы сейчас и приведем.

Вот в самом начале литургии верных, после удаления оглашенных, читается тайно «молитва верных первая». О чем же говорит в ней оставшийся в Церкви «верный», «достойный» стоять? О чем его мысль «первая»? Представим себе: если бы теперь часть молящихся удалили из Церкви, а нас оставили бы, что бы мы стали чувствовать? Не знаю, как другие, а я даже вот сейчас, когда пишу, ощущаю следующее. Прежде всего мне «больно» за удаленных, пусть и справедливо; жаль их, бедных, точно из рая выгоняют. А потом мысль мгновенно обращается к себе самому: ну, а ты? Вот ты оставлен стоять, но разве ты лучше тех? И сердце сжимается еще сильнее. Голова виновато опускается, как у мытаря. И мне бы должно выйти, а оставлен – на пир брачный. И, признаюсь, радость не в радость. Прежде, когда «тех» не выводили, как-то и я о себе не думал плохо, точно имея право на вечерю званых; а теперь всплыло и все мое дурное. И стыдно стало... Уйти бы нужно, но не уходится. Радоваться должно, но не радуется. Что же делать? Благодарить Бога за то, что оставлен? Не смею, ибо благодарить – это все-таки значит принять дар, будто «заслужил» его; да если и не «заслужил», то все-таки держишь

подарок в руках своих. А он начинает их жечь, как недостойных и держать-то его... Возвратить? Сил нет: не хочется быть в числе лишенных. И молча, нагнувшись, продолжаю, точно закаменелый, стоять с даром в руках. Но так же нельзя долго? Нужно что-то делать далее? Служба-то ведь не стоит, а двигается. И я отрываюсь душой от сокрушающего меня «окаменения». И душа моя вдруг встречается с Ликом Бога: Он зрит на меня. Куда мне деться? Что сказать? Опять опустить очи и погрузиться в молчание? Но Он смотрит и чрез опущенные глаза. Уйти? Не могу и не хочу. И уже тяжело становится душе моей. Но когда она увидела Его Лик, то не заметила в Нем гнева суда, а – мир и спокойствие. И кажется (еще не веришь себе: да и за что?), еще будто бы и любовь. А может быть, это лишь показалось? Может быть, мне этого только хочется?... Но уже и рассуждать нет сил: напряженное сердце требует разрешения. Очи снова поднимаешь, с мукой сознания своей виновности, тянешь к Нему руки и говоришь лишь одно короткое слово: «Прости!» – и падаешь к ногам Его, целуешь их, обхватываешь колена, как ребенок у матери. И опять замолкаешь. А Он не отталкивает... Значит, не гонит?

Значит, не удаляет с оглашенными? О Боже, Боже мой Милостивый! И сердце затеплилось вдруг слезами благодарной любви! Я уже не думаю, не хочу думать о своем достоинстве: это тяжело мне теперь, у ног Его. Но и благодарить Его вслух не могу – слишком много это для моей нищеты: ведь «по милости» лишь оставлен и сижу у ног Его. И потому лишь в молчаливом сердце, тайно, без слов почти, дерзаю любить Его, и сокровенно, молча благодарю тихо!

Вот как бы я почувствовал теперь. Но Церковь – не так. Она начинает сразу: «Благодарим Тя, Господи Боже сил, сподобившаго нас предстати и ныне Святому Твоему Жертвеннику...» Вот с чего она начинает: с благодарности, хвалы. Да, «святая» Церковь, «святые» христиане, очевидно, так «могут», а не только что «должны»: они поступили наоборот, не «прости» сказали, а хвалить начали, и притом явно (т. е. откровенно, словом). Но Церковь и эту молитву спрятала в разряде «тайных».

Однако даже и они после хвалы сразу опустились в смиренное, сокрушенное сознание, ибо говорят: «И (сподобившаго) припасти (тоже упали к ногам? А я свои чувства выше излагал, не заглядывая в молитву), ко щедротам Твоим (к милости: не гонишь) о наших гресех и о людских неведениях». Это молятся священнослужители о себе и о других.

Вот уж и «святые» говорят свое «прости»: «виновны». И как смиренно: свои вины прямо называют тяжким именем – «грехами», а людские мирские немощи именуют лишь «неведениями», то есть я грешил сознательно, волею, а другие по неведению.

Что же, однако, далее? Уходить? Но этого и не думает «виноватый верный». Нимало! Он довольно смело просит о милости принять участие в жертвенной вечери. Я бы, кажется, не молил: не смел, а лишь Молчал и только тихо любил. Но Церковь Святая дерзновеннее меня, грешного, потому и говорит далее: 'Приими, Боже, моление наше (общее: и священников, и мирян), сотвори ны достойны быти, еже (чтобы) приносить тебе моления и мольбы и Жертвы Безкровныя о всех людех Твоих».

На что же они надеются? Одеты ли они в брачную одежду добродетелей? Нет, прежде всего не на это, а на Духа Святого.

– «И удовли (удостой, сделай способными) нас (то есть всех верных, допущенных до вечери верных), ихже (коих) положил (поставил, допустил) еси в службу Твою сию силою Духа Твоего Святаго, неосужденно и непреткновенно, в чистом свидетельстве совести нашея, призывать Тя... да послушая нас, милостив нам будеши во множестве Твоея благодати».

Вот каковы основания: благодать Святого Духа и милостивая благодать. Но посреди все же стоит «чистое свидетельство совести». Этого-то и нет у меня. От этого-то у меня сначала не «благодарю», а «прости». А уж о «чистой совести» я и заикнуться не могу. Да и вообще мне говорить трудно: мне легче бы молчать, и молчу, спрятав голову в милостивые колена Его. Молчу.

Но пойдем за Церковью дальше: что еще она, «святая», скажет? «Еще и еще помолимся» («паки и паки»). В древности, кажется, здесь был целый ряд ектений. Я уж не буду говорить о



том, что я переживал бы. Мне пока лучше молча упокоиться в ногах Господа моего. А что Церковь?

Еще и многократно (по-русски) «Тебе припадаем, и Тебе молимся, Благий и Человеколюбче, яко да призрев на моление наше, очистиши наша души и телеса от всякия скверны плоти и духа...»

Что же это такое? Вот и Церковь уже в покаянии «многажды», усиленно молит об очищении? Да после «благодарения» «первой молитвы» она в «молитве верных второй» теперь говорит свое «прости».

И прежде она упоминала о грехах и немощах неведения, но там общий тон молитвы был все же благодарно-уповательный, а теперь уже главным образом сокрушенный. Так и должно быть у «верных».

Выскажу предположение: думаю, что эти покаянные элементы тайных молитв заменяли в древности теперешнюю нашу исповедь, а для священнослужителей, причащающихся обычно без исповеди, эти молитвы и доселе заменяют ее, и потому весьма уместно было просить «очищения всякия скверны плоти и духа». Ибо кто без греха? «Един Свят – Един Господь!» – скажет после Церковь. К Нему приступает верный, готовящийся к Причащению, и своя «скверна» ощущается сильнее. В древности же все причащались и потому всем нужна была такая «исповедь» общего характера («общая исповедь»). И она уместна была еще до Евхаристии...

Но все же заслуживает внимания, что в самом начале литургии верных, вслед за благодарением, сразу проступает и покаяние. После, на самой Евхаристии, оно почти исчезнет: там уже будет нужно отдаться благодарению, но зато после Пресуществления покаяние усилится и разрастется в еще большей степени, как увидим. А пока воротимся ко второй покаянной молитве: «Очистиши... и даси (дашь) нам неповинное и неосужденное предстояние святого Твоего Жертвенника», это – не только о священниках. Но и вообще «молящимся с нами» «даруй же, Боже», «преспеяние (успех, прогресс) жития и веры и разума духовного»... Обратим внимание, что в этой молитве покаянная просьба об очищении

страстей относится все же больше к священнослужителям, а о «молящихся» они, наши отцы, думают лучше, что те – и так хороши, и потому им испрашивается лишь «преспеяние», то есть улучшение. Так и здесь, во второй молитве, смиренное разделение наших «грехов», или теперь уже «скверн» – от мирянских «неведений» – продолжается и даже углубляется: себя мы начинаем сознавать все хуже, а о мирянах думаем все лучше. И это так естественно: когда человек плохо думает о себе, тогда он не дерзает худо думать о других; наоборот, ему все прочие представляются не только лучше него, но и просто хорошими, и остается лишь желать им улучшения.

Как все это и мудро, и умирительно, и спасительно!

Но неужели сами-то миряне приступают-таки с полным спокойствием и с одною благодарною любовью? Не может быть! Как бы ни смирял себя священнослужитель пред Богом, как бы ни возвышал над собою «хороших» мирян, он не может забыть, что не перед ним, а перед Богом-то и они на литургии верных оставлены лишь по милости Его; еще более он не может забыть (а от своего собственного покаяния это сознание еще более обостряется), что предстоит нечто страшное и великое, то есть предстояние в Евхаристии Святой Троице, Пресуществление Святых Даров, участие всех в Жертвенной вечери. И потому, как же и им, «хорошим» мирянам, можно стоять-то благодушно-мирно, даже несмотря на их доброкачественность?

Конечно, им можно стоять с «любовью» (а нам, священнослужителям, с сокрушением), но они сами чувствуют, их священник даже и не учит (ведь хорошие сами сознают, как им подобает себя вести), что нужно иметь и «страх», и они его имеют уже! Какими миряне – по сознанию нас, грешных священников, – мыслятся и мудрыми, и хорошими! Остается лишь желать еще лучшего им. И не нужно думать, чтобы это мнение со стороны нас было лицемерным «смирением паче гордости». Нет! Это так бывает почти всегда. Вот и я – о Господи, Господи! – думаю часто во время литургии: «Боже, как они все лучше меня! Да и какие у них грехи-то?! Мне бы нужно самому уйти от Престола, а я еще за них молюсь, но должен молиться – я их ходатай!»

Правда, наше состояние обостреннее, чем у мирян, ибо мы предстоим ближе к Страшному Жертвеннику, но мы не думаем в эти моменты оправдывать себя или выставлять в более выгодном положении: не до этого. Наоборот, это еще более усугубило бы нашу худость, нашу скверность, то есть если бы мы дерзнули самооправдываться, а мирян в глубине души унижать. Где уж тут?! Боже, сохрани от этого! И так едва-едва держишься за колени Господа. А как только унизишь кого – сейчас будешь сам отвергнут. И держишь свое сокрушение, как щит над собою. А сейчас и еще более погрузимся мы, священнослужители, в глубину покаяния. А о мирянах мы лишь молимся (после «преспеяния») как о достойных, но все же, вероятно, небезгрешных:

«Даждь им, всегда (подумать, миряне – «всегда» хороши) со страхом и любовью служащим Тебе (мыто грешим, а они «всегда служат»), неповинно и неосужденно причастится Святых Твоих Таин и Небеснаго Твоего Царствия сподобится»... Вон уж на что надеется о них священник: не только на «неповинное» Причащение, но и на будущее блаженное Царство Небесное.

Да и чего же иного можно ожидать для «всегда служащих» Богу?! И так как больше этого пожелать нечего мирянам, «верным», «святым», то священник (больше для них, но по приличию присоединяет уже и себя) говорит, что они могут надеяться, что они Божьи, что они защищаются Самою Силою Его как верноподданные Его, и потому – мы (они и священник) укрываемся от греха под крепкую Его руку: «под державою» Его «всегда храними» и можем, и должны «Славу возсылать Отцу и Сыну и Святому Духу». А между тем, после первой молитвы благодарственно-уповательной и возглас конечный «яко подобает Тебе слава, честь и поклонение». Так священники успокаивают мирян: «Вы – под рукой Божией».

Да, это так. Но я-то? А сам-то я каков? И как бы отстранив уже от себя паству свою, которая точно двоила наши чувства о самих себе («мы плохи», «вы -хороши») и тем самым мешала решительнее сосредоточиться на своей худости, мы, священнослужители, погружаемся теперь одни в алтаре пред

Лицем Единого Бога в глубину покаяния. И из уст священника вырываются такие слова, которые всегда тягостно даже читать, а не только переживать. И иной раз я даже боюсь переживать их, потому что если уж переживать как должно, так бы нужно и исполнять их, а они страшны... Да если и не исполнять, а только хоть проникнуться ими, и то мучительно для «скверной» души. Я их ранее приводил, но сейчас они сильнее прозвучат нам и уместнее в связи с течением литургии.

«Никтоже достоин от связавшихся плотскими похотями и сластями приходить, или (даже) приблизиться, или служить Тебе, Царю Славы: еже бо служите Тебе, велико и страшно и сием Небесным Сидам...»

Остановиться нужно. А может быть, лучше не останавливаться? Может быть, лучше не задумываться, а «пробежать» лишь глазами, не трогая «скверного» сердца?

Да, этого хочется! Хочется проскользнуть мимо. И я нередко перелетаю над бездною покаяния: не под силу... Я давно уже «молча» уткнулся в колени «Милостиваго Спаса» и лишь тихой любовью «умоляю» Его, без слов: Он знает сердце мое немощное...

«Приблизиться» даже «никто не достоин» из грешников!

«Страшно» и ангелам!

О, Боже мой! Боже мой!..

А я? А я стою, будто бы достойный? Не страшусь? Хотя и вижу всю «связанность» свою, но уйти от престола – не ухожу.

Но нет, лучше, легче, уж и не думать!.. Потороплюсь к утешающим и ободряющим далее словам...

Когда служит архиерей, он тоже читает эту молитву о своем недостойнстве, но выражает это даже и внешне, мытаревым видом: «мало приклонив главу», как и приточный мытарь, не смевший и очей поднять на небо. Как и я, уже давно опустивший очи свои и даже спрятавший голову свою в складки одежд Иисусовых... Так и провинившиеся дети, уткнувшись в платье мамы, сначала горько-горько, с перехватами их горлышка, плачут; потом замолкают; и лишь изредка вздрагивают их маленькие плечики от незастывших еще рыданий; и уже, кажется, все кончено: мама ласкает по бедной

головке, сама тихо проливая слезы над нею, и даже поднимает личико к себе, вверх, чтобы с любовью поцеловать покаявшегося. Но вот сам-то ребенок не хочет отходить от приютивших его колен: ему еще трудно смотреть на огорченную им маму... Еще немного нужно успокоиться. И они оба продолжают молча свое дело: она гладит, а слезы любви все катятся по щекам и со щек на шелковые волосики «маленького грешника», он же, вздрогнувши, с последним всхлипом, погружается в тишину: ведь он, бедненький, устал... А может быть, и заснуть он захочет сейчас: сердечко-то маленькое, а горе – большое... Устал он... И бывает, что дети в такие моменты засыпают...

...Но на службе, увы, невозможно отдыхать; ты поставлен пред Царем: до отдыха ли тут? Нужно искать иной исход из этой глубины покаяния. И Церковь указывает его, ободряет, «поднимает» лицо «отрока».

Возможно ли это психологически?

Я сказал бы: трудно, очень трудно! Но когда не остается уже иного исхода, по необходимости человек хватается за все. Или уйди, или служи... Если же служишь, то уже встань от земли – хочешь не хочешь, подними голову, воздвигни руки к действию... Но как же: если я не смею «приблизиться», а не только что «служить»? На что же я могу опереться в таком случае?

Послушай, грешный священнослужитель, успокаивающие, ободряющие слова. Твои грехи «велики», но Спаситель имеет «неизреченное» и уже «безмерное человеколюбие». Ради него Он сделался даже «Человеком», и хотя и «непреложно и неизменно», то есть не изменив Своего Божества, но «нашим» сделался, и не только «Человеком», но и «Архиереем». Это что значит? Иерей молится за людей, приносит умиловительные жертвы за них, ходатайствует пред Богом. И Господь-Человек, как «Архиерей», не только с нами соединился, воплотившись, но и Сам просит за нас: а Его ли молитва не сильна?! Ведь Он и Бог же «непреложный, неизменный»! Он – Сын Божий! Успокойся же, священнослужитель: за тебя, за твои грехи Он и сейчас вот просит Отца Своего...

Но Жертва Его за нас – страшная? Да! Однако Он же, знавший наперед наши немощи, Сам установил это «священнодействие» «Бескровной Жертвы» и передал нам как «Владыка всех». А если что Владыка или Царь повелевает, то имеет ли право не признавать это подданный, ссылаясь на свое недостойнство? И в монастырях не позволяется отказываться от послушаний, даже и «высоких», если их накладывают начальники. И несмирнен тот монах, который думает, что ему что-либо дается ради «достоинств» его... Лучше, смиреннее, «достойнее» перестать думать о себе вообще, а лишь вспомнить о повелении «Владыки всех». Так и Иоанн Креститель сначала отрекался от крещения Сына Божия, а потом, после приказания Владыки: «оставь теперь, сейчас, на этот раз, свое смирение, ибо так надлежит нам исполнить всякую правду» (Мф. 3, 15) [исполнил все повеленное ему]. Вот и Церковь, от Лица Самого Господа Иисуса Христа, говорит священнику:

Оставь на этот раз и ты свое сокрушение, которое препятствует тебе даже совершать эту службу; пойми, что не в тебе дело, не в твоём недостойнстве, или даже хотя бы мнимом «достоинстве»: что ты такое вообще? Слуга, раб, прислуживающий мальчик (по-славянски далее – «отрок»). И только! А совершается все по Моему, Владычному, повелению и установлению, следовательно, Я и отвечаю за все. Ты же, продолжая сознавать свое недостойнство (какое, конечно, и есть), лучше сосредоточься на Моей силе и власти, на нее обопрись в своем страхе... Ты ведь знаешь, Кто Я. Да, Я воплотился, сделался подобным тебе Человеком, стал тебе «Своим», а ты – Мне, но по существу Я Единый Господь и Бог, «владычествующий небесными и земными», Я восседаю даже на Херувимах, как на Престоле, Я – Господь Серафимов, Я – Царь Израиля. Зачем же ты о себе больше нужного думаешь? Исполни повеленное, установленное, узаконенное, что полагается, что достойно и праведно, исполни «всякую» (всю) «правду»...

И сказано об Иоанне: «тогда Иоанн допускает Его» (креститься) (Мф. 3, 15).

А здесь священнослужитель тоже отстраняет себя, как препятствующего, чтобы Господь Сам принес Евхаристию Жертвы и предоставил все совершить Ему, Святому. А себе просит лишь очищения: «Призри на мя грешного и непотребного (сильное слово!) раба (даже не слугу, а «раба») Твоего и очисти душу мою и сердце лукавое...» Вот уж когда священник просит об очищении: после Его «безмерной» любви, после воплощения, после Его молитвы за нас, после Владычного приказания, тут и о себе он вспоминает.

Но и это опять не самое важное: как бы ты ни был «достойн» или хотя бы очищен (исповедью ли или слезами покаяния), но знай, священнослужитель, что дальнейшее совершение тобою Евхаристии не на этом постоит. Почему? Потому что то, чему надлежит сейчас совершаться, то есть Пресуществлению, столь безмерно велико и совершенно недоступно никакой твари, даже и Архангелам (а они ли Уже не чисты, они ли не достойны?), что невозможно не только сотворить это тварною силою, но даже и прикоснуться опасно к огню: в хлебе и вине... воплотится Бог. Какое тут место уж твари? Что она может? И причем тут ее «мощь» или «немощь»? Все – солома перед огнем! А если это чудо из чудес все же совершается, притом совершается безнаказанно для тварного служителя, да еще и грешного, то только в силу охраняющей его хиротонии, благодаря силе Святого Духа, которую он получил в таинстве священства: вот где последнее убежище для уstraшенного священнослужителя: «благодать хиротонии».

Благодать Святого Духа, полученная в хиротонии, охраняет священнослужителя; и особенно она в нем или через него все и действует. На нее и нужно нам надеяться более всего, она «священнодействует Святое и Пречистое Тело и Честную Кровь». Поэтому и после перенесения Святых Даров на престол священнослужители испрашивают друг для друга именно благодати Святого Духа: «Дух Святый найдет на тя, – говорит один, – и сила Вышняго осенит тя». А другой отвечает ему тем же пожеланием: «Той же Дух содействует нам вся дни живота нашего».

Вот сколько оснований, выводящих душу тайно-совершителя из глубины страха и давящего сокрушения.

А когда примешь все сказанное во внимание, тогда само собою входит в душу умирение: не я, а лишь через меня все творится. Но возможно ли, однако, забыть и тут свое недостойнство? Неужели такое глубокое сокрушение, почти подавленность души, в коем только что пребывал я, исчезнут совсем? Неужели я буду теперь совершенно мирен и спокойно-уверенно, «как ни в чем не бывало» буду совершать таинство? Нет, это немыслимо: как ни важны, как ни убедительны, как ни могучи приведенные утешения, все же забыть себя самого я не могу, но теперь я не имею права быть в подавленном состоянии. Что же делать? Тогда образуется новое, среднее состояние, самое нужное и естественное в таких условиях: сокрушенное сознание своего недостойнства, но вместе с тем и смиренно-дерзновенная решимость приступить к Жертве, но уже с надеждою не на себя, а на благодать, на Самого Христа Владыку.

Так гнетущее покаяние переходит в благонадежное умиряющее смирение и упование на милость Божию, на «милость мира». Первое слово говорит одновременно и о сознании своей вины (ибо милости просить свойственно провинившемуся), а вместе с тем и о разрешении ее – в море милосердия Божия. Второе же слово говорит больше о результате того и другого (и сокрушения, и милосердия), духовном мире в человеке, но он приходит вследствие тех же причин – смиренного покаяния, а еще более – от милосердия Исккупителя.

С таким настроением найденного исхода тайно-совершитель далее и действует, чего он прежде ужасался, и продолжает смиренно молить за свои грехи: «К Тебе бо прихожду приклонь (приклонив) мою выю»... Вот уже – «прихожу», и смиряюсь, все вместе. «И молю Ти ся, да не отвратиши лица Твоего от мене, ниже отринеси мене от отрок (служителей) Твоих, но сподоби принесенным Тебе быти, мною грешным и недостойным рабом Твоим, Даром (Дарам) сим». Так смиренно умирится священнослужитель. Но в заключение,



обняв все приведенные выше основания к успокоению одним взором, он ясно вдруг зрит, что ему действительно должно смиреннее смотреть на все, и на себя в частности. Ведь Кто же действует? Разве же мы? Вочеловечился Он, Сын Божий! Архиерействует, ходатайствует Он! Установил и передал совершение Таинства Он, Владыка Неба и земли! Очищает нас Он! Охраняет благодатию Духа Он же! Все Он! И совершает самое Таинство силою Духа Святого Он.

И обняв все это мыслию, человек точно отходит в тень, успокаиваясь кратким единым сознанием о вседействующем Христе Спасителе. Ведь «Ты бо еси приносяй и приносимый, и приемляй и раздаваемый, Христе Боже наш»... Вот главное основание к утешению. Вот где конец разрешения туги: все – Христос Сам. Он и Жертва приносимая, но Он же и Совершитель Ее, Себя Самого приносящий.

...И священнослужитель уже точно забывает себя, и готов благодарить и славословить всех Спасяющего и все Совершающего Христа, а как вспомнишь, что главное-то не в моих немощах или даже «достоинстве», а в Сей Искупительной приносимой Жертве, то уже становится совсем возможным благодарить, и именно все действующего Сына: «И Тебе славу возсылаем» – так оканчивает тягостно-начавшуюся молитву священник («Никтоже достоин...»).

Так тягота от «скверн» наших перешла постепенно в покаянно-умиренную молитву о сподоблении совершить службу, а разрешилась Славословием Жертве – Христу. И далее совершается символическое действие: архиерей (а я видел и священников, делающих то же) «умывает руки».

После того сокрушения, в коем мы устанавливаемся в данный, преджертвенный момент, и о котором я так много распространился, после двукратных молений об очищении, архиерей показывает и то, и другое: и сознание вины, и нужду в очищении благодатию Святого Духа – действием, омовением. А в новых архиерейских «Чиновниках» (книгах о «чинах», о службах) повелевается умыть (концами смоченных перстов) и очи, и уши, и уста – то есть почти всего человека: весь есмь бо грешен. И при этом читается им молитва Господу о ниспослании

Святого Духа на воду, чтобы Он, как во Иордане, освятил ее Своим «спасительным явлением».

Но заканчивается эта молитва и просьбой об «освящении всех людей». И, по древнему обычаю, воду, освященную руками архиерейскими, разносили по церкви – и верующие также омывали себя.

А в молитве верных на Преждеосвященной литургии и прямо испрашивается всецелое освящение: «Ты», Боже, «вся наша чувства страстного умерщвления свободы, благаго тем (им) владыку внутренний помысл (ум, главу) приставив: и око убо да не приобщно будет всякаго лукаваго зрения, слух же словесем праздным невходен, язык же да очистится от глагол неподобных: очисти же наша устне хвалящая Тя, Господи: руки наша сотвори злых убо ошаятися (отскакивать) деяний, действовать же точию яже Тебе благоугодная; вся наша уды (члены) и мысль Твоею утверждая благодатию».

А в это время певчие поют уже Херувимскую, изображая Херувимов и с ними подпевая «Трисвятую песнь» о Пресвятой Троице.

Как же связать такую дерзновенную песнь с тем сокрушенным духом, в коем мы находились только что перед этим?

Думаю, так: «хорошим», «святым» христианам естественно радоваться, благодарить и славить Троицу, а миряне мыслятся в церкви лучше нас, священников. И потому они первые начали петь Херувимскую. Священнослужитель же еще читает о себе сокрушенную молитву («Никтоже достоин...») и, лишь постепенно освобождаясь от страха, доходит мало-помалу до «славы» Христа. А потом архиерей очищает себя омовением; и уж лишь после этого, надев омофор (знак надежды на Искупительную Жертву, ибо омофор – символ Агнца, положенного на плечи, как носят пастухи больных ягнят), поднимает молитвенно и дерзновенно очи и руки и присоединяется к поемой Херувимской, уже умиранный.

Но когда я слышу эту «Трисвятую песнь», то у меня иногда еще более обостряется сознание своего недостойнства. Херувимы... и я. Светлейшая чистота... и мои немощи. Они лица

закрывают пред Святейшей Троицею, а я смею очи поднимать, руки горе воздвигать и им «припевать»? Я дерзаю стоять пред Троичным Престолом Трисвятого, я, грешный... И тогда сокрушение снова охватывает сердце и очи наполняются иногда слезами покаяния...

Но в другой раз, а иногда и после таких переживаний, прибегают иные мысли: «Ведь вот как я ни «недостойн», как ни «непотребен», а все же Ты допустил и меня совершать и службу эту, и предстоять Тебе, и припевать с Херувимами... А если Ты допустил, то, значит, милость Твоя не исключила меня от «отроков Твоих», а приняла в число служителей. А если приняла, то мне ли отречься? И потому, если уж не с славословием хвалы, то с миром сознания милосердия Его буду все же припевать Ему, Милостивому Спасителю.»

А иногда еще и такие чувства посещают: «Да, Ты – Трисвят, Господи, а я – червь. Но я люблю Тебя, Всеблагий. И верую в Тебя. Ни к кому иному не прибегаю, как только к Тебе, как бы ни был я плох. Да и все перед Тобою нечисты. Но Ты Своею благодатью приими нас; и Всемогущею Силою Святого Духа очисти, убели, покрой все мое нечистое, и удостой предстоять Тебе. Ведь моя вера и любовь к Тебе дороже Тебе, чем так называемые «добродетели» наши. Но и самые язвы мои пусть расположат Тебя к милосердию: я же страдаю, пожалей меня! К Тебе прибегаю, как к Врачу; исцели меня! Не к кому иному прибегнуть мне! А Ты – благ, сама Благодать, имя Тебе – Любовь!»

И тогда по-детски доверчиво протянешь руки свои к Отцу с надежной мольбой.

И только теперь мне стал более ясным самый главный «камень» надежды, на который опирается и Церковь в молитве «Никтоже достоин»: это перенесение центра упования с самого человека, со своих переживаний на «Единного Посредника, Ходатая Бога и человеков, Человека Иисуса Христа» (см.: 1Тим. 2, 5).

Да, единственный Ходатай лишь Он. И Ходатай всемогущий, ибо Сам Бог. Ведь это я давно уже знаю.

И, странно, даже читая постоянно молитву («Никтоже...»), я как-то недостаточно ясно отдавал себе отчет в великой силе этого упования, заключающегося именно в опоре на Единородного Искупителя!

Этим, вероятно, помимо моего недостойнства, объясняется то, что я даже и после такой молитвы, вместо того, чтобы умириться и уже смиренно-спокойно просить принять от моего «непотребства» дары, продолжал иногда все мучиться. Но лучше идти за Церковью: она мудрее нас. А для нас это и смирение.

Но я уж слишком надолго остановился на этой молитве и на своих переживаниях. Однако это, может быть, поможет кому-нибудь уяснить, с какими покаянными, а отчасти и благодарственными, а еще более – с уповательными на милость Ходатая чувствами – должно стоять за этой частью литургии: дальше придет благодарение, а сейчас еще – место покаянию, но с надеждой.

С этим связаны и другие молитвы и действия этого момента. А именно.

Когда люди поют Херувимскую песнь, диакон в это время кадит и алтарь, и всех молящихся. Какой смысл данного каждения? Можно думать, что как дым возносится кверху, так и мы свои молитвы припеваем Херувимам. Но нужно усмотреть и иной смысл: это каждение есть покаянная молитвенная жертва Богу от сокрушенного духа; такое понимание вяжется более с молитвами данного момента, содержание коих мы вскрывали доселе. И это выражается, между прочим, и тихим чтением покаянного 50-го псалма у греков и сербов, и болгар во время каждения диаконом или архиереем – ибо он за всех молится, просит о прощении своем и молящихся, как предстоятель, имеющий сейчас приносить жертву, как пастырь, отвечающий за свою паству, почему, выходя к народу, берет в левую руку архиерейский посох или жезл, произнося: «Помилуй мя, Боже, по велицей милости», и прочее, что написал царь Давид после двойного греха: прелюбодеяния и убийства.

А после этого (или, если кадит диакон, то пред этим) архиерей, прочитав трижды с воздетыми руками Херувимскую,

целует расprostертный антиминос – или Распятого Господа, ибо в Нем главным образом нашел он опору и утешение в бездне сокрушения, и идет к жертвеннику и здесь опять снова сознает свои грехи, «поклонився убо трижды, глаголет: «Боже, очисти мя грешного».

Затем «отлагает шапку» (митру) в знак смирения, покаяния и отложения своей власти пред Жертвою Сына Божия, Которому Единому подобает власть теперь, ибо все делается Его силою. И «поминает» всех, вынимая частицы. Зачем? Опять в умиловление за поминаемых, подобно тому, как и разбойник на кресте пред Крестной смертью Спасителя просил Его: «Помяни мя, Господи, во царствии Твоем».

Сейчас наступит, в Евхаристии, Царство Троицы; и мы просим и нас «записать» в число участников Его, дабы, лежа вместе на одном дискосе с Жертвенным Агнцем, то есть объединенными с Ним Его Жертвою, мы вместе были бы приняты и на брак Царский.

Между прочим, отсюда становится понятным установившийся неписанный обычай, особенно хранившийся в сельских церквях, что просфоры можно вынимать лишь «до» Херувимской, дабы нам и поминаемым нами не оказаться уже вне дверей Искупительной Жертвы, когда будет возглашено: «Двери, двери!» (затворите).

Но, как я писал, в древности поминались и вынимались части после Пресуществления Святых Даров, что можно и теперь делать, в соответствии с идеей принесения Жертвы за весь мир: и Небесный, и земной.

Но и здесь очень уместно молиться о помиловании и живых, и умерших. Поэтому каждый из сослужащих священников подходит к архиерею и, целуя его в плечо (где лежит омофор, как знак Жертвенного Агнца), просит: «Помяни и меня, грешного и недостойного раба Твоего (имярек)».

После этого совершается так называемый Великий выход. Естественное, историческое происхождение его, как известно, таково: Святые Дары (хлеб и вино) заготавливались доселе на жертвеннике (а прежде это была особая часть храма, как и сейчас есть еще в больших храмах или монастырях), а так как

пришло время для совершения Таинства, что совершается на престоле, то заготовленные Дары и переносят к этому моменту с левой стороны в центральную часть алтаря. Но нужно усмотреть и другой смысл в соответствии с богослужебным, молитвенным настроением: мы видели, что оно было весьма покаянное («Никтоже достоин...», «очисти от скверны плоти и духа» и проч.), но разрешилось главным образом благодаря упованию на Самого Икупителя, «Приносящего и Приносимаго»...

И вот теперь эта мысль, эта вера, эта надежда, эта утешающая милость, эта опора на Агнца Мира, за нас имеющего быть принесенным, выражается в действии: Его уже несут на заклание за нас.

Ободришь же, человек! Посредник умилоствления, Ходатай примирения нас, грешных, уже идет на Свое «служение примирения»:

Бог во Христе примирил с Собою мир, не вменяя людям преступлений их, и дал нам (служителям) слово примирения. Итак мы... от имени Христова... просим: примиритесь с Богом, «ибо не знавшего греха Он сделал для нас Жертвою за грех, чтобы мы в Нем сделались праведными пред Богом» (2Кор. 5, 19–21).

Поэтому когда несут Дары через народ (в древности, да и сейчас еще в греческих церквях, также и в славянских, несут через церковь, через народ, а не по амвону лишь), этим показывается образно, что Агнец закалается за всех, за всю Церковь; и через страдания Свои Он и ее, Церковь, берет с Собою, соединяет Себе: ведь за нее Он страдает, а не за Себя... Как бы берет Ее за руку. Или становится Посредником между нами, грешниками, и Богом Правосудным... В нашу «среду» (в середину) вошел Он и сейчас за нас будет приносить Себя в Икупительную Жертву. Не унывай же, человек! Надейся на «милость мира, на примирение Икупителем!»

И когда несут по церкви, то говорят о всех:

«Вас и всех православных христиан да помянет Господь Бог во Царствии Своем всегда, ныне и присно и во веки веков».

Певчие поют: «Яко да Царя». Доселе пели «Трисвятую песнь», «Животворящей Троице», но это делалось возможным для верных только через Жертву Сына Божия, Которую и несут величественно, как «Царя всех». И после поминовения полагают на престоле, как Исаака на дровах, как незакланного еще Агнца на жертвеннике. А церковь, уже предвзяв смерть Его, читает и о погребении: «Благообразный», «Во гробе плотски», «Яко живоносец», а из 50-го псалма, покаянного, читает лишь уповательный конец: «Ублажи Господи благоволением... тогда возложат на олтарь Твой тельцы».

Так все это связано с благонадежным покаянием данного момента.

И казалось бы, теперь уже можно приступить и к Жертвенному действию, к Евхаристии. Но Церковь произносит до этого еще одну ектению: «Исполним (дополним) молитву нашу Господеви»...

Я после разъясню строй всей литургии, и тогда выяснится, почему эта одна ектения технически «оторвалась» от целой группы прежних ектений, произнесенных в этой части литургии до Херувимской, а здесь хочу поставить ее лишь в духовную связь с молитвенным настроением.

Ектения эта, как знаем, «просительная», и в ней мы и сокрушаемся и молимся о прощении грехов («дне... свята ... и безгрешна», «Ангела ...хранителя душ и телес», «прощения и оставления грехов», «в мире и покаянии ... скончати» жизнь, «христианския кончины ... и добраго ответа на Страшнем судищи ... просим»: «подай, Господи»).

Поэтому понятно, почему она является уместною в этом преджертвенном, покаянном моменте литургии, о чем все время мы и говорили.

И лишь спрашивается: почему она поставлена после Херувимской и после перенесения уготованной Жертвы, а не до Нее?

Можно объяснить так. До Херувимской было несколько ектений (между прочим, и «великая» сокращенная, которая теперь стоит в начале литургии оглашенных), и в них церковь молилась о самых разных вещах, и не только об одних верных,

но и об оглашенных. А потом она повелела «отложить всякое житейское попечение» (в Херувимской)», забыть о всяких нуждах второстепенных, земных, может быть вообще и приемлемых, но в данный момент вознесения Жертвы на заклание уже не соответствующих моменту. Теперь нужно сосредоточиться исключительно на самых возвышенных предметах: Царстве Пресвятой Троицы, благодарении Ее, хвале, на Искупытельном Жертвоприношении. Все же остальное забыть. А о себе лишь помнить с одной стороны: подготовлены ли мы духовно к этому моменту? И конечно, ответ будет всегда сокрушенно-покаянный: «...несмы достоин, ниже доволен, да под кров внидеши храма души моя: занеже весь пуст и пался есмь» (Молитва вторая пред Причащением).

Это покаянное настроение и выразилось уже в тайных молитвах («Паки и многожды», «Никтоже»). Но оно же вот теперь выражается и в ектении, а если бы она была приставлена ко всем другим ектениям, где мы молимся обо всем (и о властях, и об архиереях, и усопших, и оглашенных, и о благорастворении воздухов, и изобилии плодов земных, и о плавающих, и путешествующих), то есть когда и великая ектения была здесь, тогда она как бы затерялась среди других желаний и прошений. Но когда теперь, после «выхода» нам уже нужно сосредоточиться только на Жертве и на себе, на своей душе, короче: на спасении, – то очень хорошо сделано, что эту «просительную» «духовную» ектению выделили от других и поставили особо, отдельно, одну. Для этого оставалось ей лишь одно место: после Херувимской, перед самой Евхаристией. Нужно было продолжать углубляться в тихое покаяние с надеждой: первое выражается в молениях о прощении грехов, а вторая – в молитвенном призывании «Пресвятой, Пречистой... Богородицы... со всеми святыми» и предании всех и себя «Христу Богу».

Это первое объяснение.

А второе связано с мирянами. Как мы видели, лишь священник, да и то тайно, молится об очищении (и то больше своих грехов), а для молящихся читаются ектении (теперь в сокращении), в коих миряне совсем не слышат покаянных



мотивов, а они необходимы пред Жертвою, хотя бы по одному тому, чтобы осознать, ради чего Сын Божий возносит Себя на Крест. Ради чего приноситься будет Жертва? Грехов ради наших. Об этом будет сказано в Символе веры, но в общей и положительной форме: «Нас ради человек, и нашего ради спасения ... воплотившагося ... Распятого же за ны»...

А в ектении прямо говорится о грехах. Но так как миряне «тайных» молитв теперь не слушают (прежде они были гласными), то им тем более нужна эта ектения, ибо лишь в ней услышат покаянные мотивы, громко произносимые диаконом. Это вторая причина.

Наконец, третья связана с моментом приготовления Жертвы. Народ видел, как несут Агнца на заклание... Ради кого? За что? «Ради меня, за грехи мои», – говорит нам самое это действие. И как естественно затем сосредоточиться на молениях о прощении: «Помяни мя, Господи!», «Да помянет вас Господь!». И меня помяни, не забудь, не отринь, но помилуй, заступи, спаси Своею благодатию, простив грехи мои! И сначала священник «поминает», ибо ему дана благодать такая в хиротонии как посреднику между Богом и паствою. Но даже и «молитва праведника» требует «поспешествования», содействия участием самих богомольцев, самой паствы (Иак. 5, 16).

Поэтому нужно, чтобы к Жертвосовершителю присоединились и люди: «Исполним (и мы) молитву нашу», мирскую.

Далее, хотя Искупление совершается Самим Агнцем, но и от нас требуются, по крайней мере «покаяние и вера».

Вера потом будет изложена в Символе, а покаяние выражается сейчас в ектении. И даже так именно лучше, ибо в порядке духовной жизни так и бывает: сначала человек должен осознать свои немощи, беспомощность, гибель, нищету, банкротство; должен потерять «веру в себя», как говорит царь Давид: «Нищ есмь аз, и в трудех (скорбях) от юности моя; вознес же ся, смирихся и изнемогах» (Пс. 87, 16).

Сначала возносился, на себя надеялся, потом должен был смириться, а в конце концов дошел до «изнеможения»

(бессилия).

Только после такой сокрушающей нищеты можно всей душою «взыскать Господа пред собою всегда». Покаяние ведет к вере, к сознанию нужды в Икупителе – Сыне Божиим... Такой путь указан и апостолом Павлом в Послании к Римлянам (см.: Рим. 1:18, 3:23) о виновности и беспомощности всех: и язычников, и иудеев, о спасении во Христе (см.: Рим. 14, 3–9).

А уже после исповедания веры человек получает плоды Искупления: вера, по общему отеческому учению и апостольскому, усваивает нам «заслуги» Икупительной Жертвы. «Надобно, чтобы приходящий к Богу веровал сначала, что Он есть, и ищущим Его воздает» спасение чрез Сына (Евр. 11, 6).

Потому, когда несут на Великом выходе Агнца за тебя, не думай, что это за твои дела, но помышляй, что от тебя эта Жертва требует подвига веры, покаянно-аскетического подвига. Это третье объяснение в связи с Жертвой.

И наконец, доселе, даже в тайных молитвах, мы или сами просили («очисти», «прости ми непотребному»), или лишь ссылались на будущую Жертву, на Архиерея Христа, имеющего Себя привести. Но вот теперь, когда Он, как Агнец, уготованный на заклание, в виде Святых Даров уже «предлежит» на Жертвеннике, теперь именно мы имеем особое основание молиться о помиловании: прежде мы созерцали Его лишь верою и ссылались на Его Ходатайство, а сейчас Он Сам уже лежит, как Исаак, связанный Авраамом на заклание. И вследствие этого мы имеем новое, и самое действенное, самое сильное основание молиться о помиловании нас Богом Отцом, по любви к нам ради Сына («Ублажи Господи»), по щедротам милосердия, приготовившего Себя в Жертву Искупления. Она еще не совершилась, но уже все готово. И ссылаясь на нее, мы просим.

Что именно такое (и собственно, самое главное основание) объяснение помещения здесь просительной ектении – это, помимо общих соображений, видно из самого текста ее, из тайной молитвы и заключительного возгласения: «Исполним

молитву»... И тотчас: «О предложенных Честных Дарех Господу помолимся» за всех, в храме сущих.

Вот новое основание, ссылка на новый мотив: Дары уже предлежат, ходатайствующие за нас, хотя еще не «принесенные» и не «освященные», как скажет Церковь после Пресуществления, а лишь «предложенные» для этого. А если «предложенные», то этих слов и, следовательно, самой ектении, нельзя еще было говорить до Херувимской, до перенесения и предложения Святых Даров на престол. И далее в тайной молитве говорится о «жертвенности»: «Господи Боже... Едине Святе (а мы все грешны), приемляй Жертву хваления ... приими и нас грешных моление (пока еще не жертву), и принеси ко Святому Твоему (на Небесах) Жертвеннику, и удовли (удостой), дозволи нас приносить Тебе дары же и Жертвы духовныя, о наших (священнических) гресех и о людских (мирских) неведениях: и сподоби нас обрести благодать пред Тобою, еже быти Тебе благоприятней Жертве нашей, и вселитися Духу благодати ... в нас, и на ... Дарех... и на всех».

Все связано с Жертвой, и так молиться можно и лучше тогда, когда она уже вот предлежит.

О чем же молится Церковь здесь, кратко говоря: «Сподоби, Господи, принести Жертву Тебе за нас»?

Да, но основание к этому какое? Наше покаянное «грешных моление» (сюда относится и ектения эта), и Твое, Боже, благоволение («благодать»), и вот эта «Жертва хваления». Ради Нее, ради «предложенных Честных» Даров, ради милости Сына, просим и прощения, и даже сподобления совершить, принести Духом Святым Евхаристическую Жертву.

Значит, все – Христом, все – Его Жертвою, все – по Его любви, щедротам. Поэтому заключительный «возглас» (то есть гласное, в голос, громкое возглашение) этой «тайной» молитвы, произносимой после всей ектении, который теперь лишь и слышат миряне, ссылается на любовь Христа – Агнца, через Которого ниспосылается благоволение Троицы: «Щедротами (то есть в сущности) – «Жертвою) Единородного Сына Твоего (все то соверши, а особенно приими жертву Его, о нас имеющую

быть принесенною), с Нимже благословен еси со Пресвятым... Духом».

Вот такая причина или, лучше, многие причины перенесли эту покаянную ектению из группы других прошений за Херувимскую песнь к самой Евхаристии.

Этим и кончается уповательно-покаянный момент литургии верных. Люди подготовились к самой главной части ее – Евхаристии, сейчас начнется совершенно другой момент, с совсем иным характером: откроется благодарственно-хвалебная вечеря. О ней мы уже говорили. Там покаянных чувств почти совсем нет, а все хвала, славословие, благодарение, «жертва хваления».

А если и вспоминается о грехах, то не для возгревания уже покаянных чувств, а для обоснования благодарственной хвалы.

И в этот момент, согласно и тексту Евхаристии, и по ходу литургии, как мы говорили выше, подобает слиться с Церковью в «евхаристических» чувствах благодарной любви.

И желая начать эту часть, Церковь обращается к молящимся и посылает им «мир всем», «успокойтесь же совсем теперь». Так перед переменою настроений нужно хоть на момент успокоиться; Церковь хочет оторвать чад от сокрушенных мучительных мыслей о грехах и дарует им «мир».

Другой смысл этого «мира» обыкновенно усматривается в желании приготовить людей к какому-либо важному последующему моменту (чтению Апостола, Евангелия, Евхаристии, Причащению; все это предваряется возгласом: «мир вам», «мир всем»). И это тоже правильно: наступает самый великий момент службы – введение в Царство Троицы, Искупление, Пресуществление, начинается торжественное славословие Спасающей Троице.

И подобало бы и подобает слиться с Церковью в хвале благодарения хотя бы в этот момент. «Но так ли бывает?» – спросим себя.

Увы! Не так, не всегда так, не совсем так. Но, может быть, это оттого, скажет кто-то, что вот мы не понимали доселе, как нужно? Отчасти и поэтому, правда. И нужно, и должно

стремиться проникнуться теми чувствами, какие указывает Церковь.

Но все это возможно и легко истинным «верным», «святым». А мы?

И мне трудно бывает отделаться, даже в такой момент хвалы, от сокрушенного сердца, в котором радость перемешивается со старыми покаянными воздыханиями, а то и с сокрушенными воплями, подобно тому как каменщик переслаивает кирпичи известкой. Опишу, как и почему это бывает; может быть, и другим пригодится... И кажется, не я лишь один переживаю подобное; даже и в богослужении литургии мы еще встретимся со скорбными мотивами. Но расскажу о своем, о личном.

Вот что бывало.

## ХВАЛА И НАДЕЖДА

Слышу: «Возлюбим друг друга»!.. Люблю ли я? Любим ли мы? Не холодны ли мы душою друг к другу? Не чужие ли мы? Даже не враги ли кому-нибудь? О! Легко сказать «возлюбим», а как далеко до дела!

Любил ли я прежде? Не причинял ли я горя и зла моим «ближним?»..

И вдруг всплывут из прошлого, иногда давно забытого, твои дела, которыми ты нанес раны и язвы другим. И теперь то уже невозможно. А ведь почти всякий грех наш ранит не только нас, но и ближних. Об этом можно бы распространиться и сейчас, можно много думать и при возгласе «возлюбим», но тяжело приоткрывать завесу прошлого. Лучше задержу ее, заглянув туда лишь на мгновение. Трудно. Да и некогда долго углубляться: уже Символ веры поют. Вот уже нам новый повод к сокрушению; на вечерю принимают лишь любящих. А мы? И представьте: если бы и теперь нам нужно было целовать друг друга чистым поцелуем мира и любви, не было ли бы это лицемерием? Да, хорошо, что Церковь вывела этот святой обычай: не под силу он нам, нелюбовным. Даже когда мы целуемся в алтаре, одни священнослужители, и тогда бывает трудно, разве мы не чужие? Разве мы в самом деле братья единой Чаши? Разве мы «любим» друг друга?... О! «Возлюбим, возлюбим»... Горестное слово: горько его слушать... Нет, не любим и мы... Самое большее, если победим дурные чувства вражды, или обвинения, или осуждения. А говорим: «Христос посреде нас»... Где Он, там – любовь: Он глаза, мы члены одного тела Его. «Члены». Как не похоже! Нет, нет! Остался один «образ (вид, маска) благочестия». «Силы же Его (сути, духа), увы, отреклись» мы (2Тим. 3, 5). А форму соблюдаем. Но и она иногда еще помогает.

Один игумен меня оговорил, а завтра служить с ним.

«Как же, – думаю, – буду служить? Как я поцелуюсь? Как скажу: «Христос посреде нас», если у меня в душе – бес злобы?...»

И стал я мучить себя сначала физическим утомлением: не помогло ничуть. Подошла уж и всеощная, а у меня жжет в сердце, как в печи. Что делать? Осталось одно: пойду на исповедь, а сначала попрошу у него прощения. И пошел, поклонился (по обычаю монастырскому) в ноги ему и сказал: «Простите, иду исповедываться». Он, не зная моего настроения, ответил просто: «Бог простит. Простите и меня». «Нет, батюшка, – говорю ему. – Я на вас особую вражду имею». «За что же?» – спрашивает он. Вероятно, ему не приходило и на ум, что он «уронил» меня с клироса. «За ваше утреннее распоряжение о клиросе». «А-а! – спокойно, ровно, ответил он. – Ну, простите меня, я человек от природы гордый».

Но дивное чудо! Мне уже не нужны были никакие его извинения, после моего прошения о прощении у меня (непостижимо!) все дурное куда-то исчезло, точно его и не было в душе. И мы служили на другой день мирно. Так разрешилось в данном случае.

В другой же раз у меня возникло худое чувство к другому монаху оттого, что враг мне представил его лицемерным ханжой. Это было неверно. Он же и не подозревал о моем настроении. Не желая смутить его, я решил лишь мысленно пред ним покаяться и дал обещание, если на исповеди духовник мне повелит попросить у него прощения в дурном подозрении, то попрошу. Духовник, опытный старец, выслушав, не благословил мне смущать его раскаянием своим. И опять мир был в душе.

Да, далеко нам до настоящей любви, которая, собственно, есть любовь ко врагам, то есть к причиняющим нам боль. А если и полюбим на момент, то скоро опять поддаемся недобрым чувствам. Да, трудно «любить», и любить не отвлеченно, а конкретно, определенных людей, близких тебе.

Между тем Евхаристический канон требует этого условия прежде всего, с самого начала.

Как тут сразу же не смириться опять? Как не возвратиться к сокрушению?

Но я намеренно пропустил еще один возглас, чтобы уже покончить с вопросом о любви.

Когда диакон (или священник, если он служит один) пригласит Церковь к «Возлюбим...», то сам обращается к Дарам и говорит слова любви к Богу: «Возлюблю Тя, Господи!..» и проч.

Я хочу рассказать о «переслойке» разных чувств. «Возлюблю Тя, Господи, Крепосте моя, Господь утверждение мое и прибежище мое».

Грешен... Виноват... Борим... Беспомощен... Осуждаем и другими, и своей совестью... Выхода нет... Улучшения не вижу... Облегчения не замечаю... Не к кому прибежать за утешением и поддержкой... Как заяц, загнанный настигающими собаками... Кругом окружен... Враги настигают... Уже слышу их ядовитое дыхание... Куда еще кинуться? Во все стороны бросался, и везде запертый круг... О бедный! Куда бежать еще?.. И вспоминаешь слова царя Давида, такие горькие, такие беспомощные:

«Ждах соскорбящаго, и не бе (не было), и утешающих, и не обретох (Пс. 68, 21). Или еще: «На пути... скрыта сеть мне. Смотрях одесную (направо посмотрел, ища какой-либо защиты) и возглядах (оглянулся кругом), и не бе знаяй мене» (Пс. 141, 4, 5).

Странно: ни одного знакомого! Точно никто его и не знал никогда раньше... Хотел бы убежать куда-нибудь, но «погибе бегство от мене» (Пс. 141, 5), то есть закрыт для меня путь бегства... Святой Давид так молился, когда Саул преследовал его; и он, скрываясь, забежал в пещеру, откуда уже не было выхода (в славянском тексте: «Внегда быти ему во вертепе молящемуся» (Пс. 141, 1)).

И что же царь в таком безвыходном положении? «Воззвах к Тебе, Господи..., Ты еси упование (надежда) мое!... Вонми молению моему, яко (потому что) смирихся зело... До края дошел! До полной безнадежности! Избави мя от гонящих мя, яко укрепишася (усилились) паче мене! Изведи из темницы душу мою! (Пс. 141, на вечерне). Ты еси прибежище мое от скорби обдержания (охватившей) мя: радости моя, избави мя от обышедших мя (Пс. 31, 7).



И сколько таких мест в псалмах о безвыходности и надежде на Бога лишь! Полна Псалтирь!

И чем больше видишь своих (внутренних) врагов, чем больше испытываешь скорбей, чем сильнее сознаешь свою беспомощность, тем все более и более начинаешь не только понимать Псалтирь, но и любить ее. И псалмы стали оживать, точно про тебя и для тебя написано... Вечная Книга для скорбного мира! Недаром ее любили подвижники, особенно остро знавшие внутреннюю ожесточенную борьбу...

Недаром в предисловии к Псалтири написано: «Вопрошен бысть великий Иоанн Златоуст от братии: «Добро ли есть оставить Псалтирь?» Он же рече: уне (лучше) есть солнцу престати от течения своего, нежели оставить Псалтирь, вельми бо есть полезно еже поучатися псалмом. ...Вся бо нам книги (хорошие то есть, да в древности русской плохих-то и не писали, оттого и было такое почитание «Писаний») на пользу суть, и печаль творят бесовом, но не якоже Псалтирь. Да не нерадим» (не будем беспечны).

Но я опять отвлекся.

Куда же бежать? Только к «Тебе, Богу Живому».

«Рече сердце мое, Господа взыщу» (Пс. 26, 8).

И я «бросаюсь» к Господу моему в скорби сокрушения моего: Возлюблю Тебя, Крепость моя! Прибежище мое! (хватаюсь за Тебя). Только Один Ты – защита моя!

Как иногда горячо срываются с уст эти слова. Есть прибежище грешнику! Есть спасение виновному! Есть где укрыться гонимому!...

Я теперь прибегаю не как любимый к Любящему и даже не как любящий к Любимому, как бы полагалось по смыслу Евхаристии, а как гонимый к Заступнику... Но, слава Ему, есть к Кому броситься! И Он вот здесь, с тобой!

И потому, когда после этого целуешь дискос, Чашу и Престол, то целуешь с благодарностью за спасение от гибели. Так освобожденные от жестокого истязания целуют освободителям не только их руки и ноги, но даже и поводья коней, на коих они сидят...

После Символ веры. Спаситель пришел. Есть спасение. Легче. Плачу с надеждой.

«Благодать Господа нашего Иисуса Христа, и любви Бога и Отца, и причастие Святого Духа...»

Слышу или сам произношу эти, чрезвычайно утешительные, слова. С нами – милость Пресвятыя Троицы. Рад. А со мною есть? Жду ответного от вас слова: «И со духом Твоим». "Ну, Слава Богу!" – думаю. Если я им сказал и слова пренебреженно превращаются в силу, в дело, то и ответ мне не пустое «пожелание», а обратное взаимодействие. И со мною Пресвятая Троица! Еще мирнее становится покаянному сердцу.

Благодарим Господа!

Говорю, но не всегда одинаково чувствую. Иной раз это скажу, а сил благодарить в себе не нахожу: слабы крылышки... И от этих слов тогда грустно, больно станет: не можешь, не можешь, как нужно.

А другой раз и иначе переживешь, даже когда и сознаешь свое недостойнство: ну, хорошо: пусть я «непотребен»... Истинно! Но зато Ты Свят! И за это буду хвалить Тебя. Даже если Ты осудил бы меня, и по правде осудил, и тогда я – виноват, а Ты – прав! Буду славить Тебя! Я заслужил кары, а Ты всегда только одного благодарения! Ты скорби нам посылаешь, но мы заслужили их, и даже в несравненно большей степени. И опять слава Тебе!

Вообще, Тебя нужно только благодарить!

Я грешник? Но Ты не только за меня пострадал тогда, на Голгофе, но прощал меня без числа... И вчера опять простил на исповеди. И в какой это раз! Вижу Твою милость. Не караешь, а прощаешь. И даже что еще? Даже радуешь меня, грешника. Мир даешь. В службу допускаешь. На вечерю пригласил; а если я и сам пришел, то вот не гонишь, не выбрасываешь. Как не благодарить? И иногда я говорю эти слова с силой великого убеждения, а иногда с тихой верой.

За все, за все «Благодарим Господа!»

И во время пения «Достойно и праведно... поклонятся...» уже бывает у меня на душе мирно; редко, очень редко, возникает что-либо сокрушенное, поклонюсь Пресвятой Троице,

большей частью с благодарением: здесь мое настроение почти совпадает с церковными молитвами. Тяжесть уступает место миру надежды. Да и устало уже сердце от непрерывного покаяния и муки. Сил мало.

А Церковь поднялась уже к самому Престолу Небесному и с ангелами поет хвалебный гимн Троице: «Свят, Свят, Свят...»

Значит, и я Ей уже предстою. Но что же в душе моей? Нужно бы Ее славить, хвалить, благодарить. А между тем мою мысль приковали другие слова – не о Ней, Пресвятой и Великолепной, а о «Единородном». И я вижу больше эти слова: «Да всяк веруяй в Него не погибнет...» – Вот что для меня дороже сейчас.

Не погибну! Только надо веровать!

И я верую! Верую. Да и как не веровать? К кому же иному тогда бежать? Ведь я уже видел, ясно видел, как Давид в вертепе: «погибе бегство» для меня. И если апостол Петр на слова Господа, сказавшего двенадцати ученикам: «Может быть, и вы (как и маловерные, соблазнившиеся учением о Теле и Крови) хотите отойти?» (см.: Ин. 6, 67), ответил: «Господи! К кому нам идти? Ты имеешь глаголы вечной жизни. И мы уверовали и познали, что Ты Христос, Сын Бога Живаго» (Ин. 6, 68–69), то и я в это время могу с апостолом сказать те же слова, ибо я знаю: в иное место некуда бежать! Да я уже и сказал это: «Ты, Господи, Крепость моя!»

И вспомнилось мне: когда я пришел к угоднику Божию – Гефсиманскому старцу отцу Исидору – спросить окончательно, идти ли мне в монашество, он, давши некий ответ, стал готовить для меня самоварчик, а сам все пел старческим голосом ирмос шестого гласа: «Христос моя сила, Бог и Господь...»

Давно я уже стал думать: не случайно он пел, а пророчески, наставительно для меня... Предвидел он, святой прозорливец (а я увидел это сразу тогда на самом себе), что мне одна будет надежда на Бога:

«Христос – моя сила!»

Так вместо того, чтобы славословить Троицу, что составляет сущность Евхаристии, мы (то есть я, а может быть, и другие?)

мы все укрываемся под защиту Искупителя нашего. Конечно, это свидетельствует о нашей еще нищете, о неспособности возвыситься до хвалы благодарной любви, к чему зовет нас Церковь, но что же иначе делать?

А раньше я уже писал, какую радостью надежды отзывается в моей душе одно слово: «веруй».

Только за веру не погибнешь! Хотя бы за одну веру! И о делах ничего не упоминается. И даже о сокрушении уже не говорится здесь, потому что все полно славой, благодарностью, хвалой, любовью!

Но вот наступает момент Искупительной Жертвы, Таинство Пресуществления Тела и Крови. «Приимите, ядите... во оставление грехов...Пийте от Чаши вси... во оставление грехов» (Мф.26:26–27).

«Во оставление...» Как утешительно слушать это покаянному сердцу! Пусть я и грешный, и все мы грешные. Пусть мы еще недостойны славословить с полной преданностью Пресвятую Троицу. Но уже нам открывается путь к этому: даются средства «во оставление грехов», которые, собственно, и мешают нам пребывать в Царстве Троицы и блаженно славить Ее. Есть надежда!

А еще более утешаешься тем, что к вечери Тайной, к Агнчому браку, допускаются не одни святые, уже спасенные, а ищущие спасения, очищения. Ибо иначе какой смысл был бы в словах, что причащение Тела и Крови бывает «во оставление грехов» и для этого именно и установлено?! Несомненно, ясно, что на брачном пиру должно быть место тем, для которых он и установлен: эта вечеря и благодарственная, но одновременно и целебная, спасающая.

И эту именно часть Евхаристии – искупительную – люди больше и воспринимают; и понятно, нам ближе наше исцеление, наши скорби, наши язвы, а следовательно, ближе еще Врач, Утешитель, Искупитель. И невольно хочется сказать и сейчас: «Слава Богу!»

Да, Слава Ему, Милосердному! Слава Пресвятой Троице! Умилостивился по любви Своей великой и дал Единородного

Сына во спасение, в искупление за наши преступления «во оставление грехов».

И это упование пересиливает покаянную трудность души, и в ней укрепляется вера и надежда в Милость Божию.

Сына Своего дал за нас! И Он пришел! И пришел, как Сам сказал, не для того, чтобы судить мир, но чтобы спасти мир.

Он – Спаситель наш! Он за нас страдал! Он даже Свое Тело и Кровь теперь предлагает нам, лишь бы мы спаслись, лишь бы получили оставление грехов.

И. это – Камень нашей веры, твердыня нашего упования – вера в Спасение Господом Иисусом Христом! Спасение – по благодати, по милости! И на сей вере я, по милости Божией, по благодати Святого Духа стою и буду стоять! Пусть что угодно говорят люди и враг, но я, прежде всего и больше всего, уповаю и буду уповать на «безмерное человеколюбие» (из молитвы за Херувимской) Спасителя моего Господа Иисуса Христа!

Другие твердят о необходимости «добрых дел», о «собственных» подвигах, о «самосовершенствовании», но я больше, несравненно больше, уповаю на «Его милосердие, Его помощь, Его благодать..».

Иные пугают мою душу муками, наказаниями, карающим Правосудием, постоянным и будто бы совершенно неустрашимым возмездием, и притом не только в будущей жизни, но еще и в этой. Я же несравненно более надеюсь «на прощение, на помилование, на милость».

Иные пугают неустрашимостью зла, неотвратимостью вражьих одолений, безысходностью в борьбе света со тьмою, а я отвращаюсь от этого всею душою, отталкиваюсь и хватаюсь за руку моего Спасителя и с надеждой держусь лишь Его: «Ты можешь спасти от всех врагов и спасешь! Ты все злое можешь сокрушить. Я молюсь Тебе! Я верю в Тебя! Ты – моя надежда! Ты для этого и пришел, чтобы спасти. Ты этого только и желаешь!»

«Тебе не радость, – говорит святой Ефрем Сирин, – посылать нас в вечные муки!»

Тебе имя – Любовь! Ты наш Искупитель!

Да, может быть, Ты и скорби пошлешь, крест дашь, но и это сделаешь по той же Любви к нам, к нашему спасению. И Сам поможешь понести же его! И потому с успокоением полагаюсь даже на Твою волю милостивую.

Потому не только ни к кому не пойду от Тебя, но всею силою веры, любви и упования прильну к Тебе, Спаситель мой, и Бог Испытатель!

И я свою веру в Спасителя уже много раз исповедовал; и паки реку о ней: «она – жизнь души моей!»

Пусть не отрывает меня никто от нее! Она – одна – единственная моя надежда! Мой мир!

Как же мне не славить Его, Спасителя, и пославшего Его Отца? Слава Святой Троице!

Нет мне надежды на себя, на человека, и только одна надежда на Тебя. «Моего», кроме грехов, ничего нет. Все доброе – от Тебя, и за Твое же благоволение, через Твою же спасительную для меня жизнь, и в особенности за Искупительную Жертву, с последующими за ней Воскресением, Вознесением и ходатайством за нас одесную Отца; и даже на Страшном Суде Ты будешь определять судьбу нашу. Все – Ты! И эту Жертву поэтому приносим мы Тебе же... Но и она – не наша, ибо все Твое: не только не наше – воплощение Твое, искупление и умилоствление, но даже и эти «вместообразные» (заменяющие) хлеб и вино – Твое же произведение. Наше же разве произволение, вера, молитва, да вот действие, принесение, а Дары – Твои.

Поэтому Церковь и вспоминает сначала «вся яже о нас бывшая: Крест, ...Гроб, тридневное Воскресение, на Небеса восхождение, одесную седение, Второе и славное паки пришествие» Господа, то есть все, Им совершенное, а не нами. Затем в кратких словах она выражает эту мысль и показывает действием: берет священник (или диакон, если он есть) Святые Дары на крестообразно переложённые руки, поднимает их (возносит) и говорит: «Твоя от Твоих Тебе приносяще о всех и за вся.» То есть приносим Тебе Твои же Дары (Жертву), взятые из Твоих же творений (разумеется хлеб и вино, а равно и самое

воплощение Сына Божия), за все, что мы получили от Тебя, для всех людей.

Эти слова – «Твоя от Твоих» сильнее всего говорят нам, что нашего нет ничего, а все Божие, потому и надежда наша – на Него.

Это так отвечает всему смыслу Искупления, совершенному и совершаемому собственно не нами, а Спасителем, что еще более обретаешь мир душе немощной: ведь и в самом деле чего и взять-то от нее? И все возлагаешь на Господа. И люди, сознавая это, а вместе зная, что наступил сейчас важнейший момент Пресуществления Святых Даров, принесения Искупительной Жертвы, становятся на колена, что обычно делают в самые важные моменты; хотя этого, по Чиновнику, на востоке не полагается, – но вполне можно одобрить этот новый обычай, ибо он не только свидетельствует о благоговении к величайшему Таинству, ибо он – не только поклонение Троице, сейчас в Пресуществлении действующей (Отец посылает, Дух Святой нисходит, Сын закаляется), но и сознание своей виновности, вызвавшей эту Жертву Единородного, и своей бессильности, и надежды лишь на Искупителя, а в конце всего, хотя бы это лучше чувствовать в начале, благодарение за все содевающему Спасителю.

А в Служебнике вместо этого стояния на коленах, о диаконе, держащем Святые Дары, говорится: «поклонится умиление», про народ (лик) сказано: «творит поклон». Обычно же поклон этот (земной, если не от Пасхи – до Пятидесятницы, а по канонам не полагается собственно и в воскресение, но обычно это правило не соблюдается: всегда кладут земной поклон), – кладется после пения «Тебе поем...», когда уже совершится Пресуществление и явится в Дарах Сам Искупитель.

И наша надежда вся возлагается на Него.

Потому и я приступаю к Пресуществлению Даров хотя и в покаянии, но более с надеждой веры, упования на Бога, с миром.

И хотя затем трижды говорю: «Боже, очисти мя, грешного», ибо великое предстоит Таинство, но все же с дерзновением

поднимаю руки о ниспослании Святого Духа на Святые Дары: «Господи, Иже Пресвятаго Твоего Духа в третий час апостолом Твоим низпославый, Того, Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся».

В молитве за Херувимской уже видели, что вседействует Сам Христос «Приносяй и Приносимый», но именно – Духом Святым, потому о ниспослании Его и вставляем здесь эту молитву. Ее нет у католиков, но у православных она сохранилась. И очень хорошо. Прежде, хотя и произносились вслух слова о Теле и Крови, но лишь как воспоминание об установлении этого Таинства – Самим Спасителем, и о цели его – оставлении грехов. А сейчас наступает и самое Пресуществление.

Мы, священнослужители, знаем, что не нашей силою – ибо что такое тварь? – совершается дивное чудо чудес, и даже не ради «правд» наших хлеб и вино прелагаются в Тело и Кровь, да и самое наше присутствие здесь, около Жертвы, объясняется лишь милостию и благодатию хиротонии, и потому не на себя надеемся, а на Духа Святого: Его и просим Отца даровать нам.

Так и пишет святой Василий Великий в молитве пред призыванием («епиклезисом»): «Сего ради (то есть ради Твоего повеления: «сие творите в Мое воспоминание»)... и мы грешнии и недостойнии рабы Твои, сподобльшиися служите Святому Твоему Жертвеннику, не ради правд наших, не бо (ибо не) сотворихом что благо на земли (вот и Великий Василий считает себя грешным, и о себе он говорит, что ничего доброго на земле, а тем более равного Таинству, он не сделал), но ради милости Твоя и щедрот Твоих, яже (которые) изливал еси богато (обильно, щедро) на ны, дерзающе (как это совпадает и с моими переживаниями!) приближаемся Святому Твоему Жертвеннику» и молимся «Святе Святых», мы, грешные, молимся Тебе, Святейшему Святых, «благоволением Твоея благости (а не ради нас) приити Духу Твоему Святому на ны и на подлежащая Дары сия, и благословити я, и освятити и показати»... Чем «показати»?



Далее молитва прерывается, и мы читаем призывание Святого духа трижды: «Господи, иже Пресвятаго Твоего Духа»...

Еще раз взглянемся в сказанную выше молитву: тут и сознание своей греховности, и признание отсутствия добра в себе; и все-таки человек «дерзает» приступать, ибо знает «богатную» милость Божию, и то, что все совершает Сам Бог силою Духа Святого, а не нашего, и потому мы и ходатайствуем о ниспослании Его. Я радуюсь, как это совпадает с моими настроениями, рад даже и тому, что не только я, ничтожный, но даже сам Великий Василий покаянно говорит о себе и сослужителях: «И мы грешнии и недостойнии», – не сотворившие «что (либо) благо на земли».

Следовательно, благодарственная Евхаристия у него сочеталась с покаянием.

И когда я затем молюсь о Святом Духе, то мыслю сначала так о себе: «Пошли и мне, Отче, Его! Пошли так же реально, как «в третий час», в день Пятидесятницы, в виде огня послал Его в Сионскую горницу ученикам. Если послал тогда, послал явно, действительно, то можешь послать и сейчас на меня, и на других, хотя и не явственно, но несомненно. Пошли и для того, чтобы очистить сердце мое «грешное и недостойное». Что стоит Тебе сделать это? Ты – всемогущий! Прикоснись лишь огнем Духа к соломе моих немощей, и они мгновенно истлеют! Пример этого у меня есть в прошлом: все тот же приснославный царь Давид, про которого и в Писании сказано, что он был муж «по сердцу Твоему», и он после двойного греха просит с дерзновением и надеждой: «Сердце чисто созижди во мне, Боже, и дух прав обнови во утробе моей!» (Пс. 50, 12).

Не сказал: дай новый дух, а лишь «обнови» прежний, он потускнел от греха, ослабел, но не ушел совсем; и Ты лишь обнови его, прояви сильнее и явнее. А вот сердце мое, которое из доброго превратилось в дурное, Ты «созижди», то есть сотвори, вновь создай чистым.

И опять руки горе, читаешь во второй раз ту же молитву о Святом Духе, а затем снова слова царя: «Не отвержи мене от лица Твоего и Духа Твоего Святаго не отыми от мене..». (Пс. 50, 13).

Слышим: опять сказано, лишь «не отвержи», то есть «не отыми»; значит, Дух Святой, хотя и слабее, но еще пребывал с согрешившим Давидом.

И мы в третий раз молимся: «Господи, Отче, Твоего Духа... Благий, не отыми от нас, но обнови нас молящих Ти ся».

Какое совмещение и покаяния, и дерзновения, и сознания своих грехов, и надежды с молитвою на милость!

И еще думаешь: если мы просим о ниспослании Святого Духа, «прийти на ны», то это воистину и бывает! Следовательно, и я сейчас сподоблюсь Пятидесятницы. А она была, следовательно, и сейчас со мною будет! Дух Святой найдет и на меня, недостойного. И как это ни чрезвычайно, как это ни сверхъестественно (ведь вот сию минуту произойдет это воистину!), но, хранимые милостью Божиею, «дерзающе» мы молимся и ждем этого...

Странно: прежде покаяние (за Херувимской) теснило меня, а сейчас, пред самым великим моментом, я уже не испытываю давящего страха. Отчего это?

Думаю, что именно «ради милости и щедрот», изливаемых на нас «богато» Богом!

Здесь совершается сейчас Искупительная Жертва, а за нее и возвращается «благоволение» Божией «благодати»... Впервые оно возвратилось на Голгофе, а теперь повторяется всякий раз, когда мы сие «творим» в Его, Христово, воспоминание. И ради Жертвы Сына Отец обращается к нашей душе не с грозным лицом правосудия, а с милосердным ликом примирения, знаком коего является ниспослание Святого Духа. Или, как говорит Царь Давид: «...не отвержи мене от лица Твоего», то есть не гони от Себя, или как еще говорит: «Не отврати лица Твоего от мене» – не отворачивайся от меня (Пс. 142, 7).

Вот, почему, думаю, душа в это время мирна, хотя и покаянна: Божья милость, благодать Святого Духа умиряет и утешает ее.

А субъективно (то есть от нас) это объясняется упованием нашим на Искупительную Жертву, именно «во оставление грехов» приносимую.

И наконец ясно сознаешь, что сейчас все творится не мною, а Самим Духом Святым, на Него и полагаешься с твердою верою, а себя точно в тень отводишь: ведь ты лишь простое орудие. И каков бы ты ни был, Тайна Пресуществления ради Голгофской Жертвы и силой Святого Духа совершится!

Вспоминаю слова святителя Григория Богослова о крещении, что кто бы ни совершал его из священнослужителей, тайна благодатная осуществляется: «Подобно тому, – говорит он, – как если бы получить печать на мягкий воск, то из какого бы материала ни была сделана эта печать – из железа, серебра или золота, все равно изображение царское отпечатлется на воске. Так и в Таинствах благодать Святого Духа действует сама, независимо от достоинства или недостойнства совершающих их посредников, священнослужителей» .

Итак, покаяние в данной части литургии, то есть в благодарственно-хвалебной, хотя и налицо, но оно не господствует, а, наоборот, занимает подчиненное место; на первом же месте стоит надежда, умирение и даже благодарение за Исккупителя. Так и должно быть, ибо Евхаристический момент есть момент благодарственный, хвалебный, ибо сейчас совершается брак Агнца с Церковью, приносится примирительная Жертва. И этот основной тон пересиливает все прочее...

Приведу простое сравнение. Допустим, человек с невеселыми мыслями пришел на брак земной. Все веселы. А ему от этого чужого веселья сначала становится еще тошнее.

Но мало-помалу общее настроение радости охватывает и его; и когда наступает самый восторг, он, почти забывая свои чувства, бывает увлекаем общим торжеством: ему тоже и петь уже хочется, и принять участие в радостных движениях, и славить жениха и обнимать всех присутствующих.

А если и вспоминается свое невеселое настроение, то оно теперь в общей радости...

После этого совершается Пресуществление Святых Даров Духом Святым чрез благословение их рукою священнослужащего и чрез призывание имени Божия: «И

сотвори убо хлеб сей Честное Тело»... «А еже в Чаши сей Честную Кровь Христа Твоего».

А у святителя Василия Великого в продолжение прерванной молитвы прямо говорится лишь: «Хлеб убо...Тело», «Чашу же сию... кровь», то есть «освяти-ти и показати».

Все это творишь уже покойно, ровно, мирно, с верою, благоговейно, смиренно, кротко и дерзновенно.

Мне приходилось видеть и слышать, как иные священнослужители произносят эти тайносовершительные слова и даже кладут крест с необычайным напряжением, экспрессией, выразительностью, силою.

Но я считаю это совершенно неуместным...

Ведь нужно помнить, что все совершает Дух Святый, а не мы! К чему же здесь наше, человеческое, напряжение? Что оно прибавит? Ничего... Даже наоборот: оно мешало бы Духу Божию как самостоятельное вмешательство твари в Творческое («сотвори») дело Бога!

И мне даже страшно бывает, когда другие усиливаются и громким голосом, и твердым движением руки, и напряжением воли «помочь». Бог с ними! Я почитаю более правильным смиренно-благоговейно быть простым орудием Вседействующаго Духа. И это мудрее и даже легче. И даже богоугоднее.

Другое дело, когда это творил великий отец Иоанн Кронштадтский, этот пламенный пророк веры. Но можно ли дерзать нам сравняться с ним?! Да еще и после того, когда мы до сих пор все время сознавали себя, с самого начала «литургии верных», «грешными», «непотребными», «недостойными», «ничего доброго не сотворившими» и предстоящими-то лишь по «милости», а теперь «дерзаем» показать – хотя бы свою «веру». Как может мириться с бывшим сокрушением такая экспрессия?! Слава Богу и за то, что «дерзнули» приступить к Жертвеннику. А если «дерзнули», то можно ли быть столь смелыми?! Не превратится ли благоговейное дерзновение в греховную дерзость? Нет! Боже, сохрани меня от этого! Лучше в тишине веры и благоговейного устранения себя, своей личности, совершать великое таинство.

Лучше спрятать себя в смиренное упование на благодать Святого Духа! Даже и сие выше меры моей! И за сие Слава Пресвятой Троице!

Так совершилась великая Искупительная Жертва. Что же после?

Но не будем торопиться. Задумаемся: что же произошло? Мы все доселе сосредотачивались на своих чувствах, и притом больше покаянного свойства, и это понятно: мы готовились к Таинственной вечери, к Царскому брачному пиру, к общению в Царстве Пресвятой Троицы...

Но вот теперь уготован и Самый «Телец упитанный» (отпоенный, откормленный, лучший) (Лк. 15, 23). Мы уже в Божественной трапезной, пред самым брачным столом. Все уготовано для участия нашего в брачной трапезе.

Вот таков смысл этого момента в связи с основной идеей Евхаристии – благодарственной Жертвы за совершаемый брак Агнчий... Об этом и ранее говорилось отчасти, но там оттенялась другая сторона по преимуществу: воззрение на Жертву, как на путь к брачному Пиру в Царстве Троицы, как на причину к благодарению Ее. Здесь же мы видим и третью причину, и третий смысл, собственно, самый главный: совершилось приготовление Агнца участникам брака.

Значит, идея Агнчего брака здесь поднимается до вершины своей. Потому-то должно считать этот момент центральным в вечери, как и считаем... И тогда Искупительная Жертва окажется уже не «проходящим» моментом, а высшей точкой вечери любви Бога, пожертвовавшего нам Своего Сына, и через Него вводящего нас в милость блаженного общения с Собою.

Одно другому не противоречит: если смотреть на Жертву как на Искупление, введшее людей в Царство Троицы, во хвалу Ей, тогда этот момент, «проходящий», есть лишь повод, путь. Если же смотреть с точки зрения участия в Троичном Царстве, в блаженном общении с Нею через причастие Жертвы,

Троицею же уготованной, тогда здесь вершина Евхаристического брака.

И нужно принимать обе эти точки зрения, но главное место принадлежит хвалебному браку.

С этого, собственно, момента вечера, или брак, так сказать, «открылся». «Приимите, ядите... Пиите...вси...».

Нужно приступать в радости, благодарении, благоговении, со страхом, надеждой.

И этот момент делается в таком случае одним из самых отрадных, и потому благодарение Богу здесь может и должно достигать наибольшего напряжения; любовь наша тут может воспламениться особенно горячо: «Сам Бог с нами!.. Вот здесь! И предлагает Себя в общение сейчас!»

И я видел, как батюшка отец Иоанн Кронштадтский в этот момент после Пресуществления не только был в подъеме веры, но и загорался восторгом любви. Он устремлял свои взоры на Тело и Кровь Христовы, зря пред собою Самого Христа Живаго; потом многократно наклонялся к Ним, особенно к Святой Чаше, и пламенно целовал ее или прикладывался к ней головою, или даже брал ее снова в руки и прижимал ко лбу своему, устам и персям. Так ярко, пламенно выражалась его любовь! И конечно, соразмерно этому было у него и благодарение, славословие, хваление: он точно преображался весь, приходил в экстаз, даже лицо его розовело, несмотря на 75-летний возраст; голос становился еще громче, и возгласы произносились с еще большим, чем прежде, подъемом и силою.

Кто же, однако, на пиру? Конечно, сначала всякий подумает о себе самом: «Где мое место? Допущен ли я к самой трапезе или лишь приглашен как зритель? Званный ли я или избранный? О, если бы и мне было уготовано место, дабы и я мог напиться и насладиться и во спасение души, в здравие телу, в общение с Агнцем Брачным, а чрез него и с Троицею Святою, а вместе с тем и со своими единокровными братьями! Сподоблен ли я?»

Эта мысль возникает в душе еще раньше, хотя и не всегда... Именно, когда я слышу или говорю: «Пиите от» Чаши «вси», то это отратно. Но когда сознание остановится на дальнейших словах: «Сия есть Кровь Моя Нового Завета, яже за вы и за многия изливаемая», то как молния мелькнет вопрос: «А за тебя?»

Ведь если сказано за «многия», то не за всех... Приступать-то верные могут все, но не будет ли в суд? Ведь недаром же сказано это слово «многие»! Если и за тебя излита, будешь спасен, а если нет?

И сколько нас стоит в Церкви? Может быть, и из нас есть такие, за коих Кровь не излита? Значит, они не спасутся?

А что, если и я в числе их? О Боже! Да будет милость Твоя и на мне! Излей и за меня каплю Крови Твоей!

Но от чего же зависит это? Он Сам «всем хочет спастись и в разум истины прийти». Однако Он же сказал эти устрашающие слова: «За многия», а не за всех...».

Не все, следовательно, спасутся. О Боже! «Не я ли?» – невольно спрашиваешь с участниками на вечери. Не окажусь ли и я предателем Твоим? Да не будет!

Нет, нет, что угодно, что бы ни было, но только я не предатель! «Ни лобзания Ти дам, яко Иуда»... Пусть я – разбойник, и тогда «яко разбойник исповедую Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем».

Исход нахожу, по крайней мере, с верою, искренно, со смиренным покаянием, исповедую Его и надеюсь на спасение: «Помяни и меня, Господи!»

И как только совершится Пресуществление, как только откроется трапеза Тайной Брачной вечери, диакон просит у священника, а когда служит архиерей, то просят у него все священнослужители: «Помяни нас, Владыка святой!», то есть перед Богом, как участников брака. И он поминает их обычно.

А о себе? Об этом яснее ответ в литургии св. Василия Великого: архиерей (или священник) молится: «Нас же всех, от Единого Хлеба и Чаши Причащающихся, соедини друг ко другу», и «да обрящем милость и благодать со всеми святыми, от века Тебе (уже) благоугодившими». Так архиерей, помянувши сначала их, после присоединяет смиренно себя к ним и молится уже о всех: всем воедино оказаться «со всеми святыми», что значит быть в Царствии Божиим.

У Златоуста не разъясняется подробнее, чего именно просит здесь священнослужитель себе и другим причащающимся: трезвения души, приобщения Духа Святого,

полноты Царства Небесного, дерзновения к Богу, а не суда или осуждения. Просим себе и всем нам быть сподобленными благовечия, а не быть осужденными и с вечери удаленными.

Это то же, что сказать бы кратко «разбойничьи» слова: «Помяни и меня, Господи, во Царствии Твоем!»

Как видим теперь, не заметили даже, как легко от себя одного перешли на мольбу о всех. Так и должно быть с хорошим гостем на пиру: он не один хочет пировать, а вместе с другими, лишь бы среди них и ему отведено место было.

Да ведь это еще и лучше, бесконечно лучше! Ведь только посмотреть кругом: кто же званые? С кем ты допущен к трапезе? «Со всеми святыми», Богу «благоугодившими».

И вот оглядывается приглашенный и видит, что уже за Жертвенной трапезой сидят эти раньше «благоугодившие». Оказывается, званый пир уже значительно наполнен... Вот праотцы: Адам, Ева, Авель, Сиф, Енох, Ной и другие... Далее патриархи: Авраам, Исаак, Иаков... За ними восседают пророки – Моисей, Давид, Исаия, Илия и иные. А вот и великие апостолы: Петр, Иоанн, Павел и прочие. За этим ликом другие бесчисленные распространители веры христианской. Среди них и жены благовестницы: Мария Магдалина с мироносицами, Елена, Нина, Ольга. С ними же и евангелисты: Матфей, Лука, Марк, Иоанн. И далее бесчисленный сонм мучеников, во главе их – архидиакон Стефан первомученик, Георгий, Димитрий, Феодор и прочие, им же несть числа; среди них и мученицы – Фекла первомученица, Варвара, Екатерина и множество иных. Рядом – не замученные, но потерпевшие за исповедничество, их много, много, счета нет: Харитон, Максим Исповедник, защитники икон – множество. Здесь же и святители Божии, светильники мира и проповедники веры: Василий, Григорий, Иоанн, Николай, Спиридон, Афанасий, Кирилл. Цари – Константин, Владимир... А вот и постники-монахи («воздержники», аскеты) Антоний, Пахомий, Феодосий, Савва Палестинские, Петр и Афанасий Афонские, великий Дамаскин с Космой; наши русские: Антоний, Феодосий, Сергей, Серафим и много жен святых: Пелагия, Евдокия, славная Мария Египетская, и русские: Евфросиния, Иулиания и прочие.



О, какой Собор! Какая светлость! Какая красота! Какое торжество!

Но остановись, душа! Что я вижу? Что это за блистание непереносимое?! Кто Сия во главе всех?! Кто Сия Жена в славе – чрезвычайной, несравнимой, исключительной? Кто восседает за трапезою Жениха, на вечери Агнца Первою, выше всех? Кто Она – «изрядная», из всех Особая, Единая, Единственная, все превосходящая?

Это Сама «Пресвятая Пречистая Преподобная Славная Владычица наша Богородица и Приснодева!» Матерь Божия! Мать нашего Искупителя! Сама Ходатаица! Боже Предивный! И Она с нами. И Она среди нас!

И душа, восторгаясь, забыв и себя и других, начинает величать Ее из всех Одну: «Достойно есть яко воистину блажити Тя Богородицу!»

Но кто сей великий рядом с Нею? Это величайший между рожденными от жен – Предтеча Христов, друг Жениха, – Иоанн... А вблизи его – какие-то малоизвестные. Но почему же они поставлены столь высоко? Это – именинники нынешнего дня, святые, воспоминаемые раз в году с особою похвалою от Бога: им на нынешний день и особая милость, и особая слава и чрезвычайные дары благодатные.

Боже! Какое собрание за Царственным столом! Вот куда допущен теперь ты, человек!

О, как тут не прийти в восторг! Как не забыть все и всех! С кем мы? С Небесною, уже спасенною Церковью! Но спасенною тою же Жертвою Агнца, за тою же трапезой Его!

И можно и нужно и торжествовать, и славить!

Но всегда ли славить ты, душа моя? Всегда ли мы в радости присутствуем? Мы оглянулись на «Святой Собор»... Еще не сели... Хотим сесть... И только тут мысль вдруг воротилась к себе самому: «В брачной ли ты одежде здесь?» Но обычно я бросаюсь тогда пред Престол Божий к Агнцу и говорю Ему: «Приими и меня! Помяни и меня! Вспомни и укажи мне, где заготовлено и мне место! Не изгони! Не осуди! Удостой и меня трапезы Твоей!»

И даже не дожидаясь ответа, как бы уже принятый, я начинаю просить у Жениха милостей...

Милости себе, милости усопшим, милости живым, милости близким, милости скорбящим и всем, всем милости.

Ведь подумать лишь: какое счастье – я попал к Самому Царскому Сыну... Когда-то еще буду пред Ним? А ныне Он особенно щедр: Он устроил пир. Поэтому буду торопиться просить! О, как много есть о чем просить Его милости!

Нужно бы благодарить Его, хвалить! Но я, такой бедный и нищий, а Он такой Богатый и Славный, и Щедрый; что Ему мои хвалы? Он в них не нуждается даже! Он такой Добрый, Человеколюбивый! Ведь не для Себя Он устроил этот пир, а для нас – по любви к нам. Даже Свое Тело и Кровь дает нам в трапезу! О бесконечная любовь! Он не огорчится, что я не хвалю Его, а и еще прошу. Буду же просить! И за себя, и за других: Он рад милости давать!

И обычно тут нужно просить о самом важном, что дорого душе нашей: о спасении, о прощении, о помиловании, о мире душе, о благодатной радости, об избавлении от скорбей, бед, а далее и об устройении дел наших. У всякого свои заботы, боли, муки, нужды. Молись тут, человек, особенно усердно.

Забудь и о своем недостоинстве: раз допущен, то и молись, проси! Жених любвеобилен! Агнец предложен!

И вспоминаешь Пасхальное Слово святителя Иоанна Златоуста: «Аще кто благочестив и боголюбив, да насладится сего добраго и светлаго торжества!...» «Любочестив» (любит, хочет оказать честь, милость), любвеобилен «Владыка, приемлет последняго, якоже и перваго... Внидите вси в радость Господа своего... Вси восприимите богатство благодати! Никтоже да рыдает (не жалуется) убожества (своего): явился бо общее Царство! Никтоже да плачет прегрешений: прощение бо от гроба» Агнца «возсия»! «Трапеза исполнена (обильна): насладитесь вси! Телец упитанный; никто же да изыдет алчай: вси насладитися пира веры!»

И прошу! И надеюсь! И молюсь! И сладко плачу!

Говорю о своих язвах – и прошу исцеления. Открываю скорби – и прошу благодати утешения. Пересчитываю нужды – и

прошу удовлетворения. Прошу со слезами и надеждой.

А сколько их, просьб: множество, множество... И как печально, что у нас так скоро все идет за литургией! Не успеешь и оглянуться, уже пропели «Тебе поем», а ты и десятой доли не изложил своих жалоб и просьб Жениху Брака. И потому, когда я служу или совершаю один, или с одним певцом, и ничто меня не побуждает торопиться, я прошу певца затягивать «Тебе поем» и молюсь, молюсь, прошу. И Бог дает почти всегда слезы. Да и как им не быть? Но эти слезы – плод усиленной молитвы и сознания множества горьких нужд о себе и о других: и живых, и умерших... О, сколько есть такого, о чем лишь тут только и попросишь... И я лишь начал просить сейчас: но еще больше буду просить, когда вспомню Владычицу, Крестителя и именников святых: они особо ныне щедры...

А у святого Василия Великого это просьбы столь многочисленные, что задостойник («О Тебе радуется, Благодатная») поется весьма медленно! О чем лишь там ни просим мы!

Сейчас же я произношу «изрядную» хвалу Владычице. И с этим благословенным именем в мою душу врывается новый поток чувств и мыслей: «О, Мать-Заступница! Пусть я и недостойн! Но Ты – моя Поручница! Ты, знаю, не отворишь лица Своего... Знаю, знаю это... Подкрепи меня! Поддержи меня в моих просьбах к Жениху пира, Твоему Сыну, Богу нашему! Возьми меня за руку, подведи к Нему ближе и вместе со мною, а еще бы лучше, Сама за меня проси Его; ведь для Тебя Он все сделает!»

И это святое имя Матери Милосердной вливается отрадной надеждою в сердце! И много, много легче делается на душе! О! Сладко произносить и мне Ее имя (иногда я даже не могу спокойно выговорить эти Ее сладкие наименования: «Пресвятая, Пречистая, Преблагословенная, Славная»!).

Так измученный сын, увидев родную мать, бросается к ней... И даже одни слова «мама», «мать моя», «родимая» без всяких просьб зажигают всю душу, наполняют ее сладко-жгучей любовью. И слезы, облегчающие слезы, катятся из скорбных глаз на грудь родимой... И к кому я еще прибегну после

Спасителя, как не к Тебе, Мать и моя! Ведь Ты чрез Сына Твоего сделалась и нам всем Матерью! И Тело и Кровь, которые Он сейчас предлагает, от Тебя Им взяты! Значит, и нас Ты же питаешь в Нем! Потому прибегаю с надеждой, уже несомненной!

И дивно, к Ней-то уж всегда прибегаешь без страха! Даже Архангела Михаила я боялся. Даже Крестителя сурового призывать страшусь иногда. Даже многих великих святых стесняюсь молить, опускаю пред ними, как виноватый, голову: разве они так жили, как я? Разве они так учили, как я делаю?

Но вот к Самой Пречистой из Чистых, Самой Святой из Святых, к «Честнейшей Херувимов и Славнейшей Серафимов», приступаешь всегда, всегда с надеждой и без страха! Если уж иногда к Самому Всеблагому Искупителю прийти страшно, и тогда бежишь к Ней, как неотказной Матери, колени Которой всегда открыты для приюта детям Ее!

Потому и сладко слышать даже имя Ее!

И как это и премудро, и умирительно, и утешительно, что сразу после Жертвы Христа все мы слышим это отрадное имя Владычицы! Зовите же Ее тут на помощь и вместе с Ней идите, идите со своими скорбями, нуждами, слезами к Сыну Ее и Богу, Жениху Тайной вечера.

«Никтоже притекая к Тебе, – поет Церковь, – посрамлен от Тебе исходит, Пресвятая Дево. Но просит благодати и приемлет к полезному прошению».

Перечислив все наши нужды – вот только уж после этого – мы вспоминаем о благодарности... Это замечательно! И совершенно естественно, именно для нас, немощных и скорбных людей; а святые – иначе; мы же все со своими скорбями и со своими близкими.

Но когда уж все это изложим, выплачемся, вымолимся, тогда мы вспомним и о любви Божией, и о Жертве Отчей, и о спасении, и о браке и только тут поймем, что нужно бы благодарить и славить Виновника нашего спасения: всю Пресвятую Троицу. И потому священник после всех прошений о милостях просит разрешения поблагодарить Царственную Троицу, прославить Ее Имя: «И даждь нам», Владыко Господи,

«единеми усты и едином сердцем славить и воспевать пречестное и великолепое имя Твое, Отца и Сына и Святого Духа», и теперь и всегда, и во веки веков!

Но и на этом опять не успокаивается тайносовершитель: он вспоминает и о пастве своей еще раз. Доселе он молился тайно о всех (во время пения «Достойно» или задостойника), а потом вслух возблагодарил Троицу. И таким образом для мирян порядок получился более совершенный: за Жертву, за принятие на брак. Представитель ваш сначала славит Бога в Троице, а уж после этого желает и вам милости, а она даруется лишь чрез Господа Иисуса Христа:

«И да будут милости великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами!»

Как бы так (приспосаблиясь к понятию о званом пире): вы, гости, приглашены; это по ходатайству Сына Божия. И теперь от лица Его священник говорит: «Жених рад гостям! Его любовь с вами!» Или иначе еще: «Милости просим! Пожалуйте!»

С такою любовью Сына можно бы уже приступить теперь к Брачной трапезе. Все готово? Можно садиться?

Но мне на пути встречается одно мешающее препятствие из слов святого Василия Великого, которое почти все время неотвязно, точно жалобная нота в оркестре, звенит в моей душе.

Помянул он всех, большинство тайно, а священнослужителей («В первых помяни»...) и явно, а потом молится о себе неожиданно сокрушенно и даже с трепещущей опасностью: «Помяни, Господи, по множеству щедрот Твоих и мое недостойнство...» Это все и понятно, и уместно, и хорошо. Но вот далее такое место, какого не было даже и за Херувимской. Тяжкое место: «Прости ми всякое согрешение вольное и невольное». И далее: «И да не моих ради грехов возбраниши благодати Святого Твоего Духа от подлежащих Даров».

И наконец говорит обо всех священнослужителях: «И ни единого же нас посрамиши».

Но последнее по своей общей мысли еще допустимо и понятно как выражение сознания недостойнства, что у святого

Иоанна Златоуста выражено в иной форме: «Не в суд и не во осуждение». Впрочем, и это высказано в резкой, усиленной форме: «посрамиши», со срамом отвергнешь. Доселе такого уничиженного слова мы еще не слышали, и все же это приемлемо, если припомнить притчу о пире, с коего удален был, и тоже со срамом, уже седший за стол, но не имевший брачной одежды. Следовательно, это собственно относится более к будущему моменту – Причащению, если кто приступает недостойно.

Но более страшно и недоуменно уничиженное сознание архиерея о самом себе, и именно со стороны последствий недостойнства и грехов его: «не возбраниши благодати... от Даров». Как это понять? Возможно двоякое толкование: или грехи епископа возбраняют благодати сойти на Святые Дары? Тогда, значит, Таинство не совершилось? Но это недопустимо, потому что об этом подобало бы молиться раньше, и подобная молитва была («не ради правд наших, не бо что сотворихом благо»), но она нашла выход в благодати хиротонии, во Святом Духе.

Затем это неприемлемо и с точки зрения действенности Таинства, независимо от достоинства священнослужителей. Наконец, и самая словесная форма говорит не о схождении благодати на Дары, а от Даров. Следовательно, «предлежащие Дары» уже являются таковыми – на них уже почивает благодать Святого Духа, и только нужно опасаться того, чтобы грехи наши не мешали ей действовать (как теплу от солнца) на нас. Итак, Таинство совершено.

Так разъяснилась, к утешению нашему, главная опасность; а иногда пугало и это. И бывали случаи у самого святителя Василия, когда Святой Дух, обычно явно зримый им в виде голубя, однажды не сходил при «призывании» Его, причиной чему была плотская нечистота одного из диаконов. Когда тот прозорливым святителем был отстранен от Престола, то Дух сошел, и Пресуществление совершилось. Но такие случаи были лишь исключениями; обычно же, по основному верованию Церкви, Таинство всегда совершается.

В таком случае, что же «возбраняется»? Ясно теперь: возбраняется действие благодати от Святых Даров на людей. Какой благодати? Всевозможной милости, о которой только что просили для всех. Благодать и милость – эти слова часто заменяют друг друга в Писании и Богослужении. А кроме того, молится архиерей, чтобы в последующем Причащении наши грехи не были препятствием действию благодати на нас.

Теперь ясно содержание молитвы (о чем).

Но о ком же мыслит архиерей в этот раз? Не о сослужителях, ибо о них говорится далее («да не посрамиши» «весь священнический чин»), а именно о самом себе прежде всего: да не лишен он сам будет милостей Божиих. Но не только это. И больше: ради его грехов и ради посрамленных священнослужителей милостей может лишаться и Церковь, и паства, и люди. Что это именно так, ясно следует из слов: «не возбраниши», «не посрамиши». Но что же?

«Посети нас благостию Твоею, Господи, явися нам богатыми Твоими щедротами».

И далее перечисляется целый ряд «посещений» и щедрот: благорастворение воздушных, дожди мирные, мир Церкви, ограждение от нападений ересей и язычества. Затем принятие нас в Царство Божие, дарование каждому мира и любви Божиих и вообще «всего» доброго.

Вот какие милости! И они-то могут встретить препятствие со стороны грехов архиерея и недостойности «священнического чина»...

Как страшно! Как велико и важно состояние предстоятелей! За наше непотребство все люди могут лишаться милостей от Бога.

...И теперь более понятной станет связь: вот архиерей молился Жениху, предстоящему нам в виде «Предлежащих Даров», все нужды перечислил... И теперь нужно бы ожидать исполнения просьб... Но вдруг пронизала его душу мысль: «А что, если за мое недостойство откажет Господь в просьбах?! Ведь и в мире ходатай должен быть угоден царю, а иначе он повредит и своим просителям, если чем-либо не понравится ему».

И смущенный этой мыслью, святитель спешит смириться и оговориться: «Если уж я плох, то не накажи других за меня – не лиши их Своей благодати, Своей милости, о коей я просил Тебя, Господи!»

Но такое смиренное моление не только пролагает путь к благодати других, но низводит помилование и на самого сокрушающегося...

Поэтому тот же архиерей не усомнится высказать пожелание «благодати» для всех: «И да будут милости Великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа со всеми вами». А о себе скажет лишь: «И даждь нам» (следовательно, и ему) «славити Пречестное ...Имя» Троицы... О милости умалчивает.

Но если он просит большего – прославления Отца и Сына и Святаго Духа, то без сомнения даруется ему и меньшее: все прочие милости. Поэтому на пожелание народу «милостей» люди отвечают ему с не меньшей верою: «И со духом Твоим» да будут они!

Так растаяло и это темное облачко, появившееся на самом конце хвалебного Евхаристического канона, и притом такое грозное. Однако я счел необходимым особо на нем остановиться – не только ввиду важности состояния священнослужителей, но чтобы и еще раз показать, что вся Евхаристия действительно переслаивается покаянным настроением, и не у меня лишь, грешного, а и вообще у священнослужителей, даже у святителя Василия! И это и утешает, и ободряет нас, малодушных, но заставляет и искать исхода в смирении, молении, трезвении, а еще лучше бы «в чистем свидетельстве совести»... В крайнем же случае – в покаянии, в слезах, исповеди...

Так закончился главный момент литургии – Евхаристический канон. Брак готов!

Теперь должно приступить к Агнчей трапезе.

Припомню: следовательно, разница в настроении до Евхаристии и во время Евхаристии весьма ощутительна: там больше покаяния, здесь – надежды (или милости); там молитвы о помиловании, здесь – благодарение.



## УЧАСТИЕ В БРАЧНОЙ ВЕЧЕРИ

Главное, существенное, теперь сказано. Остается готовиться к Причащению, к трапезе Господней на Агнчем браке. Но о Причащении я желал бы написать особо, в отдельном очерке. Теперь же скажу лишь кратко о последней части Евхаристии (или конце литургии), тем более, что по разным местам я уже кое-что объяснял.

С начала «литургии верных» было много элемента покаянного, который искал разрешения в милости Агнчей, а самая Евхаристия, как мы видели, безусловно носила характер преимущественно благодарственный, и лишь отчасти переслаивавшийся покаянием. Теперь, когда подойдет время Причащения, наступит момент радостно-блаженный (от Причащения до конца).

И вот между ним и Евхаристическим канонem начнется сейчас особый, отличный от тех, момент мирной тишины, им проникнуто все, начиная от ектении до Причащения...

Возьму опять сравнение из пира. Мы считали себя недостойными. Мучились, будем ли допущены к трапезе (покаяние). Нас приняли: мы благодарим с Ангелами («Свят»), торжествуем с Богородицею и святыми, и просим и себе, и другим участия на брачной трапезе. Наша просьба принята: «милость» оказана. И что же дальше будет с нами? Конечно, мы сразу успокоились: ради нас все и приготовлено... После мы будем с услаждением вкушать пир.

Но перед этим, пока придем в такое мирное настроение, удовлетворенные и за себя, и за тех, о коих просили, мы идем искать свое место, но уже без сомнения, благонадежно, удовлетворенно, мирно.

Да и психологически так должно быть: доселе мы были напряжены, сначала мучительно-сокрушенно, потом благодарственно-просительно. Но всякое напряжение дается трудно (и покаяние, и хвала, и просьбы)... Устает душа... А там впереди предстоит самый сильный, потрясающий момент радостного, – требующего всех сил веры, совести –

Приобщения Самого Агнца, и потому безусловно необходима духовная передышка, мирный перерыв – после двух прежних трудностей и пред наступлением третьей. Усталой душе нужно успокоиться от прошлого и собраться к будущему. Это даже положительно необходимо. И это мы узреваем теперь, по Божией милости.

И тогда нам станут понятными и все частности. Усвоим сразу главное: сейчас будет мирный перерыв. И прежде всего мне стало совершенно понятным, почему не сразу после Евхаристии причащаются: не хватило бы сил после стольких напряжений переходить тотчас же к еще большему сосредоточению. А кроме того, нужно и к этому, то есть к собственному участию в трапезе, подготовиться хоть немного, «найти свое место», «осмотреться» даже на свой костюм (все ли в порядке?), даже не торопиться «захватывать» места (что совершенно неприлично достойному гостю и по отношению к любвеобильному Господину), а чинно, степенно, со всеми вместе, дружно, в единстве, со спокойной совестью тихо, благонадежно подойти в свое время к своему месту за трапезою; и так уже приступить к ней. Да и то, как полагается пред обедом: сначала нужно помолиться Богу; вспомнить еще раз, что ты удостоен по милости хозяина приглашения на этот пир, да об этом тебе даже напомнят, ради тебя же, чтобы ты и вкушал-то с правильным настроением, чтобы ты был достоин трапезы царской.

Ибо и у земных царей люди за трапезой должны себя вести особенно чинно, особенно достойно, по установленным благородным правилам приличия: например, скромно занимать свои места, а не садиться выше положенного, не толкаться, не облакачиваться развязно на стол, но прямо (собранно) сидеть, не шуметь, а молча или тихо беседуя, кушать, не стучать приборами и т. д.

Если так все упорядочено бывает на земных пирах, то еще с большим трезвением и духовною собранностью подобает присутствовать на пире Небесного Царя, на браке Агнца, в Царстве Пресвятой Троицы.

Все это уже бывает в мирном устроении, в спокойном чину.

И это вполне понятно: муки уже были пережиты, исход из них найден, хвала вознесена, милости испрошены.

Все волнующее пережито. Осталась радость впереди, а перед ней – мир и отдых надежды.

В него и вводит теперь Церковь. Дальнейшие молитвы именно к этому и относятся, к этому и готовят. И тогда нам ясен будет строй «литургии верных»:

1. Подготовительный момент пред Евхаристией (от начала «литургии верных» и кончая 1-й ектенией «Исполним»).

2. Самая Евхаристия (Евхаристический канон от «Мир всем» до возгласа «И да будут милости») или Пресуществление, «Жертва хваления», совершение ее.

3. Теперь Причащение Жертве – с подготовительным введением в него. Это особая третья часть.

А то, прежнее, завершилось...

Итак, нам стал понятен перерыв, который сделала Церковь между Евхаристическим каноном и Причащением: нужно было дать отдых между двумя важными моментами (Пресуществлением, или приготовлением брачного Агнца, и Причащением, или вкушением Его), и нужно достойно приготовить нашу душу к «Тайной вечери».

Как же заполнить это место? Я уже говорил, что нужно войти в мирное устроение духа и сосредоточиться. Но можно ли и в этот момент, даже и умирной душе, забыть о своем недостойнстве, отрешиться от сознания несоответствия нашей нечистоты со святостью Агнца? И, следовательно, можно ли вполне освободиться от покаяния? Я думаю, это просто немыслимо и даже не должно. А потому мы можем ожидать, что струя сокрушения и покаяния, которая довольно сильно всплыла на поверхности нашей души на службе с начала «литургии верных», – и которая в начале Евхаристии совсем исчезла почти, и проявилась лишь после нее, – эта струя не пропадет и теперь, в третьей части «литургии верных», но она примет иной характер. А именно: если в первой части покаяние мучительно искало и нашло выход в надежде на умиловительную Жертву, если во второй части покаяние сначала поглощено было благодарной хвалою, а после

смешалось с надеждою на щедрость Жениха, то теперь покаяние примет характер совсем особый – тихий, мирный, как если бы мы перевалили горный хребет, преодолевши тяжесть подъема.

Или еще иначе: в первой части господствовало все же сокрушение, во второй – благодарение, теперь будет умиление. А в умилении, по объяснению святого Иоанна Лествичника, сочетаются сладость и тихая скорбь.

Так человек наилучшим способом приготовится к Приобщению.

Да так требуется и смыслом Искупления: если принесена уже Жертва, и именно для нашего спасения, то, наконец, пора уже прекратиться мучительному покаянию, нужно дать место спокойному упованию на принесенную уже за нас Жертву. Иначе будет или неверование в Ее силу и милосердие Божие, или же, значит, человек настолько сильно отягощен непотребством, настолько не подготовлен к брачной вечери, что он, и сядясь за трапезу, будет все озираться кругом, как проникший сюда незаконно, как незваный, или и званый, но не имеющий «брачной одежды», и потому опасющийся извержения с вечера...

Тяжело смотреть на нашу душу, если она, незваная и «не одетая», хочет тайком добраться до Агнчей вечери. Тогда такой душе и после Евхаристии будет не весело и не мирно. И даже может быть еще мучительнее, чем до этого момента. Страх тогда обостряет муку еще больше.

Но если нет такого несоответствия, тогда не только можно, но и должно после Пресуществления готовиться к Тайной вечери в мирном, тихо-благоговейном состоянии. Это – общий тон. А тогда станут понятными все другие частности.

Возьму пример из того же званого царского приема на пир. Нас впустили в дом царский. Мы разделись и готовимся к встрече: смущение, робость, страх, может быть, и трепет даже, в ожидании неизвестного приема царем (покаяние). Мы готовимся, чтобы лучше отнеслись к нам.

Потом нас вводят в блестящий парадный зал. И сразу нас встречают радостным приветствием: «Благодать Господа

нашего Иисуса Христа, любовь Бога и Отца и общение Святого Духа с вами!» Нас охватывает торжество, чувство благодарности... Потом, очарованные милостивым приемом, мы излагаем зараз все чувства наши («Евхаристия») и просьбы. Нам отвечают: «Да будут милости!»

Кончилось это, и нас проводят в трапезную. Наступает радостно-блаженное наслаждение. Тут уж ни покаяния, ни страха – а лишь мир, услаждение, или как говорится в уставе церковном о праздничной трапезе: «И бывает братии утешение велие».

Чтобы не забыть, запишу о двух моментах.

Пропев Символ веры и намереваясь войти в «приемный зал» для общения, мы слышим предупреждающий пред встречей возглас: «Станем добре! Со страхом! Внимание!»

Но после этого, как бывает и в жизни, объявляются «награды», «милости». И Евхаристический канон заканчивается уже не «страхом», а «да будут милости!» Страх и милость.

Что же дальше? Чем занят мирный перерыв после Евхаристии и до Приобщения? Прежде всего мы видим опять ту же самую просительную ектению, которую пред Евхаристией произносили: «Исполним молитву нашу». Прежде, бывало, я недоумевал: зачем здесь ектения, и притом, по-видимому, повторная? Еще более непонятно было, как после окончания ектений, ибо слово «исполним», «дополним» («кончим») означает последнюю ектению, снова начинается ектения. Не знаю, как именно было в первоначальной литургии в древности, но теперь она представляется мне совершенно уместной. Перерыв был необходим. А обычно Церковь эти перерывы всегда заполняет ектениями, большей частью так называемыми малыми («Паки и паки»), что особенно видно на канонах (по 3-й, 6-й и 9-й песнях), между «славами» кафизм на утрени, в начале литургии; и всегда виднее это на Пасху: после каждой песни канона – малая ектения. Ектенией же нужно было заполнить и наступивший перерыв. Но здесь взята не малая ектения, а просительная, потому что «малая» слишком мала для такого торжественного момента и слишком обща: она не захватывает души и даже не заполняет промежутка. Нужна большая,

духовная. А таковой является лишь «просительная» ектения: ни великая, ни сугубая со своими нуждами и молениями о властях сюда совершенно не подходят. А просительная – «внутренняя» – ектения. Но я раньше говорил (в первой части «литургии верных») о ней, что она – сокрушенно-покаянная по характеру. Как же это совместить с мирно-благоговейной тишиной этой (третьей) части? Я уже только что объяснял, что без покаяния невозможно обойтись и здесь; покаяние – это всегдашняя прослойка молитв наших, особенно в Православии, без него нельзя оставаться и перед Причащением... Пусть нас ждут «милости» теперь, но милости суть лишь именно «милости», «помилование» виновных, амнистия осужденным, и от этого сознания своего недостойнства невозможно уйти и здесь.

Но по опыту знаю, что эта ектения воспринимается здесь совершенно иначе: не только нет страха, но даже и мучающего сокрушения, а простое, тихое, как бы «доверчивое» обращение к Богу подготовить нас. И сейчас мы увидим признаки этого мирного отличия двух однородных ектений.

Послушаем даже самое слово в начале ектении: «Вся святая помянувши, паки и паки миром Господу помолимся». Дивно: мы видим это слово «мир». А в других «Исполним» его нет... Значит, Церковь действительно хочет ввести нас в мирное душевное настроение. Дальше мы увидим еще большее. Но теперь посмотрим, на чем же еще покоится эта «мирность»? «Вся святая помянувши»... Мы всегда знали уместность слов о «святых» после того, как только что совершилось Пресуществление: мы вспоминали о «праотцах, отцах, патриарсах и о всяком душе праведном», «изрядно» же о Самой «Пречистой, Преблагословенней», еще же и о «Честном, славном» Предтече... и «всех святых», «ихже молитвами посети нас, Боже!» Там мы славили Бога за искупление всего мира: Церкви Небесной, прославленной уже, и земной, еще воинствующей, «великого благоутробия» Божия «требующей» (у святого Василия Великого), а себе там больше просили милостей всяких, для этого же мы привлекали ходатайство пред Господом святых Его «друзей», «ихже молитвами посети нас, Боже».

Но какая тут связь «святых» с «миром»?

Я уже писал, какое ободряющее всегда действие на нас производит упоминание «изрядно» – действительно, «изрядно», исключительно, несравненно, – о «Владычице нашей Богородице»... Вот уж неизменная Заступница. Вот уж поистине милосердная Мать! Всегда безбоязненно припадаешь к Ней в этот момент: уж кто кто, а Ты-то уже заступишь, не оттолкнешь, Великая «Сродница наша»!

Теперь возвратимся к литургии. В конце канона мы вошли чрез Искупителя в общение с Небесною Церковью, со святыми. Какие могущественные друзья! Какие благодатные! Они уже привычные гости на Царском Небесном пиру Агнчем, свои, а мы еще «новые», да и «непотребные». И конечно, нам много легче будет идти на трапезу, когда есть кто-либо у нас «свой» и Царю и нам: он уже знает, куда идти, где сесть, как себя вести, и прочее. Много, много спокойнее со святыми своими! Одно дело молиться Богу нам одним, иное – когда мы на молебнах просим ходатайства Богоматери, святителя Николая или других святых.

И теперь с такою опорой несравненно спокойнее можно молиться: «Вся святая помянувшие... миром Господу помолимся».

Вот первая надежда, первое по обстановке условие «мира»... Но не одно оно. Посмотрим далее.

О чем же будем с ними молиться?

В «Исполним» после Херувимской молились лишь о «предложенных Дарех». Но теперь они уже – «принесенные и освященные». Великая разница: тогда были еще хлеб и вино, теперь же уже – Тело и Кровь! Прежде лишь надежда на будущее, теперь же опора в настоящем. Вот уже Сам Посредник, Ходатайственный Агнец, Жертва примирения, здесь!

Вот второе различие в ектениях. И совершенно иначе воспринимаешь «предложенные» и «принесенные» Дары. Там – сокрушенные молитвы и надежда «умилостивления», здесь – мирное, спокойное упование на состоявшееся уже дело воссоединения, примирения. Сейчас произносишь эти слова: «о принесенных и освященных» уже «Дарех» и умиряешься еще более, чем упованием на «всех святых». Ходатайство Самого

Агнца безмерно больше, чем «всех святых». Однако еще лучше, когда мы и к этому «Ходатаю Бога и человеков» подходим, держась за руку святых друзей Его. Протестанты и сектанты, не почитающие святых, – о, неразумные и бедные, лишаящие себя и радости, и сильной поддержки их! – не знают нашей православной утехи. Даже у католиков меньше нашего входят за литургией в общение со святыми. А мы счастливы иметь их своими поручителями, заступниками. О, и сравнить нельзя, когда идешь к Богу один, без них. И потому даже к «Освященным» Дарам и отраднее, и мирнее, и безопаснее приступать со святыми и вместе с ними уже ссылаться на высшее ходатайство – Жертву Агнца: они уже знают силу ее, ибо ею лишь искуплены; они Ему – уже Свои. Слушаем, однако, дальше: о чем будем молиться, имея основанием принесенную Жертву, или «Дары»?

На литургии мы принесли «Жертву хваления» и, самое главное, Ходатайственную Жертву, Которая, как взятая от человеческого естества, есть не только Жертва Воплотившегося Сына Божия, но и наша. Во всяком случае уж несомненно то, что, взятая Им от нас, она принесена Отцу «за нас» и потому одному можно уже сказать, что она «наша» жертва, «наши дары» Богу. И дары, Ему поднесенные, Им принятые, являются залогом, что и мы получим от Него желаемое и ожидаемое. А Дар – безмерный: Самого Отца Единородный Сын, во спасение наше сшедый от Него к нам, воплотившийся и за нас пострадавший! Может ли быть не принята такая Жертва?! Невероятно! И она принята. А раз уж принята и «за нас» именно поднесена, то какое может быть еще большее основание, чтобы благонадежно, в мире просить у Бога всего?!

«Тот, Который Сына Своего не пощадил, но предал Его за всех нас, – говорит апостол Павел, – как с Ним не дарует нам и всего? Кто будет обвинять избранных Божиих? Бог оправдывает их. Кто осуждает? Христос (Иисус) умер, но и воскрес: Он и одесную Бога, Он и ходатайствует за нас» (Рим. 8, 32–34)... «Мы спасены в надежде» (Рим. 8, 24). «Кто отлучит нас от любви Божией?» (Рим. 8:35). «Все... преодолеваем силою Возлюбившаго нас» (Рим. 8:37).



Апостол Павел от этой веры приходит даже в восторг, «уверенный», что ничто: «ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы... ни настоящее, ни будущее... не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем» (Рим. 8:38–39).

А мы, во много раз еще немощнейшие, ощущаем хотя бы этот мир упования. Вот второе основание к миру. И большее. И здесь уже ни одного слова о грехах, о недостойнстве, по крайней мере явно (в тайной молитве отголосок увидим).

Теперь уже не одна лишь Богоматерь со святыми берут нас за руки, но и Сам Сын – Агнец, Сама Искупительная Жертва ходатайствует за нас.

И все вместе мы перелетаем душою к Престолу Отца Небесного и просим. Но как просим? С надеждою, опять мирно-уповательно. О чем? «Яко да Человеколюбец Бог, прием (приняв уже) я (их, Дары) в пренебесный ... Свой жертвенник, в воню благоухания духовного (образ благоволения Бога) возниспослет нам»...

Бог не только именуется теперь «Човеколюбцем», чего еще не видели мы на «литургии верных» по отношению к Отцу Небесному (хотя и говорилось о «любви» вообще Его), но говорится о Его благоволении. А это есть результат Жертвы Сына Его, Искупителя нашего...

Как надежно, дерзновенно, уверенно теперь человек обращается к Богу! Прежде, устами иерея, он говорил, что «никтоже достоин» и «приблизиться» к Нему (во время Херувимской), а теперь совершенно легко будем просить милостей. Да и каких? Самых великих. Уже не о «благорастворении воздухов», «временех мирных» будем просить, а «Божественную благодать и дар Святаго Духа», то есть самое высочайшее благо, как видно и из сопоставления слов евангельских: «Просите... и Господь даст блага просящим у Него» (Мф. 7, 7, 11). А у святого евангелиста Луки сказано: «...Даст Духа Святаго просящим у Него» (Лк. 11, 13).

Благодать Духа Святаго есть высшее благо!

Вот каких даров дерзновенно просит человек; теперь он может, а может потому, что есть к тому основания, – Ходатай с ходатайствующими святыми.

Сын просит у Отца для нас благодати!

Кстати: почему различается «Божия благодать и дар Святого Духа»? Можно разное объяснять, но самое простое толкование может быть такое: в ответ на нашу «благодарную» для Него жертву Отец Небесный взаимно отвечает Своею милостью или благоволением к нам, или – что то же – «возниспосылает», то есть «возвратно» отвечает «Божественною благодатию», или любовью, милостью.

Но результатом, и самым первым по времени и по существу, от такого благоволения явилось возвращение, в день Пятидесятницы, потерянного через падение людей действия в человеке Святого Духа. Так и теперь, принеся Жертву, мы у возвратившего Свое благоволение Отца просим ответный на Жертву «дар» - "Святого Духа».

Это и понятно стало, и верно, и последовательно. И это является разъяснением слов: «да будут милости». Но там говорилось о Христе, а теперь чрез Него просим у Отца; там говорилось тоже вообще, а теперь конкретно, определенно.

Если же принять во внимание, что миряне не слышат «тайных молитв», в коих перечисляются всякие прошения от Бога (см. особенно у святого Василия Великого), тогда особенно выпукло должно быть ясно, какой же «милости» ждать прежде всего: «Духа Святого».

Но есть объяснение и другое. Человек все же остается человеком, живущим еще на земле в скорбях, и потому другая просьба – «избавитися от всякия скорби, гнева (Божия) и нужды» (то есть тесных обстоятельств, всего тяжкого)...

После обычная просьба: «Заступи, спаси, помилуй... Своею благодатью». А дальше просим духовных благ, тех же, что в «Исполним»: совершенном безгрешном дне, Ангеле-хранителе, прощении грехов, добра для душ и телес, о покаянном мирном конце, о непостыдной кончине, о добром ответе на Страшном Суде.

Этим прошениями мы опять вводимся в покаяние. Но я уже говорил, что оно теперь носит совсем не мучительный характер, а тихо-мирный; и понятно: после таких оснований, «как содействие друзей, святых, как молитва Владычицы

нашей, Искупительная принятая Жертва, возвращенное благоволение Отца, «Возниспосланный» дар Духа Святого», можно и должно пребывать не в удрученном, а в мирно-благонадежном покаянии.

И это так прямо и ясно и выражается в заключительном предложении друг другу – предаться Главному Ходатаю Христу: «Соединение веры и причастие Святого Духа испросивше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим».

«Соединение» с кем? Прежде всего с присутствующими в церкви, сюда возможно присоединить и Небесную Церковь, но прямее разуместь здесь земных членов ее. Это отзвук прежнего: «Возлюбим друг друга, да единомыслием исповемы» – и исповедали Символ веры. А потом объединились и вокруг Жертвы, за всех принесенной. «Нас же всех, от единого Хлеба и Чаши причащающихся, соедини друг ко другу» (у Василия Великого). Но теперь, помимо нашего братского объединения, еще мы только что испросили «дар Святого Духа» и «причастие Святого Духа».

Это гораздо важнее, ибо теперь «ходатайствует за нас воздыханиями неизреченными Сам Дух» Божий (Рим. 8, 26)... И мало того, что «ходатайствует», Он еще, соединив со Христом и ради Христа, сделал нас снова сынами Божиими по благодати: «Ибо все, водимые Духом Божиим, – говорит тот же апостол Павел, – суть сыны Божии. Потому что вы не приняли духа рабства, чтобы опять жить в страхе, но приняли Духа усыновления, Которым взываем: «Авва, Отче!» Сей самый Дух свидетельствует духу нашему, что мы дети Божии» (Рим. 8, 14–16).

И мы теперь уже, вероятно, сами чувствуем, что после этих слов непосредственно нужно запеть молитву детей к Отцу: «Отче наш...» Не так ли? Поразительно ясно! И совершенно последовательно. И даже художественно прекрасно, точно золотая цепь! И снова утешение нам. Но еще подождем немного.

Соединившись друг с другом в вере и через Духа Святого, и получивши Его вследствие благоволения Отца, мы теперь предадимся Христу Богу. Какой успокаивающий зов! И в «Исполним» было тоже это «предадим»; и это тоже уместно и

нужно для сокрушенного сердца, но там ссылались лишь на обычных ходатаев – Богородицу и всех святых. А теперь, хотя и о них вспоминаем в начале ектении («Вся святая»), но помимо этого еще есть новое данное для мирного предания себя в волю Христу Богу: «общение возвращенного Духа Святаго». При таком положении действительно можно предаться спокойно Богу: Дух Божий возвращен!

И я обычно ощущаю здесь новый повод к умирению, и гораздо больший, чем даже воспоминание о «всех святых». На душе делается совсем тихо. Как бы в вечерней тишине летнего захода солнца.

Легко заметить, что между этим настроением мира и прежним сознанием недостойнства («Никтоже достоин») – великая разница. Там сокрушение, мука; здесь – надежда, мир.

В литургии святого Иоанна Златоуста, в тайной молитве тут читается так: «Тебе предлагаем живот наш весь и надежду, Владыко Человеколюбче».

Какие все благонадежные слова: предаем жизнь в Твои руки и надежду, Человеколюбче! Как это далеко от прежнего сокрушения и страха!

И умилительно («мили ся деем», буквально: «делаем себя милыми»), то есть ласково, мило просящими, как деточки умеют сладко выпрашивать у мамы «умильным голосом» и с просительным личиком: «Сподоби нас причаститься Небесных Твоих и Страшных Таин, Сея Священныя и Духовныя Трапезы» (Пира)...

Вот мы опять услышали слово «Страшных Таин».

Но замечательное дело: и «Страшныя Тайны» теперь уже не страшны. Так это бывает в душе. Понятно: Дух Святой возвращен! А апостол Павел только что говорил нам не о духе рабского «страха», а «Духе усыновления». Поэтому эти слова о «Страшных Тайнах» вызывают трезвение, благоговение, но не мучающий ужас.

И далее есть и другая причина мира: «С чистой совестью»... Да, чистому или очищенному (исповедью и слезами) в совести можно и нужно иметь мир, надежду.

Наконец, перечисляются наши прошения, кои мы надеемся видеть исполненными: оставление грехов, прощение согрешений, общение Духа Святого (более тесное), наследовать Царство Небесное, иметь «дерзновение еже к Тебе», Христе, а не в суд и не осуждение.

Мы видим, что здесь еще говорится и о грехах и осуждении. Но основной характер молитвы – получение милостей. Это, собственно, не покаяние духа, а ожидаемые дары; и характерно, что испрашивается даже «смелость» пред Богом, «дерзновение».

Прежде – «станем со страхом», а теперь – имеем «дерзновение, еже к Тебе», «Человеколюбче». Большая разница!.. Так можно просить лишь в благонадежном духе мира, упования на милость, в надежде на любовь и от любви. «Возлюбленные! – говорит святой апостол Иоанн Богослов. – Если сердце наше не осуждает нас, то мы имеем дерзновение к Богу, и, чего ни попросим, получим от Него» (1Ин. 3, 21–22). «И мы познали любовь, которую имеет к нам Бог, и уверовали в нее. Бог есть любовь, и пребывающий в любви пребывает в Боге, и Бог в нем... В любви нет страха, но совершенная любовь изгоняет страх; потому что в страхе есть мучение. Боящийся не совершенен в любви. Будем любить Его, потому что Он прежде возлюбил нас» (1Ин. 4, 16, 18–19). Подумаем, как все это связано: «единство» друг с другом, или взаимная любовь, «соединение веры», и – любовь к Богу. Затем – любовь и блаженство, мир, а нелюбовь – это страх, мучение, и с Богом, и друг с другом. А пребывание в Боге открывается из прямого присутствия в человеке Духа Божия: «Что мы пребываем в Нем и Он в нас, узнаем из того, что Он дал нам от Духа Своего» (1Ин. 4, 13). Таким образом, единство любви и общение Духа или «соединение веры и Причастие Святаго Духа» – вещи неразрывные. И наоборот: если нет Духа, то нет общения с Богом, то нет сыновства Ему, нет братства друг с другом, нет любви... И еще: «Кто говорит: «я люблю Бога», а брата своего ненавидит, тот лжец... И мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1Ин. 4, 20, 21).

...Вот чего требует приближение к Причащению, и что является результатом Евхаристической Жертвы – единение с Богом и друг с другом... И потому тотчас же поется молитва Господня: «Отче наш», а не «мой».

Но и еще подождем этого. Посмотрим параллельную молитву у святого Василия Великого. Она обширнее, как всегда, чем у Златоуста: «Боже наш, Боже спасти» – вот так она начинается... И я уже в этих первых словах слышу утешительное. Бог – «наш», и именно наш «Спаситель»... Но в греческом и славянском языках сильнее выражена мысль о спасении: «Боже спасти», то есть «спасать» является Его делом, Его свойством, целью Его. Как и в конце утрени говорится утешительно: «Твое бо есть (дело, Тебе свойственно) еже (чтобы) миловати и спасти нас».

И после принесенной Жертвы, после спасения такого сонма небожителей, и после молитв наших о милостях к живым и помиловании усопших, как не определить Имя Бога, как «Бога спасения», Спасяющего, Спасителя?! А это подводит новую основу под настроение «мира».

Что же дальше?

«Ты нас научи благодарити Тя достойно о благодеяниях Твоих, ихже сотворил еси и твориши с нами»...

Получивши такие бесчисленные блага и испрашивая новых (после Евхаристического канона), призываемся «благодарить» «Спасяющего» Бога.

Это уже повышает наше мирное настроение.

Самое сильное чувство высокого благодарения и славословия было в Евхаристии, как мы уже знаем, а теперь мы сами готовимся к Причащению, а потому и покаянное настроение должно здесь прибавиться. И оно сейчас же появляется. Но интересно, в каком виде: в виде дара, а не от сокрушения. Желая причаститься, мы должны искать очищения, и просим теперь дать нам этот дар. Дары же различны. Но в порядке духовной жизни и самое нужное сейчас для Причащения – это прощение грехов; без этого и мира не может быть, даже, наоборот, потеряешь и последние остатки его – через сознание своего недостойнства пред «Святой Святым». И

потому мы просим Господа теми же словами, что и в ектении, и почти тотчас же за этим (3-м) прошением дать нам чистоту: «Ты, Боже наш, приемый дары сия (как в ектении: «Бог наш, прием я» – Дары), очисти нас от всякия скверны плоти и духа». Вот – первый дар Духа. «И научи совершати святыню во страхе Твоем». Цель же – достойное Причащение: «Яко да чистым свидетельством совести наша приемлюще часть Святынь Твоих, соединимся Святому Телу и Крови Христа Твоего».

Примечательно, что и я свои предыдущие объяснения как готовиться к Причащению строил на общих соображениях.

О чем бы и дальше я сам подумал?

Приходят такие мысли: если я «удостоин», буду «соединяться» со Христом, то от этого получатся еще более обильные Дары Духа Святого. И, как бы забегаю вперед, я хочу просить о таких благах от Причащения: о полном искоренении страстей, об избавлении от дьявола, об укреплении в добродетелях, особенно же об возвращении и умножении благодати Святого Духа, с сопутствующими последствиями мира, радости; и даже о здоровье душевном и телесном, об избавлении от бед, но – самое главное – об общении с Пресвятою Троицею через соединение с Спасителем, или, что то же, – Царство Небесное (еще здесь начинающееся), и только бы – «не в суд и во осуждение»...

О чем же молится Церковь? «И приемше Их достойне (Святые Дары Тела и Крови), имамы Христа живуца в сердцах наших, и будем храм Святаго Твоего Духа».

Как видим, это совершенно совпало, но только у меня оно поставлено к концу, как у грешника, а Святая Церковь сразу просит самого главного, самой высшей милости – сочетания с Духом Святым и Христом Господом...

Следуем дальше. «Ей, Боже наш, и да ни единого же нас повинна сотвориши (то есть виновным вследствие недостойного приступания) Страшным Твоим Сим и Небесным Тайнам, ниже немощна душею и телом, от еже недостойне Сих причащатися»...

И это было у меня («не в суд»). Но здесь говорится подробнее. А одно отличие – значительнее и характернее: я и

после Евхаристии продолжаю думать об одном лишь себе; Церковь же устами священника заповедует теперь молиться и о других, чтобы «ни один» не оказался «повинным». С брачной вечера Господь одного повелел выбросить, но скорбь была всем.

Почему же Церковь так отличается? Я – грешный, а потому и не помню о других; позвали меня на пир – и я думаю лишь о себе. Вот какие мы эгоисты! С тонущего корабля спаслись все, но тотчас каждый думает уже о себе. А Церковь помнит, что еще в начале Евхаристии мы просили о «единомыслии» и целовались в любви... В Евхаристии слились все в Единую Церковь, Небесную и земную, от Богоматери – до усопших и живых грешников. А перед самой трапезой я уже забыл это. Но Церковь помнит и потому молится о всех. Теперь молитва по преимуществу должна бы быть общою, единою: ведь здесь все хорошие, все званые, все одаренные милостями, все искупленные! Одним словом, все друзья на одном званом обеде. Ведь и в мире в такое время люди бывают любезными. И только дурно воспитанные и самолюбивые самоугодники, точно не замечая «других», в одиночку ищут между столами «своего» местечка, забывая, что только сейчас они просили о «милости» этой, что никакого «своего» места нет, не было; и если бы не щедрость и «милость великаго Бога и Спаса нашего Иисуса Христа», то не пришлось бы и видеть им не только трапезы, но и входа в чертог Его... Забыли мы, что лишь десять минут тому назад возглашали: «Двери, двери» закрыть! Нам грозила опасность остаться за дверями. Но так как мы пред этим горько каялись (первая часть «литургии верных»), считали себя недостойными даже и «приблизиться» к Богу, то нас и впустили – и то больше за Ходатая-Сына.

А теперь, как впустили нас за двери, все забыли. Ах, люди, люди! Самоугодники мы! Даже в чужом добре о себе думаем...

Вот почему я забыл о христианах-братиях, а Церковь помнит... Смиримся же: вспомним и о других, и не о себе одних будем молиться. Ведь это же одна из основных целей всей Евхаристии, связанная с догматом Пресвятой Троицы, с Икупителем, Главою всего «Тела» – «Единство любви»!



И как же я забыл? Эх, бедные, жалкие мы люди! Говорить об единстве мы способны, а в сердцах – чужие...Но хорошо, что хоть Церковь напомнила об этом нам, самолюбцам, хотя и в тайной молитве. И в последней, заключительной просьбе, – ектении («Соединение веры») – это напоминает мирянам и вслух, но там проходит это быстро, и как будто уже прошлое, нам данное («испросивше», то есть уже мы будто имеем, получивши)... А здесь вот это слово «ни единого» «повинна» заставило одуматься: да что же это я, такой эгоист и холодная тварь, все об одном себе помышляю? Как бы за одно это мне самому (да и вернее всего, ибо нелюбовь – «небрачная одежда») не оказаться прежде других «повинным» в недостойном Причащении... Хоть этот страх, быть может, остановит мою холодную душу?! Как бы самого меня снова не выгнали?! Невольно и о других задумаешься: лучше буду уж просить и о «братьях»...

Ах, человек, человек! Как же ты испорчен! Святые делают добро из-за любви к нему и Богу. Хорошие христиане хоть из-за награды, ради Царства Небесного. А ты? Ради наказания быть выгнанным? Ради рабьего страха... Первые – сыны, вторые – хорошие слуги, а ты – злой раб! Но что же с тобою делать? Пусть хоть из страха не делай зла и принуждай себя к «деланию добра», если не имеешь истинно доброго сердца... Все же остается надежда, что, может быть, еще и не выгонят тебя!

...Эти мысли, – как видим, далекие от «мирного» настроения, в каком подобало бы совершать эту часть литургии, – явились у меня, грешного. Церковь же рассчитывает на более хорошую душу «верных чад» своих, «братьев» по духу во Христе, и потому она не допускает и мысли о нашей отчужденности («чужие»), и потому продолжает молиться мирно, хотя и мыслит покаянно... Послушаем уж лучше ее, а не себя: «Даждь нам даже до последняго нашего издыхания достойне приимати часть» (надежду) «Святынь Твоих».

Странное словосочетание здесь. Что такое? По-русски лучше бы так: «Принимать Святыню в надежде» на то или иное; а у греков красивее оборот, как бы так: обонять благоухание розы (надежду от Святынь). Но самое слово «надежда» опять

утешающее, мирное и отвечает не раз употребленному мною слово «благонадежность»: это причина мира в душе.

На что же «надежда» наша? Чего ожидаем?

«В напутие Жизни Вечная, во ответ благоприятен, иже на Страшнем судищи Христа Твоего: яко да и мы со всеми святыми, от века Тебе благоугодившими» будем причастниками.

И прежде мы молились: «Вся святая помянувшие», «будем причастницы Вечных Твоих благ», Вечной вечери в Царствии Небесном, какую «уготовал еси любящим Тя, Господи».

Все это лишь распространенное объяснение «Царства Небесного», о коем и я вспоминал. Отличие лишь опять в том, что Церковь снова говорит об общем Царстве, о единении «со всеми святыми». А я, увы, даже о них забыл!.. Вот странная узость души! Сам ухватился за руку святых... Держусь за них... А теперь уже забыл о них... А лишь о себе думаю... Какой же я после этого «любящий Господа?» Плохой любящий...

«Кто говорит: я люблю Бога, а брата своего ненавидит; тот лжец» (1Ин. 4, 20). «Мы имеем от Него такую заповедь, чтобы любящий Бога любил и брата своего» (1Ин. 4, 21).

А я и святых забыл, любимцев Божиих, а уже про людей-то и говорить нечего... Увы мне!

Молитва тайная кончилась.

Если бы не моя худость, то она, несмотря на покаяние, внесла бы еще большее успокоение и благонадежность – «надежду Святынь» Божиих.

Так мы просим теперь ответных Даров Святого Духа от Бога... И они (достойным и любящим Бога и братию) придут сейчас с Причащением, после чудной молитвы. Теперь мне хочется посмотреть третью параллельную молитву на литургии Преждеосвященных Даров. Там, как известно, Евхаристии не совершается: дары – прежде освящены; но эта подготовительная ко Причащению часть все равно есть... Немного заглянем туда...

Литургия имеет знаки остатка от самой древности, когда «вечеря» совершалась действительно «вечером», по примеру Тайной вечери. И теперь эта литургия соединяется с вечернею, потому и ектения параллельная начинается не со «Вся святая

помянувшие», хотя на проскомидии, тайно совершаемой, они поминаются, а с «Исполним вечернюю молитву нашу Господеви».

И тогда эта ектения становится последней в группе ектений... Прочее же одинаково, кроме слов «Предложенных и Преждеосвященных». Последнее слово понятно, а первое – вместо «принесенных» только что, потому что здесь не «приносили», а лишь перенесли, при пении «Ныне Силы Небесныя» (вместо Херувимской), и возложили перед собою (предложили) на престоле.

Какова же тайная молитва? Характер ее более покаянный и сокрушенный, напоминающий «Никтоже достоин» пред Херувимской; но вместе с тем она соединяет мысли и даже слова литургии Василия Великого. Выпишу самое главное, но без длинных объяснений, кроме новых частей.

«Иже (Ты, Который) неизреченных и невидимых таин Боже (то есть Ты Бог непостижимый, «Бог тайны»), ...иже служение службы сея открывый нам и положивый нас грешных» (священников) «приносите Тебе дары же и жертвы о наших гресех и о людских неведениях: Сам, Невидимый Царю, ... призри на ны недостойныя рабы Твоя, иже Святому сему Жертвеннику, аки Херувимскому Твоему предстояция Престолу, на немже (это отличие понятное) Единородный Твой Сын и Бог наш» уже «предлежащими Страшными почивает Таинства». А далее просьба об очищении: «нас и верныя люди Твоя свободив» всякия «нечистоты, освяти всех нас души и тела ... да чистою совестью, непосрамленным лицом» причастимся «святынь» и «соединимся Самому Христу Твоему, истинному Богу нашему, рекшему: ядый плоть Мою и пияй Кровь Мою во Мне пребывает, и Аз в Нем»...Последние слова – новы; но зато это заменяет указание на установление Таинства, в молитвах Златоуста во время «Святая Святим»: «яко да всельшуся в нас и ходящу (живущему) Слову твоему, Господи, будем храм Пресвятаго и покланяемаго Твоего Духа».

Это все мы видели в молитвах святого Василия Великого.

Но вот дальше различие: «избавлени всякия диавольския козни, деянием, или словом, или мыслию действуемая»...

О диаволе у святого Златоуста и святого Василия Великого в этой части совсем не говорится; и понятно: эта часть «мирная», когда (на пиру) о враге даже и упоминать невозможно... Но зато об этом святой Василий Великий молился после Пресуществления Святых Даров: «Стужаемая от духов нечистых свободы».

А на Преждеосвященных литургиях только здесь и можно упомянуть об этом.

Для меня это отличие важно: когда я выше перечислял предметы, о которых я помолился бы на тайной молитве, то упомянул и об «избавлении от диавола». Но, к моему удивлению, этого не оказалось и у святого Василия Великого, и разумно: званые уже не боятся врага и не думают о нем... А я плохой «званный», захваченный с «халуги и распутия», и потому все озираюсь на врагов, даже будучи в Царском чертоге... О, как Церковь выше и мудрее!

Но мне утешительно, что хотя у святого Григория Двоеслова упомянуто об избавлении от «диавольския козни». Следовательно, не так уж и я далек был от истины. У святого Василия Великого тоже упоминалось о сем – в числе других милостей – но ранее.

Пора, однако, закончить рассмотрение этого различия. У святого Григория Двоеслова: «И получим обетованная нам благая со всеми святыми Твоими, от века Тебе благоутодившими».

Итак, видим очень много сходного с молитвою святого Василия Великого, а много сходно с моментами у Златоуста. В общем же, если уже и о кознях говорится, настроение – более покаянное.

Различие это понятно: в тех литургиях эти все мысли рассеяны по многим местам, здесь же они собраны в единой молитве. И получилось покаянно-просительно-сокрушенное настроение; мира и надежды здесь мало чувствуется. Так и должно быть, чтобы приготовить нас к Причащению в короткий срок.

Еще: не видел я упоминания, ни в одной из трех молитв, об избавлении от бед земных, о чем я тоже говорил.

Неужели же приближающееся приобщение не имеет никакой связи с этим вопросом? А он в жизни так значителен. Но тут мне пришли на ум два места: о первом скажу после, а сразу, после молитвы о «возниспослании» «дара Святого Духа» говорится: «О избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды», разумеется, по преимуществу, земных. Значит, после прошения о духовных благах (Святом Духе) просим и о внешних.

Второе упоминание видим в конце ектении: «...друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим», – всю жизнь, следовательно, и с земными скорбями и бедами.

И только; но в молитвах тайных даже и об этом не упомянуто. Почему это? По двум причинам: во-первых, потому, что о всех земных благах только что молились ко Пресуществлению (о царях, о палате, о мирном управлении, о тихом житии, а далее о плавающих, недугующих и т.д., а у святого Василия Великого еще подробнее). Но главное даже не в этом, а в другом. Как ни беспокойны земные вопросы, но всему есть время и место: сейчас наступает великое Таинство общения со Христом Богом, а чрез Него – Причастие Святого Духа, Сей же вводит нас в жизнь Пресвятой Троицы, в Царство Божие, в мир Небесный. И в такой момент подобает забыть все прочее, как маловажное, временное. И потому, вспомнив кратко в общей форме о скорби и нужде, Церковь приглашает в конце ектении «всю жизнь» предать в волю Христа Бога. Это, в сущности, то же, что сказать бы как в Херувимской: «...всякое ныне житейское отложим попечение».

Вот почему Церковь ввела в тайную молитву «надежду» на получение многих благ – но все они духовного характера, от прощения грехов и избавления от диавола, до вечного Царства; а земное забыла, или, точнее, «Христу Богу предала». И еще раз она упомянет, но мимоходом.

Вот как подобало бы относиться к грядущему приобщению: все забыть, кроме духовного.

Вывод теперь ясный: после Пресуществления положено молиться о какой угодно милости, включительно до хорошей погоды («благорастворение воздуш»») и благовременных дождей на поле. Но после того, как уже сказано успокоительное:

«... да будут милости... Спаса... со всеми», нужно устранимся от всех мирских забот и отдаться только Таинству Вечери Агнца. Не должно молиться ни о чем земном. И тогда легче сохранить не только сосредоточенность духа, нужную для Причащения, но и всю эту часть (мирную) провести в мире, иначе мысли о печалях житейских могут расстроить тебя. Но о духовных предметах молись, проси: для этого Причащение и дается.

Но неужели можно забыть о них? Пожалуй, это трудно, хотя и нужно. Тогда, не забывая, предай «весь живот... Христу Богу». Он лучше всех нас устроит не только духовное, но и мирское. И знай, человек: чем ты больше Ему предашь себя и других, а сам благоговейно, ради Причащения, отстранишь это, тем Он больше дастверяющемуся Ему за эту самую доверчивость и оторванность от мира по любви и почитанию к Нему. Церковь воистину руководится Духом Святым! Нужно сделаться как дитя, вверившееся отцу, как птички небесные: «они не сеют, ни жнут... и Отец ваш Небесный, – говорит Сын Его, – «питает их. Вы не гораздо ли лучше их? О, маловеры! Ведь Отец ваш Небесный знает, что вы имеете нужду во всем этом, и знает еще прежде вашего прошения» (Мф. 6, 26, 32, 8).

Поэтому к моменту Причащения нужно сделаться дитятею по духу, все предав в руки Отца через Христа, Сына Его.

Так мы теперь, уже по другим мотивам и путям, по иным основаниям, пришли к молитве Господней: «Отче наш».

К этой молитве доселе все влекло нас: «и объединение людей в вере, и усыновление чрез Духа Святого», а теперь вот и новое побуждение, столь связанное с мирным, беспечальным характером этой (третьей) части вообще – детски доверчивое предание себя в руки Отца.

Но и еще есть побуждение, связанное с совершившейся Жертвой, с сотоявшимся «примирением» с Отцом: доселе, до Христа Спасителя, люди были «чадами гнева» Божия (Еф. 2, 3), о чем постоянно говорится в Священном Писании Ветхого Завета, начиная с гнева на «друга» Своего Моисея (см.: Исх. 4, 14), до гнева «на все общество Израилево» (Нав. 22, 20) и «на все народы» (Ис. 34, 2. см.: Иер. 51, 45. Иез. 19, 12 и т. д.).

В Новом Завете, без сравнения, во много раз меньше упоминается даже самое слово «гнев», да и то преимущественно к концу мира (см.: Откр. 6:16, 17, 11:18, 15:7, 16:19, 19:15), когда прямо называется «день гнева» (см.: Рим. 2, 5). Это – понятно; ибо после «примирения» (см.: Рим. 5, 11, 2Кор. 5, 17–19. Еф. 2, 16. Кол. 1, 20) люди соделались «детьми Божиими» (см.: 1Ин. 3:1, 2, Рим. 8:16, 21), «чадами Божиими» (см.: Ин. 1:12, Еф. 5:1. Флп. 2:15).

И потому, вопреки Ветхому Завету, Новый Завет наполнен Именем «Отца» Бога (см.: Мф. 5:48, 6:1, 4, 8, 11:25, 16и так далее без конца).

Ясно, что христианство есть религия чад с Отцом Небесным.

Но эта перемена совершилась только ради Жертвы Единородного Сына Его, «нашего» «Сына Человеческого» – нашего «Ходатая пред Отцем» (1Ин. 2, 1, Рим. 8, 15, 1Тим. 2, 5).

«Через Него... имеем доступ к Отцу» (Еф. 2, 18).

А так как эта Жертва (в литургии) была только что совершена на Евхаристии, то теперь можно, стало быть, воспеть и детскую молитву к Отцу: ранее же было нельзя. Нельзя было и ранее испрошения «Дара Духа Святого» (на ектении), ибо лишь «водимые Духом Божиим, суть сыны Божии, и Им лишь взываем: Авва, Отче» (Рим. 8, 14, 15).

Так выясняются причины уместности именно здесь молитвы Господней.

Но еще яснее станет нам, если мы поставим ее в связи с основным настроением этой части: с мирной благонадежностью...

Как успокаивается дитя на руках матери, так и душа, отдавшаяся Богу, от Коего она получила столько и таких милостей, видит в этом такую любовь Отчую, что умиряется именно по-детски; и в свою очередь, сама эта молитва одним заголовком своим, одним этим драгоценнейшим словом «Отец» вносит такую опору для тишины, больше которой и промыслить невозможно!

Он – Отец теперь, а мы – Его дети.

И если мы раньше старались ухватить за руку святых («Вся святая...»), если опирались на благоуханную Жертву Сына, если получили залог Святого Духа, то теперь, когда Церковь говорит нам, что мы Ему – дети, то как теперь нам не успокоиться совсем? Подумать лишь: и я – дитя у Бога!

И вот что нередко переживается в этот момент. Предавши себя Христу Богу, Спасителю нашему, мы теперь обращаемся через Него к Отцу Его и Отцу нашему (см.: Ин. 20, 17) с просьбой «сподобиться» «со дерзновением неосужденно смети призывати... Небеснаго Бога, Отца, и глаголати: Отче наш...».

Меня прежде, бывало, смущало такое непонятное сочетание: сознания себя детьми «Отцу нашему», а с другой стороны, с такой робостью, страхом, что даже произнести («глаголати») и это имя «Отца» и молиться Ему – точно страшно, и потому нужно еще «сподобиться ... без осуждения» и сказать, и помолиться Отцу...

И как же это укладывается с мирным общим настроением этой всей подготовительной части?

И мне пришло такое объяснение. Прежде всего, это «мимоходное» выражение пролетает быстро, не оставляя особого следа, затем, своею краткостью и скромностью тона оно не уничтожает самого главного: понятия об «Отце» и молитвы к «Отцу».

Как бы ни подойти, лишь бы подойти к Отцу.

Но есть и особый смысл в таком смиренно-робком обращении. Вслушаемся: о чем мы просим? Где главное ударение? На «осмелимся призывать»?

По-моему, нет, а в предыдущем слове: «со дерзновением». Вот где смысловое ударение.

Прежде люди боялись даже имя «Бог» (Иегова) произносить, а теперь Отцом именуют.

Прежде – страх, ныне – смелость («смети»).

И даже больше того: «дерзновение». Это гораздо больше, чем мир, спокойствие, надежда. Дерзновенный, или получивший такое полномочие, не только не боится, но, наоборот, открыто, мужественно, с уверенностью, смело, свободно входит туда, куда другим запрещено и заглядывать (в



таком смысле свободы, бесстрашия употреблено, например, слово это в каноне Ангелу-Хранителю: «Яко имея дерзновение к Царю Небесному, Того моли... помиловати мя, окаяннаго» (9-я песнь). И вообще это часто встречается).

Так и здесь: после Жертвы человек со свободой подходит к Богу как Отцу.

И тогда это приглашение не только не является противоречием общему настроению этой части, а даже поднимает его на большую высоту...

Так, начавши покаянием и страхом, мы теперь уже молимся с дерзновением: какая разница! Какое было стеснение раньше и какой простор теперь!

Наконец, и страх есть хороший, но не рабский, а благоговейный – сыновний. И в первые времена Церкви, когда благодать была особенно обильна, все же говорится: «был же страх на всякой душе» (Деян. 2, 43), хотя через три стиха (Деян. 2:46) будет сказано, что одновременно христиане жили «в веселии и простоте сердца». Это значит, что совместимо такое сочетание страха и радостной простоты; страха и покоя; страха и утешения благодатию. А в Писании есть именно такое указание: «Церкви же по всей Иудее, Галилее и Самарии были в покое (от гонений), назидаясь и ходя в страхе Господнем; и при утешении от Святаго Духа умножались» (Деян. 9, 31).

Ясно, такое сочетание не только возможно, но оно и прекрасно, ибо им жили первые, святые христиане.

А тем более это естественно нам, хотя и позванным, но все же «недостойным», и потому так понятно это сочетание. И даже больше скажу: то особенно и отрадно, что несмотря на страх (от грехов), вопреки ему, я, после Жертвы, могу иметь дерзновение Бога назвать Отцом! Что может быть утешительнее этого для грешника?!

Но сверх всего этого никогда не следует забывать, что Господь всегда – Господь, «Владыка». Как ни велика Его любовь, все же Он Тот, пред Коем стоять и самим Херувимам «велико и страшно» (молитва после Херувимской). А они не погрешили Я же? И сейчас я приступаю к общению с Ним. Он – Огонь, а я – сено...

И потому сливаются воедино – и мир, и страх.

А когда припомним сравнение с пиром царским, то это еще яснее будет: мы приняты Царем, по Его милости, Им одарены, обласканы. И Он снова среди нас. Мгновенно все приходят в собранность, а может быть, и в страх: Он же Царь! А когда наступит момент говорить с Ним, робость еще более увеличится.

Но что такое царь по сравнению с Царем царствующих? Земля и пепел.

Но, повторяю, все эти, слегка смущающие облачка мысли и робости, быстро промелькивают перед нашим сознанием и лишь вводят нас в духовную собранность, но затем мы погружаемся в утешительнейшее состояние ощущения себя детьми у Бога!

Вот что Бог давал нам в хорошие минуты пережить, когда начинают петь «Отче наш».

И почти невольно падаешь на колени перед Престолом и хватаешься руками за края его. Почему это? Как ребенок тянется на руки к матери или просто бросается в колени ее, укрываясь лицом в складки ее платья, а она обнимает его своими руками, так и мы, когда запоют «Отче наш», бросаемся к Самому Богу, и именно как к Отцу. Сразу забываешь, что ты смущался лишь сейчас, боясь «сметь призывати» Его и прося на это «дерзновения»...

Господь даже желает такого дерзновения детской любви к Нему, ибо оно свидетельствует и о вере в Его великую любовь, и о нашей любви к Нему, и вере в Его всемогущество. Поэтому Спаситель часто Сам вызывал дерзновение у боязливых и неверенных: «Иисус... сказал...: дерзай, чадо!... Дерзай, дщерь!» (Мф. 9, 2, 22). «Господь... сказал: дерзай, Павел» (Деян. 23, 11). Апостол любви Иоанн особенно сильно говорит о дерзновении (см.: 1Ин. 2:28, 3:21, 5:14).

И чудо: едва только успеешь обратиться с такою просьбою, как уже сразу и получаешь желаемое дерзновение. Да, я знаю, что я немогущ, но не на свои силы и заслуги я надеюсь, а на Его заступничество, на Его Жертву, за нас принесенную. Опора моего дерзновения во Христе, «в Котором мы (все) имеем дерзновение» (Еф. 3, 12). «Имея Первосвященника великого,

прошедшего Небеса, Иисуса Сына Божия, будем твердо держаться исповедания нашего. Ибо мы имеем не такого первосвященника, который не может сострадать нам в немощах наших; но Который, подобно нам, искушен во всем, кроме греха. Посему да приступаем с дерзновением к престолу благодати, чтобы получить милость, и обрести благодать для благовременной помощи» (Евр. 4, 14–16). Так говорит апостол.

Но Устав церковный не установил и здесь земного поклона: сыны не кланяются отцу до земли. И нам не нужно, хотя бы и хотелось!

В этот момент нужно с детской доверчивостью обратиться к Господу – Отцу нашему. И иногда у меня бегут такие мысли: Господи, Господи! Ты – Отец! Ты, значит, любишь Свое дитя, меня. А я еще к тому же дитя больное. Беспомощное. Страдающее. Видишь, я плачу. Простираю к тебе душу, как руки. Сам я ничего не могу сделать. А люди еще меньше. Да и не любят они меня. Да и любить-то не за что меня, дурного. Да и что мне от их любви, если они тоже беспомощны, как и я. К Тебе остается прибежать. И вот прибегаю. Пожалей меня. Недостоин я и жалости? Да. Но Ты – Отец. А я, если и не имею добра в себе, то во всяком случае, к Тебе со слезами доверчивыми, вот видишь, обращаюсь. И как дитя, прошу от Тебя о милостях: надеюсь, что дашь, что Ты Сам сделаешь все, что нужно. Я Тебе сейчас буду лишь перечислять свои чувства, свои нужды, а Ты, Сильный, Любящий, все устроишь. Ты – мой Отец! И я начинаю доверчиво просить. Сколько болячек, сколько нужд, сколько ран у меня. И я их показываю Ему без стыда, а прошу со смелостью, с надеждой. И даже не чувствую затруднения просить о чем-либо так, как этого мне, дитяти, хочется; но только представляю все на Его волю, на Его любовь. А если иногда и просишь чего у «Отца», то останавливаешься то на одном, то на другом, смотря по тому, чем ты живешь в то или иное время. То иногда просишь только так: «Да будет воля Твоя», потому что сам пути ясно не видишь, своя же воля ненадежна. А когда произносишь эти слова, то себя перепоручаешь со своего разума на Разум Божий, со своих рук на Его руки. И хотя не знаешь, что именно и как сделает

Господь, но успокаиваешься, так как теперь уже – не мое это дело, а – Его. И иногда несколько раз, усиленно, повторяешь одно это прошение: «Твоя воля, Твоя, Твоя, Господи, да будет»... И верую, что когда я произношу эти слова, то они не остаются бесплодными, и даже не являются просто «прошением», молением, – нет, больше, они становятся делом, то есть действительно совершается то, что я говорю: Бог уже принимает меня, мою жизнь, мои пути в Свое управление... Это-то и успокаивает. Впрочем, это делается нами в силу Его же собственного обещания: «не пецытесь...на утрей..., ибо знает Отец ваш Небесный, в чем вы требуете нужду» (Мф. 6, 32–34).

Но иногда эти же самые слова о предании себя в волю Божию бывает трудно произносить: это обыкновенно случается тогда, когда душа отягощена чем-либо дурным, грешным, когда своя воля очень уж ясно направлена в другую сторону – от Бога. И не то, чтобы тогда не хотелось говорить этих слов, а нет сил, недостойн говорить такие слова, ибо они требуют и с твоей стороны хотя бы некоторых усилий идти навстречу, а не наперекор воле Божией. И тогда не можешь говорить этих слов от сердца, а пробежишь их. И припоминается мне тогда изречение одного из святых отцов, читанное мною в Добротолубии. Его ученик спросил: «Что означает прошение »...да будет воля Твоя, яко на Небеси и на земли»? Старец ответил: «Это относится к святым, а не – нашей меры».

Но когда потом опять вспомнишь, что Спаситель всем дал эту молитву, и даже еще до Искупления, до примирения с Отцом Небесным; и тогда подумаешь, что именно грешнику-то и нужно положиться на волю Его, ибо своя воля – растленна; тогда понудишь себя сказать эти слова. Но они в таком случае получают уже не детский, уповательный и отрадный смысл, а понудительный: хотя моя воля и противится Твоей, Господи, и даже хотя и не имею права говорить об этом, и даже нет желания такого, а есть обратное хотение – исполнять свою грешную волю, но именно потому-то и говорю, хотя бы только устами говорю, вопреки себе говорю, ибо больше этого не имею сил. «Не моя, но Твоя воля да будет. Как Сам знаешь, Отец мой, спасай меня». И знаю, что даже такое подневольное

произношение слов этих не остается тщетным: слова, обращаемые к Богу, непременно сопровождаются действием Его. И это не мое лишь мнение, а и Церковное. Вот, например, что говорится в одной утренней молитве: «Многомилостиве и Всемилоостиве Господи! ...Спаси мя по благодати (даром), молю... Или хочу, спаси мя, или не хочу, Христе Спасе мой, предвари (даже раньше меня) скоро, скоро погибох (уже почти погиб)»...

То же самое говорится и пред сном: «...Или хочу, или не хочу, спаси мя: аще бо праведника спасеши, ничтоже велие, и аще чистаго помилуеши, ничтоже дивно... Но на мне грешнем удиви (пока) милость Твою... и якоже хочеши, устрой о мне вещь (дело, судьбу мою)». Еще молимся вечером же к Богородице: Не попускай, Пречистая, воли моей совершатися, не угодна бо есть: но да будет воля Сына Твоего и Бога моего»...

И насколько сознаю, это прошение для меня является главным, как бы центром. Да оно и поставлено-то в середине молитвы Господней. В ней, мне кажется, все сказано: положишься на Бога, и Он Сам все устроит, как нужно, исполнит все остальные прошения.

А другие предметы молитвы или очень уж высоки для меня, как первые два, или входят в центральное прошение: «воля Твоя». И теперь одно прошение почти всегда останавливает на себе внимание: «Оставь мне грехи мои».

Это уже постоянная, непрерывная, некончаемая и самая нужная (до гроба) молитва: «Прости меня! Отпусти долги...».

Но об этом что же распространяться? Это – как воздух для легких, как вода для рыбы, – постоянно необходимо нам. Покаяние есть преимущественно атмосфера Православия. Но в этот момент литургии уже не чувствуется сокрушения так сильно, как, например, во время Херувимской. Уже мы приглашены на пир. Уже Сам Царь Небесный среди нас, и не как Судия, не как грозный Владыка – хотя и Владыка – но как Отец. Владыка – Отец. Царь среди детей... Поэтому самое главное слово, самая суть молитвы в самом же первом слове: «Отче».

В заключение вспомню об одном переживании своем, которое мне потом нередко вспоминалось.

Когда я, недостойный, на другой день хиротонии своей в епископа, служил первую литургию самостоятельно (таков обычай), и когда дошел до молитвы Господней, то вдруг заметил в себе новость. Обыкновенно я молился до той поры в сущности лишь о себе одном: «Дажь мне», «остави мне», «не введи меня»... Но тогда я вдруг услышал слово «наш»: «Отче наш», а не мой лишь. И сердце (или в сердце Кто-то?) сказало: «Отныне ты уже не имеешь права молиться о себе одном, а и о всех: на то ты и получил благодать предстоятельства за них».

И я стал так молиться тогда же впервые: «Отец наш», «хлеб нам», «долги нам», «во искушение нас не введи», и от лукавого всех «нас избави». И конечно, епископ, а за ним и священники, по преимуществу, должны молиться не за себя, а за всех, но и все христиане, как дети Единого Отца, как «братья во Христе», должны молиться не только о себе, но и друг о друге. И это во всякое время.

Но в данный момент пред Причащением такая молитва просто требуется, безусловно необходима. Припомним, что верные теперь уже у Царя, пред трапезой, все уже «званные», все уже объединены, следовательно, одним настроением – то есть одною верою, одною надеждою на трапезу, общемою любовью и, главное, одним Духом Святым. А если так, а так должно быть, то даже немислимо истинно верующему думать и сейчас лишь о себе одном! Такой эгоизм, такая сухость, такая замкнутость свидетельствовала бы о душе, которая хотя и оказалась среди Вечери, но была одета «не в брачную одежду» любви и благодати (Мф. 22, 11). А потому ей грозила бы опасность быть выброшенной вон, как самочинно попавшей туда, где место лишь любящим, объединенным, братьям и сестрам. А она – чужая здесь.

И так именно Церковь только что и приглашала: «Соединение веры и причастие Святаго Духа испросивше, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим», и с дерзновением Владыке, Богу и Отцу будем «глаголати: Отче наш».

Таким образом, мое переживание на первой архиерейской литургии нужно считать не моим лишь личным, и даже не епископским только (хотя от них это требуется по преимуществу), но общехристианским, особенно в данный момент приступления к Общему Агнцу. К этому моменту особенно нужно относить слова апостола Павла: «Едино тело, един дух,... един Господь, едина вера, едино Крещение... Един Бог и Отец всех... (Еф. 4, 4–6).

...Чтобы сейчас в Причащении соединиться с Богом, непременно нужно иметь сначала единение друг с другом: иначе как можешь любить Бога, Которого не видел, если брата, которого видишь, не любишь? (см.: 1Ин. 4, 20). Потому-то и сказано в молитве Господней: «...остави нам ...якоже и мы оставляем». Потому-то дальше у православных будет совершаться прекрасный обычай: пред Причащением целовать иконы, а потом обратиться лицом к народу, к братии, и поклониться всем на три стороны, прося прощения и прощая.

Заключительные слова молитвы Господней: «Яко Твое есть Царство и сила и слава», как нельзя лучше подходят именно к данному времени: мы у Тебя, Господи, на Брачной Вечери, у Тебя в Царстве, по Твоей воле, силе, величию, у Тебя на славной трапезе, в благодатном общении... Ведь мы уже все – званые. Все в Царском доме. И все для Тебя, Господи, все «Твои».

Так закончим мы переживания молитвы Господней.

В дополнение отмечу способ исполнения молитвы Господней. Представим себя дитятею пред отцом... Мы хотим просить у него, и притом просто, доверчиво, как бы в глаза глядя, а иногда даже виновато опустив их. Подумаем, могли ли бы мы в этот момент петь? Невозможно: какой ребенок будет распевать перед мамой? Или драматически просить: «Прости меня»? Нужно это говорить. Потому, по греческому обычаю, а отсюда у сербов и у болгар, «Отче наш» всегда читается, а не поется, и притом старшим, а если епископ не служит, то представителем от всех нас.

Но и петь тоже допустимо, впрочем, по иному соображению: молитва – от всех «нас», поэтому можно и петь ее общими

устаи, или хором – от «лика Церкви», или – общенародным пением. Но такое внешнее общение в голосовой молитве совсем не существенно: можно петь «общенародно» и не чувствовать любви и единения, или даже совсем не молиться внутренне, сердцем, а лишь петь голосом. И наоборот, можно молчать и слушать одного читающего от лица всех и ощущать душой общее единство братьев пред Единым Владыкою – Отцом. Разве когда пред каким-либо «лицом» произносится речь одним представителем, все прочие не напряжены внимательно? Разве, они не слушают «затаенно» каждое слово своего выборного? Еще как! Так и здесь: можно, и даже бы лучше слушать чтение молитвы Господней, чем петь ее ((и в архиерейском чиновнике нашем так и сказано: «Подобие глаголет архиерей» и прочие сослужащие тайно, а не поя, не читая даже в полголоса)). А если уж и петь, то лучше, по-моему, хору, а другие в это время должны сосредотачиваться в своих сердцах. Без пения это легче делать. Пение развлекает. Это очень хорошо знают хористы, певчие, которые сами почти не молятся.

Иные «исполнения» «партесных» сочинений молитвы Господней большей частью мешают, вредят, расстраивают.

Еще одно неременное условие: никак нельзя торопиться (читая или во время пения) за молитвой Господней: здесь столько переживаний, и таких все важных; между тем, она проносится почти мимо, если спешат. В житии одного святого рассказывается, что он с вечера начал читать эту молитву, а окончил ее лишь к утру, когда солнышко озарило его лик. Мы же самую главную молитву, молитву Божию, Самим Богом нам данную, читаем «борзяся» и механически...

И хотя по уставу это и не положено, но в это время многие люди становятся на колени, и священники кланяются в землю пред престолом. Собственно, по моменту литургии, и даже по самому содержанию молитвы Господней, это совсем не требуется: какие же дети на коленях просят у родителей? Или какие призванные в гости на званый обед становились бы пред хозяином, даже хотя бы и перед царем, на колени?! Настроение этого момента – сыновнее, мирно-уповательное, а не



унизительно-просительное, и тем более – не сокрушенное. Потому коленопреклонению, по уставу, и не положено здесь быть.

Допустимо разве сделать один земной поклон, а затем, встав, молиться уже с доверием. Внешность тоже имеет свое назначение и действие: церковные каноны, например, запрещают земные поклоны во все воскресенья и во всю Пятидесятницу: всему свое время! Так и здесь: момент литургии – радостно-ожидательный, а не покаянный. Так лучше. Устав мудрее нас.

Но не будем фанатичными: предоставим и некую свободу сердцу. Если Господь Сына Своего Единородного не пощадил, то разве все прочее, меньшее, не подаст нам? (см.: Рим. 8, 32). Он смотрит на внутреннее наше настроение, а не на внешность.

Итак, можно сказать, что молитвою Господнею кончается промежуточная часть между канонем Евхаристическим и Причащением. Поэтому о дальнейшем будем говорить в особой главе.

## ПРИБОЩЕНИЕ

Когда нас приглашают за стол, то мы отвечаем: «Благодарю» и еще откланиваемся. И спокойно, без толчеи, ищем своего места.

Так и здесь: священнослужитель говорит людям: «Мир всем». Будьте мирны. В мире приступайте... «И духови Твоему»... Здесь, главным образом, разумеется то умирненное душевное настроение, к которому только что готовила нас Церковь. Но нужно и внешне сохранить степенность, чин и благообразие. Когда будут причащать Святых Таин, то священник нередко предупреждает причастников: «Не торопитесь, не толкайтесь! Подходите спокойно, благоговейно!»

И потом он осеняет народ благословением, подавая этот мир. И даже этим внешним знаком указывает: приступайте в благоговении. Почему люди приклоняют головы, а архиерей (или иерей) про себя читает благодарность за приглашение, от лица всех, конечно: «Благодарим Тя, Царю Невидимый», за все... За то, что Ты все в бытие привел, создал по милости Своей, и за все вообще, что Ты сделал. И теперь допусти поклонившихся «Тебе, Страшному Богу» приступить к Вечери, и Сам, Владыко, даруй, с трапезы Твоей, каждому по его «потребе».

Так мы опять видим, что основной характер Евхаристии – благодарственное настроение – продолжается. И уже в третий раз, начиная с Канона, благодарим за «бытие», за сотворение. Почему это здесь?

Некоторые жалуются, ропщут на свою жизнь. Но если бы они знали все величие, все блаженство истинного приобщения, то на все остальное они не только бы не обращали такого внимания, но почли бы все за ничто, и лишь благодарили бы Бога, что созданы, что существуют, и чрез это допущены ко Святому Причащению. Отец Иоанн Кронштадтский приходил в восторг к моменту Причастия. Блаженный Августин говорит, что если бы Ангелы могли завидовать, то они разве об одном бы сожалели, что не могут совершать Божественной Евхаристии

здесь. Конечно, это лишь сильное образное выражение, ибо Ангелы на Небе Духом Святым причащаются благодати общения в высшей степени. Таков смысл упоминания о сотворении. А зачем «Страшному Богу»? Ведь уже «Отец» он отныне? Да, все было мирно, мирно. Но когда наступит самый момент Причащения, тогда человек вспомнит: Кто Агнец? Что такое Святые Дары? Бог, претворивший Себя в хлебе и вине! Страшно даже и выговорить это и представить себе!

А если при этом вспомнить о себе самих, кто мы такие? Достойны ли? А грехи наши? Хотя и «дети», но грешные, хотя и гости, но в брачной ли одежде?

И Церковь это знает, вслед за апостолом Павлом: «Кто ест и пьет недостойно, тот ест и пьет осуждение себе, не рассуждая (как бы подобало) о Теле Господнем. Оттого многие из вас немощны и больны и немало умирает...наказываемся от Господа» (1Кор. 11, 29–32).

Поэтому в молитвах уставных пред Причащением совершенно ясно звучит эта струна страха: Бог и человек; Творец и тварь; Огонь и трава; Святой и грешники... Потому пред причастием будет читаться молитва Иоанна Златоуста «Верую, Господи, и исповедую», где снова будет говориться и о грехах; даже об Иуде вспомним наряду, но вопреки разбойнику благоразумному; и сказаны будут эти страшные слова «не в суд и во осуждение»... Ведь и Иуда причастился (в этом многие сомневаются, но в тексте Евангелия совершенно ясно сказано, что сначала Господь «подал им» всем. Следовательно, не сказано, чтобы Он выделил Иуду, тогда все бы узнали, кто предатель. «Также и Чашу» и после этого говорит: «И вот, рука предающего Меня со мною за столом» (то есть облокотившаяся, как обычно бывало на востоке при низких столах и сидениях). А потом еще беседа продолжалась: кто больше? Затем Иуда вышел. А прощальную беседу Господь говорил уже с одиннадцатью (см.: Лк. 22, 17–38. Ин. 13, 1–31). В уставных же песнопениях Страстной седмицы это понимание Церкви выражено совершенно ясно: «Злоименитый Искарот... Твой ядый хлеб, Тело Божественное, воздвиге ков на Тя, Христе» (Четверг, утренняя, 8 песнь, 2-й тропарь). «Приимаше

решительное (освобождающее) греха Тело безсовестный, и Кровь изливаемую за мир Божественную» (там же, тропарь 3-й). Автор Канона – знаменитый Косма Маюмский. «Еда» (ужели, разве) Господь «со оными вечеряв, тебе от трапезы отрину» (седален пред третьим Евангелием в Великую Пятницу). Совершенно очевидно, что Иуда принял Тело и Кровь – в суд. Поэтому и говорится, что после этого – в него вошел сатана).

Про него сказал Сам Господь: «Лучше было бы тому человеку не родиться» (Мк. 14, 21).

В молитвах же к Причащению, читаемых в то время вслух, причастникам прямо говорится: «Приходяй же причаститися, глаголи в себе настоящая стихи: «Се приступаю к Божественному Причащению. Содетелю, да не опалиши мя приобщением: Огнь бо еси, недостойныя пополаяй. Но убо очисти мя от всякия скверны».

«Таже паче» (опять) «Вечери Твоея», то есть об Иуде, врагах и разбойнике. И «паки» стихи сия:

«Боготворящую Кровь ужаснися, человеце, зря: Огнь бо есть, недостойныя пополаяй».

А если причащается достойно, то:

«Божественное Тело и обожает мя и питает: обожает дух, ум же питает странно (чудесно)».

«Таже» (затем): «Во светлостех Святых Твоих како вниду недостойный? Аще бо дерзну совнити в чертог, одежда мя обличает, яко несть брачна, и связан извержен буду от Ангелов. Очисти, Господи, скверну души моея, и спаси мя, яко Человеколюбец».

И опять «таже» сряду: «Владыко ...да не в суд ми будут Святая сия, за еже недостойну ми быти»...

И паки, в третий раз, – о врагах, Иуде и разбойнике, до конца: «Да не в суд и осуждение»...

Так Церковь готовит смиреннейшим сокрушение пред Страшным пополяющим «Огнем»: ведь мы хотим причащаться и подклонить свои головы не «плоти и крови», то есть не тварному веществу (хлебу и вину, и даже не чему-либо человеческому, плотскому), а Тебе, Страшному Богу.

И пусть это именно настроение страха и будет у всякого приступающего к Причащению, хотя бы не на первом месте, но непременно на втором, при мысли: Кого причащаемся? И кто мы, причастники? Дальше это же настроение будет снова вспоминаться. Но первое, как мы видели выше, было все то же основное, проникающее всю литургию настроение: «Благодарим Тя, Царю».

Благодарение и страх. Возможно ли такое сочетание? Несомненно. «Радуйтесь» Господу «с трепетом», – говорит царь Давид.

Впрочем, нужно сказать, что в соответствующем моменте и в параллельной молитве на литургии святого Василия Великого совсем не говорится о страхе, и нет этих страшных слов о «Страшном Боге». Там больше утешающего, это более соответствует ходу Евхаристии: уже приглашены к трапезе, мирно настроились все. И потому говорится несколько иначе у него:

«Владыко Господи, Отче щедрот, и Боже всякого утешения...» Вот как именует Господа святой Василий. «Отец щедрот», «Бог утешения». Какая детская нежность! Это даже больше, чем в молитве Господней: не просто «Отец», а Отец – источник щедрот, сама Щедрость, сама Благодать, хотящая изливаться, «Бог утешения». Поразительное определение! На прощальной Вечери Спаситель, причастив учеников, объявил им о конце Своем. Они заскорбели. А Он говорит: Вам же лучше. Если пойду, то Утешителя другого, вместо Себя, пошлю, Духа Святого (см.: [Ин. 15:26, 16:6–7](#)). И сие сбывается в Причащении: Бог Утешитель дает Себя Самого в общение. А дальше упоминается о «преклонивших... главы». Но о них говорится много мягче, отраднее: «Их благослови, освяти, соблюди, укрепи, утверди». Это иные слова, иной тон: они уже хороши, но еще лучшими сделай их, «всякому же делу благому сочetaй». И у него (святителя Василия) далее встречается покаянный мотив: «От всякого дела лукава отстави, ... и сподоби неосужденно причаститься...».

Также и в литургии святого Григория Двоеслова нет «страшного»; ближе – святому Василию!

«Боже Единый Благий и Благоутробный... призри благоутробным оком на вся люди Твоя и сохрани их...»

Но есть и другой момент: «На смиренные призираяй...сподоби вся ны неосужденно причаститься...»

Видимо, святой Григорий более сочувствовал тону святого Василия, чем Златоусту. Они и по духу были сроднее: оба – правители, оба – принципиальные, оба – люди долга.

Почему же немного иначе думает святой Иоанн Златоуст? О, он знал грешную человеческую, действительную природу! Он изъяснял послания Павловы – о ядущих и пьющих в суд и осуждение... Он, будучи адвокатом, видел глубину зла в мире. Он в столицах знал всю немощность и слабость человеческую. Он был «проповедником покаяния» всегда. Он был педагог, вызывавший в людях нужные настроения. Потому он и ввел больше о страхе: и в тайной молитве, а для всех и в явной, которая читается и доселе: «Верую, Господи, и исповедую... Помилуй мя, и прости ми прегрешения моя, вольныя и невольныя... И сподоби мя неосужденно причаститься...». А потом слова, известные каждому: «Вечери Твоя Тайныя... причастника мя приими: не бо врагом Твоим Тайну повем, ни лобзания Ти дам, яко Иуда, но яко разбойник исповедаю Тя: помяни мя, Господи, во Царствии Твоем». И при всем том конец с надеждою: «Да не в суд или во осуждение будет мне Причащение Святых Твоих Таин, Господи, но во исцеление души и тела. Аминь».

Но это лишь – второй мотив. На нем никак нельзя остановиться гостю пред самым уже «угощением». А причащение так именно и называется «угощением» в ирмосе девятой песни канона в Страстной Четверг: «Странствия Владычня и Безсмертныя Трапезы... вернии, приидити насладимся».

Странствие, странный, иностранный, или по-древнеславянски – «гость»; отсюда уже угощение гостей, обильная трапеза.

И «Бог утешения», «Отец щедрот» тотчас же успокаивает смущенную душу надеждою... Но на что же? На себя? На свое «достоинство»? О, нет, нет! Иная «утеха»...

Одна мирянка обращалась к епископу (ныне уже почившему) с вопросами о Причастии и смущалась тем, что она постоянно видит свое недостойнство и потому не смеет приступать, а если и приступает, то мучается. Он же ей сказал: «Когда считаете себя недостойною, тогда-то и приступайте; а вот когда вы сочтете себя «достойною», тогда скажите мне, и я вас не допущу до Причастия».

Это сказано образно, для силы. Но основная мысль истинная: мы не можем надеяться на себя! Каковы бы ни были мы, звание, уже допущенные к «Трапезе утешения», и, однако, мы не можем не видеть своего недостойнства... И во всех трех молитвах есть это сознание: Златоуст говорит о «страшном Боге», Василий просит «неосужденно» причаститься людям, Григорий и себя включает в пир, говоря: «всех нас», и его в том числе, «сподоби неосужденно причаститься».

Но в таком случае – где же место надежде?

В чем якорь упования? – «В благодати».

Покаяние лишь путь к получению милости... «Виноват», – говорит виновный, но через это его сознание ждет помилования. Самое наклонение (головы) в Ветхом Завете было для того, чтобы или излить елей на голову (как Самуил Саулу), или получить благословение рукою...

И это хорошо, правильно, уместно, благоразумно, достойно, прилично моменту

Но присоедините еще и то «смирненное» сокрушение, о коем в это время священнослужитель в тайной молитве произносит; и ваше настроение будет еще лучше: смирненное упование.

И Церковь «благословляет» и «освящает» и «укрепляет» смутившихся своим недостойнством. Это уже и вслух говорится: «Благодатию». Послушайте это первое, утешающее слово: не за свои «заслуги» и «достоинства», а за благодать, за дар Духа Святого.

Господин Царского пира, когда отказали звание, собрал с распутий, проселков бедняков, нищих, хромых, убогих... Привели их в Царский Чертог. А они все: кто в запыленных одеждах, а кто в нищенских отрепьях.

Как их такими впустить в блестящие палаты?

И выдали им всем из Царских запасов «брачные одежды», благодать Святого Духа... И потом уже посадили за трапезу.

Так и теперь Церковь утешает прежде всего надеждою на благодать Божию. И эту мысль она выражает, надежду особенно, усиленно, не одним словом, а тремя: «Благодатию, и щедротами, и человеколюбием...».

В сущности, все слова подобны по своему содержанию и говорят о незаслуженном даре Божиим...

А один из литургистов<sup>5</sup> заметил, что среди однородных возгласов только в этот единственный момент Церковь употребляет целых три слова, и причем на первом месте ставит именно «благодать». Причастнику нужно помнить и знать, и надеяться в данный момент именно на благодать Божию. Ибо происходит страшное дело: купина горит и не сгорает, Бог в человека хочет вникнуть, огонь – в сено, и не поглотить. Даже такой величайший святой, как Симеон Новый Богослов, и тот после многих покаянных слов и надежды все же говорит: «И странное и Ангелом (даже Ангелам), и человеческим мыслом, беседеши им (людям грешным) многаяжды, якоже другом Твоим истинным... И дерзая Твоим богатым к нам благодеянием, радуясь вкупе и трепеща, Огневи причащаюся, трава сый, и странно чудо, орошаемь неопально, якоже убо купина древле неопальне горящи».

А мы слишком привыкли, недостаточно отдаем себе отчета в происходящем, а потому и не имеем такого страха и трепета, какой подобает иметь здесь.

Но если даже осознать одну сущность происходящего, не говоря уже о нашем недостойнстве, и тогда на что же человек может надеяться, кроме благодати?

Здесь мы, между прочим, становимся пред одним важным религиозным положением: Бог и человек, Творец и тварь, а особенно падшая, не могут непосредственно придти в соприкосновение. Для этого и нужна благодать Божия, или сила, действие Божие. И по искуплении даже необходимо было ниспослание благодати Духа Святого, в виде огненных языков, дабы войти в общение с Божественною Троицею, в Царство Божие. Поэтому необходима священнослужителям хиротония,



дабы иметь право безбоязненно совершать Таинства. «Удовли мя, – говорит священник еще пред Евхаристией, во время Херувимской, то есть сделай пригодным, – силою Святаго Твоего Духа, облеченна благодатию священства, предстати Святей Твоей сей Трапезе и священно-действовати Святое и Пречистое Твое Тело и Честную Кровь».

Почему? Потому что к Господу можно приступать только Господу же, или с Господом, или в Господе. Возьму такое сравнение. Чтобы замерзшему не погибнуть от тепла комнаты, его сначала постепенно оттирают еще на холоде, да еще снегом, дабы в нем постепенно вызвать теплоту и внутри, и в теле, и в конечностях. И тогда уже вносят в комнату.

Поэтому и до падения людей была благодать с ними: и Искупление имело главнейшею целью возвращение этой, отнятой по грехопадении Божественной Силы. И Спаситель, вознесшись, именно и послал ее в Пятидесятницу. Она и является посредствующею, действующею, как бы «проводящею» Божественною «средою», дабы тварь не погибла от общения с Творцом, как трава, попавшая в огонь.

Если вообще так необходима благодать, то тем более в данный момент приступания к Приобщению, а тем более недостойному, грешному существу, каково большинство из нас.

Вот почему Церковь после того, как «устрашила», приводя причастника в сокрушенное состояние, тотчас же подает и врачевание и «утешение» в уповании на благодать Божию, на щедроты Его, на человеколюбие.

Хотя все эти три слова сродны, но есть и разница в них: благодать, как сила Божия, есть результат, или проявление великих щедрот, то есть Щедрого, Милостивого не по заслугам, Обильного любовью Бога, ибо «Бог есть Любовь» (1Ин. 4, 16), и любовь безмерная, желающая изливаться на людей и на всю тварь. Но в особенности Господь благоволит к человеку, как к венцу Своего творения и возлюбленному образу Своему. Но все эти три слова равно утешают уstraшенную душу.

Но и это еще не все: все эти благодатные милости есть плод дела Испытателя, Единородного Сына Божия. Он – как Ходатай пред «Огнем». Поэтому Церковь на Него именно и

опирается здесь, указывая Его имя впереди других, как и пред Евхаристическим канон: «Благодатию, Щедротами и Человеколюбием Единородного Сына Твоего, с Ним же благословен еси, со Пресвятым и Благим и Животворящим Твоим Духом». И мы слышим именно эти «утешающие» слова. А о «Страшном» Боге и нашем «недостойнстве» мирянам даже и не говорится теперь; они (тайные молитвы) читаются одним лишь священником в алтаре «тайно».

Церковь уже не смущает вас, не выводит из того доверчиво-сыновнего состояния, в котором она установила вас с момента после Евхаристии, после Пресуществления. И только в «Верую... и исповедую», уже пред самым мгновением приобщения, она все же поставит всех пред «судом и осуждением» или же «исцелением души и тела».

Такое же двоякое сознание: и страха и надежды, и сокрушения и утешения вызывается и последующим возгласом и пением, только еще более ярко, сильно, и обычно более заметно для нашей души, чем указанный возглас о благодати. Диакон возгласит: «Внимание»; насторожит душу: «Во-о-ннем». В это время слышим звук от царских дверей – двери затворяются (когда архиерей служит; а при священнике врата закрыты с самого Великого входа у нас и открыта лишь завеса. У греков немного иначе: врата сняты, отворены, а завесу заменяет отодвигающаяся дверь), завеса закрывается. Люди остаются «за дверями» трапезы. Что это значит? Неужели их не впустят? Неужели, как одетые не в брачную одежду, они будут выброшены и лишены Агнца? Ведь уже приглашены все к Вечери Царской. Нет, это лишь временно, это лишь пока для мирян. Есть всюду постепенность, чин, порядок, иерархия, очередь. Сначала приглашены к трапезе ближайшие сотрудники, ученики, служители Слова. Потом и всем будет дано то же.

Так было и исторически: сначала Господь совершил «Тайную» вечерю для одних лишь апостолов, и то для избранных двенадцати. И притом «тайно», вечером, с затворенными вратами... Никто и не знал.

Потому и называется «Тайною вечерю». Только Иуда после предал.

После же все христиане пребывали в молитвах и «преломлении Хлеба» (см.: Деян. 20, 7, 11, 36). Так и теперь: сначала причащаются «тайно», за закрытою завесою и затворенными вратами, преемники апостолов – епископы и их сослужители. Когда же служит архиерей, то он изображает Самого Господа, и потому, сам причастившись, потом раздает и Тело и Кровь другим, как делал и Спаситель (см.: Ин. 13).

Прежде, когда еще не было иконостасов, как нет их и сейчас у католиков, священнослужители причащались на виду у всех. Но теперешний наш обычай лучше во многих отношениях: он напоминает Тайную вечерю, он дает возможность священнослужителям более сосредоточенно, нерассеянно, «интимно» приступить к Причащению: забыв все и всех, кроме Спасителя, не думая и о мирянах, которые в это время несомненно смотрели бы, как там причащаются батюшки?

А кроме того, это лучше и для самих мирян: это их не только не рассеивает, что было бы, если они наблюдали за причащением священнослужителей, но наоборот, это заставляет их сосредоточиться на самих себе, и притом сосредоточиться в смиренном и покаянном направлении: двери затворены... достоин ли я?! Сейчас отворят, и моя очередь будет. Как приступлю?! Еще есть время, подумай о себе и о Том, Кого готовишься принять. Одни уже впущены, и меня впустят сейчас.

Так все это уместно!

Перед тем, как диакону сказать «Вонмем» и перед затворением врат, архиерей и священники, и диакон про себя говорят молитву мытаря трижды: «Боже, милостив буди мне грешному». И тут-то и затворяются врата. Значит, и они, ближайшие, в первую очередь допущенные, тоже сознают свое недостоинство и страх, и потому молят о прощении...

Миряне этого не слышат опять, от них меньше требуется...

Но зато последующий возглас уже для всех: «Святая святых...».

Кто не знает по себе, каким ударом по грешному сердцу раздается этот возглас?! Кто не спрашивает в этот момент с

болью: «Значит, не для меня? Какой же я – святой?»

О, Боже, Боже! И даже слов мытаря нет сил сказать. А только виновато, безмолвно нагнешь голову... «Святым»... «Святой»?...

Да, этими словами Церковь возбуждает нас всех к смирению сильнее, чем даже тайным упованием о «Страшном Боге» и нашем «недостойнстве». Эти слова всякий раз, как нож, разрезают наши сердца.

Какая сила у Церкви! Сказать два лишь слова, без объяснительных дополнений, – и так ударить по душе! «Святая ...СВЯТЫМ».

И иной раз так страшно станет, что хочется даже не сосредотачиваться на смысле этих слов, а скорее пробежать их душою, как бы перескочить их, не глядя. Так по тонкой засасывающей трясине, закрывши глаза, человек прыгает с кочки на кочку: лишь бы скорее. Страшно, жутко, но, может быть, перескочу?

И Церковь спешит навстречу своим уstraшенным детям новым «утешением»: «Един Свят, Един Господь, Иисус Христос», – отвечает лик за народ.

Вот оно – прибежище! Вот – твердое место спасения: «Один лишь Господь Свят». А все остальные, само собою ясно, грешны. Стало быть, не должно приходить в ужас и нам.

И вдруг после страха опять облегчение, опять надежда, опять утешение. Так в двояких чувствах и держит души наша Святая Церковь.

Но если Он «Один Свят», как и истинно, то зачем тогда и говорить эти слова для всех? Задумывались ли мы над этим? Не уничтожают ли, не делают ли напрасными первых слов вторые? А если нет, – и конечно нет, ибо даром ничего не говорится в Церкви, – то как же сочетать их?

На это можно дать двоякий ответ. Первый – психологический, духовный, то есть польза от такого сочетания совершенно очевидна нам: с одной стороны, сокрушение, с другой – ободрение. И конечно, всякий по опыту знает, что и после слов «Един Свят», все же у нас остается сознание своего недостойнства, или даже и благоговейного страха от первых

слов, но только умеренное и умиренное – вторыми. И в христианском состоянии так и должно быть: и то, и другое. А если таковая цель достигается, то значит все это уместно и необходимо.

Далее. В христианстве совсем не все «просто», «логично», «рационально». Христианство есть тайна везде, совмещение вещей несовместимых: «нераздельно», «неслиянно», а едино, полно, целостно. Уму – не согласить, а факт – несомненен. Так и здесь: несоединимо, но полезно.

Впрочем, можно дать и некое иное объяснение...

Да, Святые Тайны должно принимать святым...

Огонь не поглотит лишь огненного вещества, а только соединится с ним, и тогда будет из двух огненных единое огненное. Но как же здесь? Святое, а мы грешники. Вот тут-то именно и нужны вторые слова – о Святом Господе Иисусе Христе. Да, мы, как люди, как тварь, как падшие, – да, мы грешны, не святы. Но зато во Святом Господе и Христе мы принимаемся Богом в общение: за Его Святость, за Его Искупительную Жертву Невинного, но взявшего наши вины, и мы ставимся в разряд «святых», святых не своею святостью, а Его, Христовою, а потому лишь и удостоиваемся приобщения Божества. В подтверждение приведу слова из Священного Писания:

«Всем святым во Христе Иисусе, находящимся в Филиппах, с епископами и диаконами» (Флп. 1, 1) «благодать вам и мир», (Флп.1:2) – говорит апостол христианам.

«Церкви Божией, находящейся в Коринфе, освященным во Христе Иисусе, призванным святым... благодать вам и мир» (1Кор. 1, 2–3).

«От Него (Бога) и вы во Христе Иисусе, Который сделался для нас... праведностью и освящением и искуплением, чтобы было, как написано: хвалящийся хвались Господом» (Иер. 9, 24), а не собою. (1Кор. 1, 30–31).

«Освещающий и освящаемые, все от Единого», – то есть и Господь Иисус Христос, и верующие в Нем едино (Евр. 2, 11).

Мы грешны, но Глава наша – Свят, а за Него и мы сподобляемся святости, Им и в Нем освящаемые.

...Возьму такое сравнение: царский сын женился на девице «низкого» происхождения, и с этого момента в силу единого родства с нею весь род ее из прежнего состояния изъемлется и возносится в высокое положение «царской родни», и допускается, и приемлется, даже вызывается в царский дворец.

Но есть и еще смысл один: в древности «святыми» назывались все христиане, крещенные и верные в вере.

«Петр... пришел и к святым... в Лидде...». (Деян. 9, 32). Потом, воскресив Серну и «призвав святых, поставил ее» живую перед ними (Деян. 9, 41).

«Я многих святых, – говорит бывший Савл, – заключал в темницы, ...последующих сему учению, и мужчин и женщин, ...и когда убивали их, я подавал на то голос» (Деян. 9:2, 26:10).

«Приветствуйте целованием святых», то есть вообще христиан (см.: Рим. 12:13, 16:15; 1Кор. 16, 20; 2Кор. 13, 12; 1Фес. 5, 26). И здесь не делается различия между грешными и не грешными, а именуются все едино, все христиане.

«Церкви Божией, находящейся в Коринфе... призванным святым... благодать вам и мир» (1Кор. 1, 2–3).

И в таком случае приглашение к причащению Святых Таин относится к христианам вообще. А тогда они хотя были и лучше нас, однако же не были безгрешными, как показывают те же послания, которые потом начинают обличать «святых» в разных и многих недостатках, грехах, и даже, иногда, немалых.

Но и при всем этом – страшный возглас «Святая святым» все же стучится в двери нашего сердца смущением. Где же выход? В покаянии, восстанавливающем благодать святого крещения. Потому-то и требуется исповедь перед Причащением.

И всякий из нас знает – разумею даже священнослужителей – какая разница бывает, когда мы приступаем к Причастию – исповедавшись, или без этого (по привычке или при отсутствии духовника, или по стыду). А в Древней Церкви ... грешников просто не допускали к Причащению. Если мы исповедались, то самое Причащение будет во оставление грехов. Мы – грешны, Един Свят – Господь, но именно Сего освящающего, очищающего Агнца мы и приступаем причащаться во

оставление грехов, «во исцеление души и тела». Но если кто свят, чист, добродетелен, хранит крещенскую благодать непорочную,» тогда ему, все равно, нужно говорить те же слова: «Един Свят – Иисус Христос», ибо только через Него дана и таковым освящающая и охраняющая их во святости благодать Святого Духа, а не особою они – святы... И притом и они «сделали, что должны были сделать, как рабы неключимые» (Лк. 17, 10). Но и таковым должно желать еще большего, высшей святости, как говорит Ангел Тайнозрителю Иоанну: «...Время близко. Неправедный пусть еще делает неправду; ...праведный да творит правду еще, и Святы да освящается еще» (Отк. 22, 10, 11).

Нам же, слышащим эти слова, лучше приходить в сокрушение и, однако же, уповая на милосердие Божие за Жертву «Единого Святаго», приступать смиренно.

Вот что пишет святой Ефрем Сирин: «Весь я – нечистота и греховная тина; весь – жилище душепагубных страстей; и намереваюсь приступить к Пречистым и Страшным Тайнам Сына Твоего, Владычице, и Бога». К Ней обращается преподобный, умоляя Ее: «В сей час, то есть пред Причастием, защити меня, если когда, то теперь тем более нуждающегося в Твоем Покрове и в Твоей помощи. Как грешник, я мучаюсь страхом и объемлюсь трепетом, по причине нестерпимого множества грехов моих!»

Но затем пишет сразу и иное: «Но если остаюсь когда без Причащения, под предлогом своего недостойнства, то впадаю в большую глубину зол и повергаю себя большим наказаниям. Тесно мне и в том и другом случае».

Что же делать?

«К Тебе прибегаю, будь благосердна ко мне, Пренепорочная Владычица моя. Употребив Матернее дерзновение пред Сыном Твоим и Богом, испроси мне оставление прежних грехопадений; сподоби меня очиститься и просветиться приобщением Сих Таин и укажи мне путь, как остаток жизни своей проводить в покаянии, чистоте и смирении. Как раба, хотя и непотребного, всеми мерами (способами) снабжая (помогая) и охраняя Твоею благодатию».

На сем и закончим наши размышления о сочетании великих слов о «Святых Святым» во «Едином Святом»...

И в указание на все это Агнец Божий возьмется служащим и «мало» воздвигается над святым дискосом. Этот внешний символ, прежде, при отсутствии иконостасов, показывался всем явно, видимо. И от этого еще более углублялось и сознание своего недостойнства, а вместе с тем и надежда на Агнца Божия, «вземлющего грехи мира»...

После этого начинается Причащение в алтаре священнослужителей, а миряне остаются еще одни, в ожидании. Наедине с самими собою, своею совестью и Господом...

Чем же заполняется это время? Об этом стоит сказать...

В больших храмах, где с архиереем служит много священников, обычно один из них, «поспешив» причаститься, идет говорить проповедь. Или, лучше, «свободный» от Сослужения (и, следовательно, увы, лишенный самого главного – Причащения, если он не причащался на «ранней»), назначенный в очередь расписания, выходит на обычное место (на амвоне, а на юге – на особую кафедру) и поучает.

И, таким образом, достигаются будто бы две цели, даже три: и заполняется, как бы целесообразно, свободный момент, и назидается народ, и даже «выгадывается» время, – так как после не придется «задерживать» богомольцев еще и «словом».

Но, увы, по всему ходу литургии это самый неудобный и неподходящий момент для проповеди. В древности (до Златоуста) поучения говорились в своем отделе литургии (о чем будет речь дальше еще), именно в поучительной, приговорительной части ее, когда полагается читать и Апостол, и Евангелие; тотчас же, бывало, и следовала проповедь... Потом проповедь отнесли к концу литургии, но уже после Причащения, ибо все священнослужители обязаны были причащаться. А теперь решили «выгадывать» время. Какое человеческое и недостойное соображение!

Но еще более неуместным является это искусственное включение проповеди перед Причащением по смыслу самой



литургии: люди всецело приготовились к Причащению Агнца, пришли в сокрушение и смирение, все в ожидании, еще несколько минут, обычно не более пяти-десяти, даже меньше, и они приступят... И это время хочется и должно занять только «Единым на потребу» – «Единым Святым», Причастием.

И вдруг выходит проповедник и начинает говорить!

О чем? О чем бы ни говорил, мало что найдется соответствующего моменту, ибо почти никогда не говорят о Причащении... Даже очень немногие говорят вообще-то о Боге, о Христе Спасителе, о Святом Духе... Даже далеко не все говорят о грехах и святости, о покаянии, о благодати... А поднимают вопросы морального характера, иногда же говорят на «общественно-политические» темы, и в лучшем случае на общеизвестные нравственные вопросы о любви, о смирении; на чтении Евангелия.

И человек, до такой степени приподнятый на высоту духовного напряжения всем предшествующим ходом литургии и ударенный по сердцу словами о «Святых», вынужден вдруг сразу оторваться от всех своих мыслей, чувств, переживаний! Он должен поистине с Неба спуститься на землю; снизиться до вещей, о коих он давно уже пропел с клиросом: «Всякое ныне житейское отложим попечение». Нет, его насильно опять вовлекают в них!

Объяснить это можно: это и равнодушием мирян, стоящих в церкви, и нечуткостью священнослужителей, позволяющих подобные явления. И те и другие недостаточно отдают себе отчет в совершающемся на литургии. Перестали мы понимать самые существенные в христианстве вещи! А еще и тем, что, увы, теперь нет причастников. Скажут: «Со страхом Божиим...приступите»... И никто, или очень мало «приступает». А потому и не готовятся, а потому и не ощущают режущего несоответствия «слов» с величайшим священным действием момента.

Мне еще в России пришлось слышать скорбную мольбу от одной христианки, городской учительницы, сестры видного писателя: «Нельзя ли было бы не говорить в этот момент проповедей? Они буквально вырывают душу из литургии!» И за

границею приходилось выслушивать подобные же замечания, даже по поводу каких-либо назидательных отрывков из нравоучительных книг: слишком уж все это отвлекает от момента!

Конечно, иное дело, когда, например, батюшка отец Иоанн Кронштадтский выходил с Чашею и тут сначала говорил слово. Но его «слово» было тоже священнодействие. И притом он говорил о том и так, что подводил именно к Причастию, или ко Христу. Напрягал сокрушение или покаяние во грехах и надежду на милосердие Агнца... Тогда он входил в тон момента и лишь доводил его до высочайшего напряжения. Я лично видел это. Но это было лишь в случае так называемой «общей исповеди» его. А в другое время и он говорил поучение в конце литургии, по обычаю.

Однако его пример совершенно исключительный. Другим священнослужителям он не под силу: они своими проповедями, даже если бы стали говорить об Евхаристии, только ослабили бы настроение у причастников. И Церковь мудро поступила, что здесь не положила проповедей, а подобает петь «причастны», как это называется.

Но чем же тогда «занять» души?

Не менее часто, а теперь, увы, это вошло почти в обычай, тут поют «концерты». Но если проповеди здесь неуместны, то про пение, да еще и концертов, и говорить бы, казалось, не стоило. И однако никто, никто и не думает о полном несоответствии моменту «концертов» мирского театрального характера, услаждающих слух музыкальными «номерами», не имеющих никакого отношения ни к Евхаристии, ни к Причащению, ни вообще к литургии, а совершенно случайного типа: что регент захочет или что нравится «публике»...

Боже, Боже! И никто, никто не страдает от этого!

И тот же самый хор, который на Херувимской звал нас отложить всякое житейское попечение, даже и хорошее, теперь вводит «концертами» (показательно и самое слово-то!) прямо в театр. Конечно, это, к счастью, говорится про города, а не про деревни.

И, однако, что же делать? Устав, как мы говорили, знает здесь лишь одно пение, так называемые «запричастны». «Запричастен» – это короткий стих: на каждый день особый, сообразно памяти святого или празднику. Например: «Творяй ангелы Своя духи и слуги Своя пламень огненный», или: «Чашу спасения прииму и имя Господне призову», «Спасение соделал еси посреде земли, Боже», и т.п. И эти краткие стихи, «причастные», – то есть когда причащаются в алтаре, или пред причащением общим, поются на особые распевы, весьма тягучие. Такой «причастен» почти совсем не отвлекает причастника от его внутренних подготовительных переживаний... Но по правде должно сказать: и не помогает. Разве что «не мешает», а у не-причастников «занимает» время, не выводя их из религиозного настроения, ибо напевы совсем не театральные, а серьезно-благоговейные, строгие, спокойные и спокойно-медленные...

Однако и это не есть лучший вид использования данного момента. Самое естественное и в то же время простое, это – читать здесь молитвы к причащению. Пусть даже один причастник, но ради него не причащающимся братьям и сестрам стоит пожертвовать всем, ибо собственно для него одного будет сказано: «Приступите...» Так разрешается просто вопрос... «Но если нет причастников?» – спросит кто.

Тогда лучше исполнять Церковный устав – петь «запричастен». Но только не концерты! Только не политические темы!

А ведь это обычаи совсем не древние: им не более 150–200 лет!

Но, к счастью, причастники и не обращают внимания на концерты. И мы с вами забудем их, и кончим о Святом Причащении.

Не буду останавливаться подробно на том, что делается в это время в алтаре. Там началась уже вечеря. «Тайная вечеря», таинственная и от очей сокрытая...

Там уже раздробляется Агнец и разделяется священнослужителям. Одна часть Его влагается с дискаса в Чашу, в знак соединения Тела и Крови во Единого Живого

Агнца. Для большей же жизненности вливается теплая вода, «теплота», дабы и на самый вкус было более близкое отношение к Крови, к живому, к Телу... Но Боже сохрани предаваться здесь или вообще когда-нибудь мечтательному воображению физического воззрения на Святые Тайны! Здесь все духовно, все сверхъестественно, все Божественно! Хотя и все реально, действительно, истинно, если хотите – даже «буквально»! А не символично, не переносно, как думают сектанты и маловерующие протестанты и другие. О теплоте, когда она вливается, говорится: «Теплота веры, исполнь Духа Святаго». Здесь все воспринимается лишь «верою», ибо все полно Духа Святого.

И так как Дух Святой есть «Господь Животворящий», то при вливании оживляющей теплоты и призывается именно Его Пресвятое Имя!

Затем из другой четверти Агнца причащаются священнослужители и потом отдельно принимают Святую Кровь, как это и было на Тайной вечери. А остальные две части разделяются по количеству причастников и влагаются во Святую Чашу, дабы быть предложенными людям вместе, в единстве. В древности причащались тоже отдельно, но потом для удобства, и дабы не было злоупотреблений, или ввиду неосторожных действий с Агнцем, Который вкладывался каждому в руку, Церковь установила совместное причащение под обоими видами одновременно, преподал Святые Тайны лжицею в уста.

Время пришло и для Причащения мирян.

Вот мы слышим привычный звук, «отдергивается», или «отнимается» завеса, отворяются царские врата; и диакон с препоясанным еще после «Отче наш» орарем, как приготовленный к удобному исполнению своих служебных обязанностей («диакон» значит с греческого – служитель), выносит торжественную Чашу с Агнцем.

Все очи устремлены к Нему.

«Со страхом Божиим и верою приступите», – громко возглашает слуга Божий.

И вы снова слышите, на первом месте, это слово «со страхом», к которому вы так приготовились предшествовавшими моментами...

А после и «Верую, исповедую...», повторяемое каждым причастником про себя, вслед за священнослужителем. И там опять говорится и о грехах, и о недостойности, и о суде. И теперь люди приступают уже без «помышлений» и без ужаса, а с благоговейным трепетом сердца, ожидающего милости.

В греческих же церквях и славянских прибавляется и третье слово, утешающее, радующее: «Со страхом Божиим, верою и любовью приступите». И приступают дети Божии к Агнчей трапезе.

Кто что переживает в этот момент, невозможно даже и указать: слишком разнообразны души, настроения, подготовка, а главное – безмерно обильная трапеза!

Только одно сейчас нужно сказать, что Церковь считает этот момент блаженным, счастливым, а приступающих – благословенными избранниками Божиими.

Поэтому на приглашение диакона «приступить» лик от лица Церкви и самих причастников поет об этой радости, которой действительно люди «сподобляются»: «Благословен грядый», то есть приступающий к Чаше, «во Имя Господне!»

И как не благословлять, когда «Бог Господь и явился (явился) нам» Сам, и дает Себя в полное общение!

Если радуются люди, даже приступая к простому столу земному, то как бы подобало радоваться, блаженствовать при Пренебесной вечери! И радуются люди! Потому-то и говорят после: «Сподобился». Одно это слово «сподобился». Никогда, ни при каких других случаях не говорят так! После исповеди поздравляют тоже отрадно, но говорят: «С очищением!» А здесь, только здесь: «Сподобился»... И это слово люди взяли из дальнейшей молитвы. Или лучше сказать обратно: внесли свое чувство в молитву: «Да исполнятся уста наша хваления Твоего, Господи, яко... сподобил еси нас причаститься».

И все друг друга приветствуют, поздравляют, целуются. Даже не причащавшиеся и те улыбаются причастникам и поздравляют их радостно.

И мы невольно переносимся к другому праздничному времени, когда тоже и приветствуют, и целуются, и улыбаются, и ликуют: «к Пасхе».

Так оно и есть! Так и понимает Святая Церковь то, что совершается сейчас: после Причащения читаются диаконом тайно следующие молитвы: «Воскресение Христово видевше, поклонимся святому Господу Иисусу... Се бо прииде Крестом радость всему миру. Всегда благословяще Господа, поем Воскресение Его». Потом: «Светися, светися, Новый Иерусалиме!.. Ликуй ныне и веселися Сионе: Ты же, Чистая, красуйся, Богородице, о восстании» Сына Твоего. А третью – о Пасхе: «О, Пасха велия и священнейшая Христе!.. Подавай нам истее (еще более реально, истинно, тесно) Тебе причащаться в невечернем дни Царствия Твоего». Самые светлые пасхальные песнопения. Этим Церковь хочет выразить ту необычайную радость, которую люди переживают только на Пасху.

Но здесь не одно лишь психологическое сходство. Есть большее единство и по существу, дающее это основание так радоваться.

Что происходит? Общение твари с Творцом, конечного с Бесконечным, тленного с Нетленным, смертных с Бессмертным, временного с Вечным, человеческого с Божественным. А это ведет и к соответствующим последствиям, которые можно, кратким словом святого Симеона Нового Богослова, назвать «Обожением». «Имиже (Тайнами) оживляется и обожается всяк ядый же и пий чистым сердцем; Ты бо рекл еси, Владыко мой: всяк ядый Мою Плоть, и пий Мою Кровь, во Мне убо сей пребывает, в нем-же и Аз есмь. Истинно слово всяко Владыки и Бога моего: Божественных бо причащаяся и Боготворящих благодатей, не убо (уже) есмь един, но с Тобою, Христе мой, Светом Трисолнечным!»

«Обожается», «боготворится» человек. Именно это и совершилось во Христе, в Воскресении. Ныне же совершается это с причастниками Его. Поэтому-то во время Причащения лик все время и поет: «Тело Христово Приимите, Источника Безсмертнаго (бессмертия) вкусите».

Потому и на Пасху именно эти же самые слова поются всю Пасхальную неделю: Христос воскрес и через Причащение воскресит и причастников Своих.

Есть и третье сходство – духовное обновление, очищение от грехов, освящение – это воскресение души.

А есть и четвертое – обновление даже и тела чрез Святое Причащение.

Так воистину каждая литургия есть Пасха Христова: смерть разрешается воскресением, сокрушение – торжеством, покаяние – славою!

И это дается не одним лишь присутствующим, но и отсутствующим. И не только живым, но и усопшим. Ибо после причащения всех в храме, в Чашу, ко Христу, влагаются глубоко все частицы, изъятые на проскомидии за живых и усопших, со словами: «Отмый, Господи, грехи поминавшихся зде Кровию Твоею честною, молитвами Святых Твоих».

...И они – причастники, и для них – Пасха.

А в это время певчие поют уже хвальное: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа» (Слава Богу). Но это уже – следующая часть литургии. «Вечеря» окончилась. Брак с Агнцем совершился. Общение с Богом состоялось. Грехи прощены. Новая жизнь влита.

«Се прикоснуса» Христос «устнам твоим, и отимет беззакония твоя, и грехи твоя очистит», – говорит священнослужитель и себе, и другим.

## БЛАГОДАРЕНИЕ ЗА ПРИЧАЩЕНИЕ

Можно сказать, литургия уже кончилась, как кончается, например, обед, царский пир. И хотя «гости» еще некоторое время остаются в доме гостеприимного Хозяина, но это уже является дополнительным действием, или послетрапезным моментом, а самая Трапеза Божия закончена уже.

И понятно, что прежде всего нужно благодарить Господина Тайной вечери, как обыкновенно благодарят и всякого хозяина после угощения.

И можно считать, что все дальнейшие молитвословия литургии являются заключением, и именно благодарственным заключением литургии. Впрочем, и в этой части можно отметить два момента: благодарность и расхождение христиан, или по-славянски, «отпуст», что и вернее по смыслу, как увидим. Так мы дальше и разделим последнюю часть литургии.

«Благодарность»... Нужно ли о ней, о необходимости ее, о естественности, о желании ее говорить? Казалось бы, после такого ожидания и приготовления, после такой милости, какой сподобились причастившиеся, и вообще после такого длинного подготовительного Богослужения в несколько часов, да, именно часов, каковыми являются в сущности все предварительные службы, то есть и вечерня, и утренья, и часы, и затем вся так называемая литургия оглашенных, и даже значительная часть самой литургии верных; после всего этого – может ли не быть и часть последующая? Ответ, по-видимому, предполагается положительный: да, она должна быть! И разумеется. Но вопрос в том, насколько значительна должна быть эта часть? Подготовительная занимала несколько часов. В древнее время богослужение совершалось ночью и непрерывно шло, заканчиваясь Евхаристией. Сколько же времени должен занять теперь конец, заключительная часть? Пожалуй, можно подумать, что конец будет не малый, во всяком случае не будет почти незаметным. И почти все другие службы теперь имеют и свой подъем, и свою вершину, а потом – постепенное уступление. В вечерне конец начинается уже со «Сподоби,



Господи», а там далее: «Исполним вечернюю молитву», стихиры на стиховне, тропарь, сугубая ектения и отпуст. Это все ниспадание. Вершина – вход, прокимен и (если есть) паримии, то есть чтение Священного Писания Ветхого Завета. На утрени центр с «Хвалите» – до Славословия, а затем опять заключение, постепенно убывающее: ектении, отпуст и 1-й час. И опытный знаток богослужения знает, что после великого Славословия психологически оборвать утрени невозможно: слишком много радости было в средней, центральной части, закончившейся поднимающими хвалитными стихирами и Славословием... Даже и 1-й час различно на практике читается: где сокращенная всенощная, там 1-й час «дьячки» начинают с молитвы «Святой Боже», а то даже и с «Господи, помилуй» – 40 раз, и далее. А где служба совершается полнее, там читается весь 1-й час, но с выпуском двух первых псалмов, а прямо после «Приидите, поклонимся» – «Милость и суд». Но где богослужение, как в монастырях, например, исполняется по уставу, почти целиком, там явно ощущается необходимость читать и два опускаемых псалма: есть потребность постепенно, не спеша, успокоиться от подъема, чтобы выйти из храма домой умирненным и ровным, но с полученным богатым содержанием.

А после вечерни есть даже целая особая служба – повечерие, которое даже в монастырях присоединяется к вечерне «кряду», хотя по уставу ее должно бы исполнять, как показывает само слово (повечерие), после вечерни, или вечерней трапезы. (Иногда часть ее, после Богородичного канона, так и переносится за ужин и тогда читаются после конца повечерия еще вечерние «Молитвы на сон грядущим»).

Все это я говорю не даром, а только для того, чтобы оттенить совершенно иной способ окончания литургии: его почти нет! Каких-либо три-четыре минуты и все (о проповеди я не говорю, она прежде полагалась не здесь).

Не правда ли, что это совсем неожиданно: после самого высокого подъема, с коим ни в какой степени не может сравниться не только центр вечерни, но и утрени, после Евхаристического канона и Причащения, и вдруг почти совсем нет соответственного длинного, заключительного, постепенного

уступления! А два-три действия, два-три коротких песнопения, две-три минуты, – и уже «отпуст», расхождение.

Что это значит? Задумывались ли вы над этим?

По поводу этого мне приходили следующие мысли и переживания. Вот как бывает в природе: морские волны все увеличиваются, нарастают, вздымаются, пенятся, доходят до девятой волны, и – сразу рушатся, падают, обрываются. Значит, нет больше сил к подъему. И им даже невозможно уменьшиться постепенно, потому что слишком высок был подъем, слишком круто становилась волна, слишком напряжен был морской гребень. Сил нет больше сдерживать ход волны.

Или вот, собирается гроза. Тучи издалека еще ползут с горизонта. Солнце заволакивается. По местам начинают крутиться вихри. Ветер гонит листья, пыль. Птицы в смятении несутся, думая, что им удастся убежать от вихря, или прячутся по лесам и строениям. Куры нахохлились, петух уже не кричит, а вобрал в себя голову с побледневшим гребнем. Люди торопятся загнать животных во двор, снимают сушившееся белье, закрывают окна в домах и ворота в служебных постройках. Детишкам строго кричат: «Домой, домой!» А сами все со страхом оглядываются в сторону грозы.

Там же творится что-то апокалиптическое: на небе темные тучи ходят горами, точно «живой гнев», и притом – в разные стороны, одни выше, другие ниже. Солнце давно уже спряталось, точно – в страхе. Где-то далеко гремит уже гром.

А на земле, точно гигантские войска, огромнейшие, до неба, столбы пыли, которые страшным ураганом гонятся по полям, по дорогам, по селам, по садам, по рощам. И откуда столько пыли?! И все это мчится, точно остервенелые войска, нагнувшись вершиною столбов. Эти гигантские столбы – самое страшное перед грозой. Я только в России видел это.

Но именно эти тучи и столбы пыли и предвещают конец подготовки: перед самым их приближением на минуточку все стихает.

И вдруг – шум, вихрь, свист, грохот, пыль, солома, листья: ни зги не видно. Все попряталось. Еще одна-две минуты – и

страшная молния и сокрушающий удар грома. Дождь. Опять молния и гром.

Но это уже – разрешилось. Минут десять-пятнадцать ливень.

И глядишь, туча «свалила» синей горою.

А здесь остались догоняющие отставшие на чистом небе облачка. И – яркое солнце.

И почти тихо. Зеленая трава, омытая дождем.

Все выходят. Смотрим сначала на тучу. Кто-то крестится. Все рады. Отворяются ворота, двери, окна. Выбегают куры. Петух победоносно, с высоко поднятой головой, забирается на плетень и, хлопая крыльями, кричит свое «ура». Дети босиком, поднявши свои штаны, бегают весело по лужам.

Гроза кончилась. В природе радость и мир.

... Я слишком увлекся. Но меня удивляет: как все быстро разрешилось, и как после грозы почти сразу наступила ясная прекрасная погода. Отчего? Слишком большое напряжение сил не может долго держаться даже в природе и обрывается. Все уже использовано ураганом!

А теперь возьму пример из жизни человеческой. Долго-долго мучится чем-либо душа, а затем разрешается рыданиями. И сразу легче. Или человек долго сдерживал гнев, а потом «излил» его и успокоил. Вообще сильная напряженность души, как и природы, обрывается быстро. И только когда усилия или подъем бывают еще в средних степенях, тогда они обыкновенно и сходят постепенно.

Перейдем к литургии.

Так и здесь уже были пережиты эти средние состояния на вечерне и на утрени, и «разошлись» постепенно миром.

Но на литургии чувства поднимаются до крайнего напряжения. И разрешаются – «Причащением».

Это и есть обрыв сил. Больше молиться – будут ли это просьбы ектений, будут ли покаянные молитвы, будут ли даже хвалебные славословия празднику или святым, – сил нет; все исчерпано было раньше! И дальше все будет уже бледно, слабо, бессильно перед тем, что уже только пережито. Как

облачный день перед ясным солнцем... И снова скажу: больше сил нет.

И если их еще остается немного, то только для единственного чувства – для благодарения.

Но и это никак не может быть длинным, ибо даже и на благодарение нет сил: все истрачены были раньше. И потому конец литургии почти обрывается: еще три-пять минут, и церковь опустеет.

На деле иногда бывает не так. Обычно тут, в этой части, говорятся проповеди, и притом иногда длинные. Что же касается проповедей, то я уже говорил: их здесь, по уставу, не полагалось; они должны были говориться раньше, в «своем» специально-поучительном отделе подготовительной части службы, наряду с Апостолом и Евангелием, тотчас же после него. А по причинам практическим, ради человеческих немощей, перенесены были к концу.

А если так, то Церковь понимала, что по существу, по ходу литургии, проповеди здесь совсем нет места.

Так и должно быть: после Причащения нет особой охоты слушать проповеди. И священник по опыту знает, что в дни великопостных говений, после общих причащений всей Церкви страшно трудно говорить интересную проповедь. Да и о чем? Если о постороннем, то душа полна только что пережитым и ей будет почти мучительно отрываться от главного, самого важного и самого дорогого: Агнец Божий у тебя в гостях! И говорить по поводу Причащения – это одна из самых трудных и для большинства проповедников непосильная задача! Или будет набор слов, младенческий лепет, или же искусственная напыщенность. Тут даже «златоусты» – и те любили молчание.

Мы видим на деле: как мало проповедей «после» – причастных! Это удивительно, и в то же время понятно: нет сил «говорить». А если и есть печатные поучения, то они довольно бледны и наполнены не тем таинственным восторгом, каким жила душа до и во время Причащения. Пасха была! Ликование! Тайная вечеря с Агнцем! Не место здесь обычным проповедям.

Однако почему их говорят? Иногда люди терпят это, а иногда даже и очень внимательно слушают.

Не будем говорить о влиянии отдельных даровитых проповедников: Златоуста сбегались слушать и после Евангелия, а потом расходились из храма, даже от Евхаристии... А от других выходят из храма, когда выступает проповедник.

Но главная причина неприятия проповедей заключается в том, что мы сами, проповедники, не живем мистикой литургии, а больше нравственными назиданиями. И потому для нас почти все то невероятное богатство, которым живет Церковь на литургии, потеряно...

И слушатели могут быть слабы для религиозных тем и тогда для них «хорошая», «интересная» проповедь бывает даже «вершиной» службы, а среднее или плохое слово – скучно; и народ уходит из церкви, винить его нельзя.

А другая, и еще более важная, причина та, что теперь люди не причащаются. Вот если бы причащались, тогда и они были бы иначе настроены.

Теперь же проповедник знает, что у слушателей еще не было напряжения (иногда и не бывает совсем), и потому он не видит никаких препятствий с их стороны – слушать его проповедь. А если он способный проповедник, то может даже довести их в этот последний момент литургии до подъема, и опять сразу же после этого отпустить из храма.

Но как же сам священник? Переживал ли он литургию как должно? Не всегда, не все. Вероятно, он совершает ее по «заведенному чину», и тогда его состояние не отличается от состояния слушателей: связь между пастырем и паствою – очевидная... А если он действительно переживал Евхаристию, то ему Господом дается благодатная сила, которая и в слове найдет выход. В Пятидесятницу Апостолы, получив Духа Святого и сделавшись «подобно пьяным», взошли тотчас же на кровлю дома, где это было, и стали проповедовать огненно о благодати Духа.

Поэтому можно предпочитать проповеди, которые родятся именно в этот момент. Господь в нас тогда! Тогда проповедник может поделиться тем богатством, которое он сам пережил. А

так как иногда он один сподобляется причаститься, то пусть и поделится от полученной благодати.

Но сам он уже пережил «обрыв» литургии. Сейчас это увидим. Он уже «отблагодарил». Он уже вошел в мир радостного покоя.

А между тем причастники еще не пережили этого. И Церковь идет с ними и заканчивает литургию – благодарственными короткими молитвами. И все это быстро-быстро следует одно за другим: минут пять, не больше.

И потому Церковь только благодарит здесь, а не поучает.

Что же скажет Церковь?

Как мы помним, сначала на Тайную вечерю допущены были ближайшие сотрудники Господа, ученики Его – священнослужители, причащенные в алтаре. Они ранее других окончили трапезу, а потому и ранее благодарят Господина вечера.

Архиерей, причастившись (или священник, если один служит), умывает себе руки и уста, дабы не осталось даже крошек от Причастия; отходит в сторону, по-славянски: «став мало постране Святаго Престола, глаголет молитву благодарения». Почему же в стороне?

Как и после обеда: люди оставляют стол и свое место и, отойдя немного дальше, уже благодарят. Этот естественный образ окончания трапезы так уместен и здесь, на литургии: все окончилось уже. Остается поблагодарить.

А архиерей (или иерей) читает весьма краткую молитву, нужно торопиться, ибо там еще ждут другие, не причастившиеся... Да и не легко длинно благодарить.

Что же он говорит? Очень просто. И после обычного обеда говорят простое и коротенькое: «Благодарю Вас». Длинные речи не пристойны тут.

Так читаем и за литургией: «Благодарим Тя, Владыко, Человеколюбче, Благодетелю», за то, что удостоил, – по-славянски лучше, «сподобил» причаститься «Святых Безсмертных Таинств».

И припоминаешь: «Святая святым», освящение.

И припоминаешь, что это – Пасха, наше воскресение: «Источника Безсмертного вкусите»...

А дальше говорится уже о плодах Причащения: какие благие результаты должно оно принести нам. Но об этом будет последующая особая глава. Отмечу лишь пока, что мы не только благодарим, но и желаем, просим, чтобы нам сия трапеза была на пользу всяческую. Да и что говорить, когда Он Самого Себя дал в «снесь верным» (из службы Великой Субботы)!

Но тогда зачем же просить о благих последствиях? Потому, что мы сами можем быть недостойными даже и после Причащения. И действительно, бывало, как увидим дальше.

Поэтому нам нужно просить помощи от Того же Господа, чтобы и дальше Причащение Его было спасительно нам.

«Благодарим» – во множественном числе; архиерей говорит не только за себя, но и за сослужащих, а иерей (после причащения мирян) за всех говорит. Все едино. Так же и в молитве у святого Василия Великого, только там уже о Тайнах сказано четыре слова: «Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных Твоих Таин»...

Так и у святого Григория Двоеслова два элемента: и благодарение, и просьба о плодах.

Вот священнослужители уже возблагодарили: тайно причастились, тайно в алтаре и отблагодарили. Они уже – в радостном мирном состоянии. Так они будут причащать дальше и других, так молиться, так – и проповедовать. А миряне будут благодарить лишь после литургии. Потому и проповедь, в сущности, врывается клином для них, если они причащались; не связано с существом жизни этого момента. И после придется точно «вспомнить», восстановить утерянную связь: благодарить. И тогда уже получится иное состояние, ослабленное, потому часто причастники и не дожидаются благодарственных молитв. А иногда их и не читают. Да, собственно, по существу, их особенно и не требуется: Церковь, как увидим, в древнем начале литургии положила их немного, а уж впоследствии святые отцы, один за другим, одну к другой прибавляли молитвы от себя, как в приготовлении к Причащению, так и

после него: святые Василий Златоуст, Дамаскин, Метафраст, Симеон Новый Богослов.

В первоначальной же Церкви было иначе. Именно: в первый момент после Причащения поют тотчас же, как только все причастятся: «Аллилуиа, аллилуиа, аллилуиа!» («Хвала Богу» или «Слава Тебе, Боже!»).

Здесь восторг души нашел краткую формулу, как бы счастливый вздох спасенного: «Слава Богу! Ну, слава Богу! О-о, слава Тебе, Боже!»

И в начале после Причащения еще не только не хочется – и невозможно думать. А сейчас, вот сию секунду после того момента, которого ждали так долго и так напряженно, – хочется только сказать «Аллилуиа»... Как жаль, что мы обычно механически, глухо, не слыша душою, произносим это слово! А смысл его такой хороший и простой: «Слава Богу!».

И Святые Дары относят на престол. Сейчас будут все собирать и укладывать («сосуды») на место. Поэтому мы увидим одновременно сочетание двух элементов – благодарения и убирания, – переплетающихся между собою незаметно и быстренько. Диакон отирает частицы с дискоса. А когда нет причастников, это делается для ускорения еще раньше, пред выходом к Причащению мирян. Складывает на дискос воздух, звездицу, лжицу, копие, употреблявшееся при «раздроблении» Агнца причастникам. Покрывает дискос. Одним словом, незаметно все собрал с Божьего стола. Можно уже и отнести туда, где все хранится, на жертвенник или, по древнему обычаю, в «диаконик» – особый придел, где хранились сосуды (на левой стороне от алтаря).

Тем временем архиерей (или иерей) обращается к народу и говорит такие слова: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое...» – и благословляет.

Какие, по-видимому, известные всем слова, и как привыкло к ним ухо; мы даже не улавливаем в них живого, трепетного смысла. Между тем, он очень большой. И я, грешный, когда Бог удостоит причаститься спасительно, глубоко чувствую смысл их, и нередко даже не могу их произнести без слез или



прерывающегося голоса: вот-вот заплачешь, от радости заплачешь.

Почему же трепетны эти слова? Не знаю, что слышат в них другие, но у меня вызывают слезы эти слова, даже одно, собственно, слово: «Твое достояние», «Твои»...

О, Господи! Вот теперь, после Причащения, когда они соединились с Тобою самым теснейшим образом, какой только можно измыслить, или лучше, нельзя было бы и измыслить этого, чтобы Самого Бога принять внутрь не только души, но и тела, во утробу, подобно как и Божия Матерь прияла в момент благовещения в Себя Слово Отчее. Теперь они воистину Твои, потому что Ты Сам в них, а они в Тебе. Сбылись слова, которые Ты сказал при жизни: «Ядый Мою Плоть, и пияй Мою Кровь, во Мне пребывает, и Аз в нем» (Ин. 6, 56). Вот когда люди сделались действительно Твоими! Вот когда они принадлежат Тебе, только Тебе! (иногда любящий пишет любимому человеку письмо и подписывается: «Только – твой». Отсюда можно по апологии сделать вывод и о духовной полной отдачности, принадлежности только Богу. Святой Макарий Великий сравнивает Бога и душу с Женихом и Невестой). Всецело – Тебе. Поистине они – «достояние», наследие, имя Твое! Ну, словом, теперь они Твои.

Это-то и радует мою недостойную душу, когда я, обратившись лицом к мирянам, смотрю на них и говорю Господу: «Твои, Твои!»

Люди стали Божиими. Люди стали «богоподобными». «Общники Божества». Сами «обожились». Стали «боги по благодати». «Обоготворились», – как сказал в молитве святой Симеон Новый Богослов. Что же может быть больше?! И о чем же, прежде всего, и не сказать о мирянах архиерею?!

Но сказать это – «обоготворились» прямо, просто, открыто – чрезмерно высоко, и даже жутко слышать, слишком уж сверхъестественно, это могло бы даже смутить. А душа в этот момент бывает особенно чутка и кротка, и углубленна, и тиха, и собрана, и умирительна... Нельзя ее страшить: она – во Христе, со Христом. Она даже забыла почти себя.

Поэтому к таким драгоценным словам – «Твои» – священнослужитель прибавляет просьбу: «Спаси, Господи, и благослови» их, «Твоих».

Другой смысл в этих просительных «спаси... и благослови» тот, что этими словами говорится и о плодах Причащения: спасении, приятии в Царство Славы, когда будет сказано одесную стоящим: «Приидите, благословенныи... наследуйте Царствие» (Мф. 25, 34). Причащение – залог будущего блаженства.

Еще эти слова – знак любви Божией: кого благословляют? Любимых. И благословение им служит источником милостей от Любящего. Итак, твои они теперь, Господи! Любимые! Благослови же их! И спаси совершенно, во веки! Спаси и сохрани!

Как же это – не трепетные слова?! Легко и слезам быть, когда Господь благодать даст зреть все это. При этом священнослужитель и самым знамением благословения показывает благоволение Божие. Для пояснения приведу пример. Кто-нибудь говорит нам, священникам: «Ах, как хорошо мне! Как радостно!» «Ну, Слава Богу!» – скажем мы, да еще и добавим: «Спаси вас Господи!», то есть сохрани, продли, укрепи, умножь эту благодать, эту любовь, явленную вам. Вот и батюшка отец Серафим так постулат: выйдет к людям, а они рады зреть его. А он им: «Ну, да благословит вас Бог!» Или: «Да благословит тебя Господь, радость моя! Иди с миром!» «Идите с миром, радости мои!»

Вот какой смысл, вот сколько переживаний в этом возгласе: радость за спасение, за Обожение, за принятие людей в звание чад Божиих.

А если причастников нет? Или их мало? Тогда кому же мы говорим: «Твои»? А ведь это постоянно: большинство теперь не причащается, как полагалось бы. На этот вопрос в душе всегда стоит ответ: «Прочие, хоть и не причащались они ныне, тоже Твои, Господи! Верую, крещением, благодатию, смирением – Твои, Твои!»

Что же люди на это? О, мы и не ожидаем! Удивительно ответят они! Припомним: им из алтаря говорят «Святая

святым», а они бессташно с надеждой ответили: «Один Свят Господь». Так и теперь; им сказано – «Твои», они соглашаются с этим. Они принимают этот привет радости и раскрывают его содержание. Прежде говорили только «Аллилуиа» трижды, а теперь уже богословствуют, славословят, хвалят, благодарят, поют известную песнь, которая помещена и в стихирах на Троицу: «Видехом Свет Истинный».

Да, как бы так говорят: мы действительно получили необыкновенные милости, увидели мы Свет Истинный. Что это такое? Припомним в нашем языке такие словообороты: «Ах, свет ты мой», то есть источник радости, блаженства. Свет – символ счастья, в противоположность тьме, печали, горю, несчастью. Или «Свет увидели», то есть избавились от какого-нибудь бедствия душевного, вышли на свободу, обрадовались, вздохнули. И наоборот: «Света не взвидели», то есть так плохо! А здесь поет Церковь: «Свет узрели». И притом Свет Истинный, а не мечтательный, не обманчивый, не прелестный, не вражеское привидение, а настоящий Свет Божий. Здесь уместно вспомнить, что в мистических творениях святых отцов, взятых из истинного благодатного опыта, общение с Божественным Бытием воспринимается в форме именно Света. «Бог есть свет», – говорит и первый Богослов, апостол Иоанн (1Ин. 1, 5), и второй богослов, Григорий Назианзин, в Слове на день Крещения Господня или Богоявления, говорит об этом празднике, как о дне «Светов». После, в XI веке, выясняет это третий богослов, преподобный Симеон (1021). В XIV веке это будет защищать четвертый – святитель Григорий Палама, архиепископ Фессалоникийский: он ревностно станет защищать «Несозданный, Фаворский Свет», или «Божественную Энергию», или Благодать, в коей «познается» и воспринимается Бог.

А в наш век богослов – и делом, и словом – великий подвижник и праведник преподобный Серафим Саровский на себе самом покажет этот Божественный Свет, когда он преобразился пред Н.А. Мотовиловым, объясняя ему сущность христианства, смысл Царствия Божия.

Это уже Небо на земле! Будущий «Новый Иерусалим» уже зрится и ощущается здесь. Новое небо, новая земля. Это уже будущее Царство Славы.

Вот это в начатке и теперь дает Святое Причащение! Поэтому и читается это знаменательное песнопение: «Светися, светися, Новый Иерусалиме, слава бо Господня на Тебе возсия!»

Боже, как все осмысленно и содержательно! А мы мало вникаем. Вот Мотовилов не смог вынести зренья батюшки Серафима... А причастник принимает в себя Самого Света Господа. И как глубоко сказал батюшка про причастников: «И будут все более просвещаться и просвещаться, и по благодати Божией и совсем просветятся!»

Какие глубокие и чудные слова! Самая глубокая и истинная христианская философия! Богословие опыта!

А теперь нам должны будут понятны и последующие слова: «...Прияхом Духа Небеснаго». Приняли благодать. Она-то и есть источник «Света». «Стяжание благодати и есть сущность христианства», – объяснял преподобный Серафим Саровский.

Это есть истинное православие, истинное понимание христианства. Это есть вера истинная. Так и сказано: «Нашли (обретохом) веру истинную».

И все, все это – и вера, и благодать, и Несозданный Свет, – все это для того, чтобы жить в Царствии Божием еще здесь, а Царство Божие суть Царство Пресвятой Троицы, значит все это дано, и мы получили, чтобы жить в Пресвятой Троице. Так и говорилось в предпричастном каноне: «Душою и телом да освящуся, Владыко, да просвещуся, да спасуся, да буду дом Твой, Причащением Священных Таин, живущаго Тя имея в себе со Отцем и Духом, Благодетелю Многомилостиве» (9-я песнь, 2-й тропарь). Это и сбылось воочию ныне. И именно о таком «поклонении Троице» нужно прежде всего помышлять при пении дальнейших слов: «Нераздельней Троице поклоняемся». Но можно присоединить и «познание Троицы», то есть усвоение этого догмата именно через Причащение. В духовном опыте известны случаи, когда люди приходили к узрению этой основной Истины христианства именно через Причащение.

Один писатель открыл о себе, что он вполне воспринял Иисуса Христа как Бога Троицу, только причастившись Святых Таин.

Да, Пресвятая Троица открывается только через Господа Иисуса Христа. Он есть «Слово», или Откровение Троицы. А Господь Иисус Христос явнее всего дает теперь Себя в Своих Тайнах Тела и Крови.

Наконец, это «поклоняемся» есть выражение и благодарения за все полученное. Поэтому на благословение священнослужителя причастники отвечают поклоном головы как знаком благодарности и за полученное уже причащение, и за пожелание своего пастыря, чтобы Бог «спас» их и «благословил».

Но вот что поразительно, – это последние слова стихир «Видехом»: «Та бо (Троица) нас спасла есть». Слышим ли мы это душою? Священник говорит: «Спаси их, Господи! Твои – они!» А они сами совершенно твердо говорят: уже «спасла есть». «Спасла». Мы спасены.

Вот какой поразительный ответ, как я сказал! Сколько нужно иметь внутренней смелости, твердой убежденности, непоколебимой уверенности, смиренного, но несомненного осознания, зрения делом, что «мы уже спасены!»

Да как может быть иначе? Если мы раньше сказали, что и «Свет» несозданный узрели («видехом» – увидели), и благодать приняли, и уже Троице Самой поклоняются, – то какое может быть сомнение в спасении?! Полученное – больше чем «спасение», это уже слава. Поразительное исповедание народа!

Поразительное сознание Церкви! И эти последние слова «Троица спасла» – лишь подчеркивают глубокий смысл предыдущих слов восторга хвалы, заявления радостного получения вещей премирных. Следовательно, и вся эта молитва поразительная!

Не так ли?!

Какое высокое должно бы быть состояние духа у причастников, чтобы осмелиться сказать все это?! Даже жутко теперь становится! Страшные, славные слова! Прежде, когда, бывало, поешь их без надлежащего осмысливания, то спокойно «пробежишь» – и не жутко. А теперь, как подумаешь про самого

себя, что и ты так должен чувствовать, как Церковь ведет нас, то и станет страшно! Но Церковь все же говорит их не смущаясь: значит, так есть! Так должно быть! Так бывает с достойными причастниками, которые приняли Тайны не в суд, а в оставление грехов, во спасение и жизнь вечную. На этом здесь лучше уже остановиться.

В это время в алтаре, как мы видели, готовится окончательное «убирание» святыни и сосудов. Архиерей, благословив и сослужителей (опытно это забывается), берет кадило и кадит пред Чашей, в Коей остались еще Святые Дары, дает диакону дискос и прочее с кадилом; тот несет, а архиерей берет Святую Чашу и говорит, обычно вполголоса: «Благословен Бог», и крестит Ею над антимином. Все – Крестом. Прежде он просил: «Благослови и спаси!» Люди отвечали: «И благословлены, и просвещены, и благодетельствованы, и спасены уже». Что же ему остается сказать, как не эти, столь естественные, прямо напрашивающиеся слова: «Благословен Бог!», то есть: «Ну, в таком случае – слава Богу! Благословен Он, Благодетель!»

Вот после радости – уже и прямые слова благодарения, хвалы, славы. Но их разделят все. Сначала сказал архиерей, продолжает священнослужитель в лице старейшего, который, приняв Святую Чашу от рук архиерея, показывает Ее народу и «глаголет велегласно» вторую дополнительную половину возгласа архиерея: «Всегда, ныне и присно и во веки веков!», то есть Бог благословен всегда...

Подтвердив (или согласившись с ним и архиереем) «аминем» (истинно!), люди в лице лика и сами поют теперь хвалу: «Да исполнятся уста наши хваления Твоего, Господи, яко да поем Славу Твою».

Что же это? Уже как будто они ощущали в себе великие Дары и покланялись благодарно за это Пресвятой Троице? Да, но теперь просится иное: чтобы не только сердцем это ощущать, не только видимым знаком показывать, но уже «устами петь» хвалу. Это иное! И подобает сему быть, ибо Господь «...сподобил еси нас причаститься».

Перед Причащением молились и тайно, и явно: «Сподоби мя причаститься. А священники еще молились тайно: «Сподоби державною Твоею рукою преподати нам Пречистое Тело Твое и Честную Кровь, и нами (через нас) всем людям», то есть: «Нас Сам причасти, как учеников на Тайной вечери, а нашими уже руками всех». Так и было: архиерей, изображающий Господа, сам причащает священников, а они (где служат одни) по уполномочию его, через хиротонию, уже всех причащают. И причастились. И «сподобились». Так и поют теперь уста их: «Сподобил еси нас причаститься».

Но сознание, теперь более успокоенное, все уже растет; и то, что святой Василий Великий сказал в алтаре тайно, теперь поют уже все явно; четыре его слова употребляют и они в этой песни о Святах Тайнах: «Святым... Божественным, Безсмертным и Животворящим».

И также затем просят о плодах Причащения в кратком слове: «Соблуди нас во Твоей Святыни», в святости, освящении, полученном чрез Твои Тайны, следовательно, в «Твоей Святости соблюди нас весь день». И потом снова – привычные слова – трижды «аллилуиа».

Но не все еще поблагодарили и славословили; нет «славы» еще от диаконов. И старший из них говорит малую ектению. Это почти исключение (кроме прошений пред молитвами Пятидесятницы нет другого такого случая), но понятное: «протодиакон», доселе занятый перенесением сосудов в диаконик, освободившись, «исходит» обычно, и говорит малую ектению, которые обычно говорятся «вторствующими». Но протодиакон говорит от лица всех диаконов. И тем более, что момент на сей раз исключительный: благодарение за Причащение. И потому он обращается с приглашением – со всею внимательностью («прости», стоя прямо, сосредоточенно) и «достойно благодарим Господа». И здесь он уже восемь слов подыскал о Тайнах, чтобы возбудить к такому внимательному и достойному благодарению, начав с «Божественных», с Самого Бога (ибо Тайны есть Сам Бог Иисус Христос) «Святых, Пречистых, Безсмертных, Небесных, Животворящих, Страшных Христовых Таин»...

Вот впервые снова промелькнуло слово «Страшных».

Так сначала радость, потом хвала, а вот уже – и страх Божий пред воистину «Страшными Тайнами».

Диакон, на обязанности которого всегда лежит призывать именно к вниманию, бодрости, собранности (Премудрость! Вонмем! Прости!), сумел и сейчас достигнуть этого: и начав со слова «Прости», и умножив определение, и упомянув о «Страшных Тайнах». Так Церковь дошла до восьми слов. А миряне и ничего не говорили, кроме лишь «аллилуиа», а теперь они приглашены диаконом к восьмерице.

В остальных прошениях он тоже просит о плодах Причащения: благодати и «святом дне», как пели и миряне: «Весь день поучатися правде Твоей». Я задумался: почему так мало просят, на один лишь «день»? А не на дольше? Не на год? Не навечно? И мне пришло простое объяснение: в древности причащались люди ежедневно или почти ежедневно. Поэтому завтра они будут снова просить о своем «святом дне». Только диакон и здесь умножает: день совершен, свят, мирен и безгрешен испросивше», всех и все Христу Богу предадим!

Когда восхвалили все, то архиерей заключает теперь, как и всегда заключает ектению, громким последним аккордом: «Яко (потому что) Ты еси освящение наше», наша святыня, наше спасение, «и Тебе славу возсылаем Отцу и Сыну и Святому Духу, ныне и присно и во веки веков».

Ему Церковь устами лика отвечает согласие и подтверждением: «Аминь». Истинно.

Благодарение окончилось. Как мало слов, и как же много сказано Церковью!

Антиминс пред этим свертывается: знак, что все кончается. Вечеря окончилась. И архиерей (или иерей), произнося последний возглас, крестообразно делает знак Евангелием над антиминсом в ознаменование того, что все совершено по слову Евангелия о Причащении и ради Крестных страданий Христовых.

Иногда приходилось мне переживать при этих словах, особенно при слове «освящение», радостное мирное чувство, которое мне хочется назвать «достижением» или «получением».



Это чувство совершенно можно уподобить тому, что бывает после хорошей трапезы, то есть ощущению отрадной сытости. Нечто подобное, но в духовном смысле, испытывал и я, когда спокойно, благодарно говорил эти заключительные слова: «Ты – наше освящение».

«Не хлебом будет жив человек, но и Словом Божиим». И люди по опыту сказали: «Амины! Истинно!»

Все окончилось уже вполне. Отблагодарили Господина вечера. Теперь осталось – уже расходиться.

Пришел последний момент – «отпуста». О нем мы обещались говорить особо. Но это не будет многосложно и долго.

А потом после придется уже говорить о «плодах», так как «Молитвы по Причащении» обычно читаются после окончания богослужения. А в них именно больше всего выясняется вопрос о плодах Причащения.

## ОТПУСТИТЕЛЬНАЯ ЧАСТЬ. «С МИРОМ ИЗЫДЕМ»

Так начинается последний момент литургии. Нужно уже уходить. И хотя Божьим гостям не желалось бы оставлять чертог Пира, но всему бывает конец. И Церковь, собственно, не то хочет сказать, что пора уже уходить. Она желала бы, чтобы чада Ее непрестанно оставались на молитве в храме, с Богом. Какая мать хочет, чтобы дети уходили от нее? Но им нужно уходить, ибо после вечери их ждут будничные дела, неотложные заботы; на время литургии, очистившись в обществе Херувимов и святых, небесные гости забыли житейское попечение... Но теперь снова нужно опуститься к ним на землю. Это неизбежно, пока они во плоти. Да и им самим уж время уходить, ибо духовных сил более не хватает уж.

И теперь Церковь желает лишь одного, чтобы они ушли от Ее пира «с миром». Напряжение было так велико, что естественно желать успокоения. А, главным образом, Дары Божии были так щедры, что и должно, и можно уйти удовлетворенным вполне; в частности, грехи прощены, освящение получено, все есть; можно теперь уйти «мирно». Так и хозяин, провожая гостей со своего пира, говорит им: «Ну, с Богом, счастливой дороги!» Или: «Благополучно добраться!»

Люди на такое пожелание изъявляют согласие, но только они просят «на дорожку» благословить их именем Господним: мы готовы уйти с миром, но «о имени Господнем», то есть, по-нашему, «с Божьей помощью».

В ответ на это священник выходит из алтаря, показывая этим пример выхода и всем, и читает последнюю «заамвонную» молитву, где и призывает благословение Божие всем: миру, Церквам, священникам, светским правителям, воинству и всем людям, потому что и в самом деле все доброе («всякое даяние благо, и всяк дар совершен свыше есть»), сходит от «Отца Света», за что и возносим славу Троице. Люди присоединяются к этому славословию, поя трижды: «Буди имя Господне благословенно отныне и до века».

И в том же смысле читается избранный благодарственный 33-й псалом (обыкновенно опускаемый): «Благословлю Господа на всякое время». В нем есть указание на Причащение: «Вкусите и видите, яко благ Господь».

В это время раздается антидор тем, кои не причащались. Это как бы остатки от Божественной трапезы.

«Званные» гости разошлись. Но осталось еще нечто после них; и домочадцы, слуги, иногда и «нищая братия» пользуются этими «укрухами».

Так и здесь: Самого Агнца некоторые не «сподобились» вкусить ныне, но в таком случае Церковь, не желая их оставить совсем без утешения, раздает им остатки той просфоры, из коей вырезан был Агнец; это и есть «анти-дар», то есть «вместо-дар». Другие же просфоры не имеют такого значения, ибо из них изымались частицы менее важные.

Если мы от святых ценим и их одежды, обувь и т. д., если от преподобного Серафима чудеса творились через кусочки его мантии или даже – камня, на коем он молился 1000 дней, то еще более действенны остатки просфоры, из коей изъят Агнец. Это как бы Его одежда, Его «нешвенный хитон», только разделяемый теперь не солдатами-распинателями, а любящими верующими. А если остатки камня были чудодейственны, то тем более остатки просфоры Агнчей, поэтому верующие принимают ее с благоговением. По уставу разрешается принимать антидор тем, кто не вкушал до этого пищу.

Антидор раздается «всему народу», не причащавшимся – на благословение и очищение души, говорится в службе, «освящен бо есть; и подобает его не ядшим приимати. Аще же кто и мало ядыше или пияше, да не приемлет антидора».

После этого уже говорилось обычно поучение. Но мы об этом говорили ранее. И теперь нужно архиерею благословить на прощание; это он и делает – силою и благодатию Господа: «Благословение Господне на вас».

И творится обычный отпуст.

Сначала: слава Христу Богу, нашей надежде, потом – слава всем Лицам Святой Троицы, и, наконец, опять и опять упование на Христа, Истинного Бога нашего, но теперь уже с Матерью

Его, святыми дня, святыми храма, богоотцами Иоакимом и Анною, всеми святыми. Зачем это упоминание о всех в конце «обедни»? (Прежде ведь вся служба была сплошная – литургия). Мы в храме были не одни, а с Церковью Небесною. И особенно тесно это единение было на литургии, как мы видели. И вот мы теперь уходим из дворца Царя Небесного, а они – Богородица, святые, ангелы – остаются с Ним, как уже Его домочадцы, как «друзья», как «братия», как «сонаследники»; они члены, а Глава их – Христос.

И нам приходится расставаться с ними. Вот устами священнослужителя Церковь как бы прощается с нами от лица Церкви Небесной. Но прощаясь, утешает тем, что они, как ближайшие друзья Христа Бога, остаются с Ним и будут ходатайствовать за нас, земных, и дальше. А потому нужно нам надеяться, что Христос «помилует и спасет нас, яко ...Человеколюбец». И не сказано «Да помилует», «да спасет», а просто «Спасет и помилует».

Вот как надеется на спасение Церкви!

С этою твердою надеждою теперь уже совершенно спокойно могут расходиться земные гости Небесного Пира.

Обычно еще и целуют Крест, как знак любви к Господу, благодарения Ему за вечерю, веры в силу Его Жертвы, и получение благословения уже от Него Самого.

Так и гости, уходя с трапезы, целуются с господином ее или хотя бы пожимают руку его с благодарными словами, а иногда и целуют ее (сербов – старшему в доме все целуют руки).

Все окончилось. Храм пуст. Люди с миром расходятся; «народ исходит», говорится в архиерейском Чиновнике, «идеже хочет, мирно в путь».

Причастники же остаются – должны бы остаться, чтобы выслушать благодарственные молитвы «По Причащении». Об этом будет сказано в главе о «плодах».

А сейчас на короткое мгновение возвратимся немного назад, к последней части литургии...

## СИМВОЛИЧЕСКИЙ СМЫСЛ ЛИТУРГИИ

Мы с детства при толковании литургии приучены стараться усматривать во всем ходе литургии символические указания на целую жизнь Господа Иисуса Христа.

По существу, в этом нет ничего неприемлемого. Но это смысл добавочный, вводный, а не существенный. Это благочестиво-назидательное истолкование действий литургии, имеющих свой прямой и непосредственный смысл, истекающий из понятия «вечери Агнца». Однако и этот символизм уместен.

Когда «ученики» – священники причастились на «Тайной вечери» в алтаре, то они внутренне пережили Пасху смерти и Воскресения, как мы это уже отметили. Но они узнали об этом пока тайно, как немногие апостолы и мироносицы. А потом Господь Иисус Христос является всем. Завеса снимается.

Царские врата отверзаются. В алтаре, как во гробе, Ангелы, священнослужители, или очевидцы апостолы и мироносицы. Выносятся Чаша – Воскресший Христос. Пасха для всех причащающихся. Все кланяются ниц – как и мироносицы Христу.

Затем, по Причащении, Святые Дары относятся в алтарь, то есть Христос скрывается незримо.

Далее, когда нужно относить Дары на жертвенник, архиерей кадит, воздавая поклонение возносящемуся Христу, а потому при этом каждении и произносит слова псалма (Пс. 56:6, 12, 107:6): «Вознесися на Небеса, Боже, и по всей земли слава Твоя».

Следовательно, Церковь сама приписывает и символическое значение действиям, имеющим собственно простое назначение: убрать на место все с престола. А оставшиеся Святые Дары будет «потреблять» диакон, которому это приличествует делать в своем помещении – диаконике, где будут сложены потом и Чаша, и дискос, и прочее.

Когда же священник благословляет в последний раз Дарами, то это знаменует Вознесение Господа, пред которым и во время коего Христос благославлял учеников. А пред этим Он сказал им: «Аз с вами есмь во вся дни, до скончания века,

аминь» (Мф. 28, 20). И священник говорит подобно: «Всегда, ныне и присно» и даже «во веки веков». И, высоко подняв Чашу, идет к жертвеннику, изображая собою облако, поднимавшее Христа одесную Отца Небесного, на Престол Пресвятой Троицы.

И жертвенник ставится действительно – «одесную» Бога, то есть по отношению к Престолу, на коем Господь сидит Лицом к людям (а нам из храма кажется налево).

Архиерей же не несет Святые Дары, а с другими священнослужителями изображает учеников, зрящих на небо, а если таковыми зрящими считать народ, тогда священнослужители изображают Ангелов, явившихся при Вознесении. И тайно, про себя, они говорят: «Вознесите Господа Бога нашего, и поклоняйтесь подножию ногу Его, яко свято есть» (Пс. 98, 5). А там встречает его диакон с кадилом, изображая Ангелов, встречающих Спасителя на Небесах.

Этим закончилось дело Господа Иисуса Христа.

После этого – ниспослание Святого Духа. Это изображается дальнейшим. Ученики с миром и радостью уходят с Елеона в Иерусалим («С миром изыдем»), утешенные «... о Имени Господни» Его обещанием послать Духа Утешителя.

И наконец, последний отпуст, где упоминается Христос, Бог, Богородица, святые и помилованные живые, изображая Церковь, созданную Спасителем чрез Духа Святого на Небе и на земле. Слова же «спасет и помилует» напоминают нам о последнем нашем часе и Страшном суде. Самое же исшествие из храма еще более говорит нам о выходе из этой жизни смертными, то есть «западными», последними вратами из этой жизни. И сначала тело наше возвратится в землю.

## ПЛОДЫ СВЯТОГО ПРИЧАЩЕНИЯ

### *От издателей*

Книга «Плоды Святого Причащения» представляет собой заключительную главу из работы митрополита Вениамина (Федченкова) «Мысли о литургии верных». Эта глава посвящена, говоря словами автора, действию «объективного, не от нас зависящего, а Причастием сообщенного дара благодати». Каково значение Евхаристии для человека и мира, какие переживания испытывает причастник, что происходит с ним в духовном, душевном и материальном отношении? Отвечая на эти вопросы, митрополит Вениамин размышляет о влиянии Святого Причащения на все уровни человеческого бытия. С самого начала владыка представляет своего рода план повествования и далее последовательно излагает свои мысли: «Плоды Евхаристии многообразны и чрезвычайны. Они прежде всего сверхъестественно действенны, затем – таинственно-благодатны, потом дают глубокие духовные переживания, нравственно и даже физически плодотворны, после – общественно важны и, наконец, космически, вселенски действенны».

Данная работа митрополита Вениамина, безусловно, важна в богословском отношении. Однако это не ученый трактат, а живой, яркий, обращенный к самому широкому кругу читателей рассказ о значении Евхаристии, рассказ, который можно постоянно перечитывать, каждый раз находя в нем что-то новое. О сложных вопросах веры владыка говорит просто и проникновенно. Он описывает личные переживания, вспоминает случаи из своей жизни, из жизни знакомых.

О Святом Причащении митрополит Вениамин пишет с величайшим благоговением, предваряя повествование прошением: «Господи, благослови меня коснуться Таин Твоея Литургии, где Ты Сам «и приносящий, и приносимый»". При этом владыка смиренно указывает на субъективность своих рассуждений: «Несомненно, что можно переживать и объяснять все это и с других сторон, – и гораздо глубже, и полнее, и

разностороннее, и даже исторически точнее. Я запишу, что отложилось у меня в результате как некоторого изучения, так и многократных служений Литургии». Думается, однако, что для православного читателя «субъективный» взгляд такого человека, каким был владыка Вениамин, – великого молитвенника, вдохновенного служителя Божественной литургии, самоотверженного пастыря, выдающегося иерарха Церкви, человека огромного духовного опыта, – гораздо ценнее «объективного» подхода «книжного происхождения».

Митрополит Вениамин ставит своей задачей научить нас во всей полноте понимать и принимать величайший Божественный Дар. Говоря о Святом Таинстве, владыка опирается на Священное Писание, цитирует слова подвижников Церкви, приводит примеры из житий святых отцов. Особая ценность этого знания связана с тем, что не всякий причастник способен видеть все плоды Приобщения. «Мы их не зрим ощутительно потому, что очи наши слабы еще», – отмечает владыка. Поэтому и важен для нас опыт Церкви, откровения святых отцов: «...прозорливые святые люди явно замечали благодать. Большею частью она проявляется в просветлении или облечении светом Божиим достойного причастника».

Автор дает и практические советы причастникам: объясняет, как следует готовиться к Приобщению, с какими мыслями надо приступать к Таинству, почему так важно вычитывать благодарственные молитвы, говорит, как должен вести себя тот, кто почувствовал в сердце радость, и наоборот, что делать, если после Причастия человек оказался во власти темных переживаний. Как представляется, книга будет неоценимым пособием для современного, особенно воцерковляющегося, христианина.

Помоги, Господи!

\*\*\*

Что именно, какие плоды дарует Святое Причащение причастникам, об этом естественнее всего искать ответ в молитвах, читаемых по Причащении.

Самый чин этот напоминает нам конец вечерни, начиная с «Ныне отпускаеши» – Трисвятое, «Отче наш», тропари и



кондаки тем, кому принадлежит литургия (Златоусту или Василию Великому, или Григорию Двоеслову) с Богородичным. Затем «Господи, помилуй» двенадцать раз и отпуст. А перед этим читается пять специальных молитв благодарения. Вот и весь чин.

Правильнее было бы сказать наоборот: конец вечерни сходит с окончанием литургии, и, может быть, заимствован отсюда.

Люди причастились Господа. В древности даже принимали Хлеб в свои руки. И это так естественно напоминает нам святого Симеона Богоприимца, сподобившегося взять Богомладенца «в объятия» свои. Потому так уместна здесь и песнь его: «Ныне отпускаеши».

Затем Симеон уходит от этой жизни, и причастники исходят из храма, и для них совершается Богом «отпуст».

Наконец, чувство мира, пережитое Богоприимцем, так близко и причастникам. Симеон мог уже спокойно умереть, приняв Спасителя; и причастникам Святые Дары служат «залогом в Жизнь Вечную». Ветхий Завет превращается в Новый.

Так весьма уместна здесь песнь ветхозаветного старца Божия. А после это песнопение было оставлено лишь на вечерни (для всех), ибо вечер – заход жизни; вечерня более изображает Ветхий Завет, там еще не получена была благодать в полноте. А теперь, после Евхаристии, поется и об этой полноте: «Видехом Свет Истинный, Свет во откровение языков», у святого Симеона. «Да воспоем славу Твою», «славу людей Твоих Израиля». «Нераздельней Троице поклоняемся: Та бо нас спасла». То, что Симеон предвидел лишь как начинающуюся зарю, теперь это сияет уже во всем блеске.

Но все же и его песнь родственна (если же исходить из вечерни, что литургически неправильно, ибо все службы образовались из литургии, тогда можно установить такую связь: в древности служба совершалась ночью, по вечерам, и самое слово было – «вечеря», «вечеря любви». И тогда понятно, что там в конце читалась предсмертная молитва Симеона – на «закате дней»).

Потому она здесь и помещена была прежде для всех, а теперь лишь читается причастникам или одним священником себе, хотя можно бы ее читать и всем непричаставшимся как молитву благодарения, мира и отпуста.

Если так, то, следовательно, некогда был очень краткий заключительный конец и в литургии. Теперь он отпал за отсутствием причастников и торопливостью уходящих...

Остальное понятно: и благодарственные молитвы, и Трисвятое с тропарями; первое – нужно, второе – обычно в конце всяких служб.

Теперь обратимся к смыслу самих молитв.

Отметим лишь самое главное...

И, собственно, мне хочется сейчас поговорить о плодах литургии, так сказать, ощутительных, действительных, реальных. Бывший на трапезе чувствует сытость, удовлетворение, приятность, радость, веселие; ему это на пользу, ему отраднo и самое знакомство с Домохозяином.

Итак, что же дает «Тайная вечеря»?

Плоды Евхаристии многообразны и чрезвычайны. Они прежде всего сверхъестественно действенны, затем – таинственно-благодатны, потом дают глубокие духовные переживания, нравственно и даже физически плодотворны, после – общественно важны, и, наконец, космически, вселенски действенны.

В этом порядке, вкратце, и выскажу мысли молитв.

Многое сказано уже было прежде; теперь лишь дополню и приведу в порядок.

Первое их назначение – сверхъестественное. Приносимый в Жертву Господь Иисус Христос является всякий раз, когда совершается Евхаристия, снова умиловляющей Жертвою пред Отцом Небесным, Ходатаем за поминаемых, за причастников, за молящихся. Это есть продолжение Голгофской Жертвы... Сие – Тайна; но немного можно понять чрез сравнение: Сын Царя за нас пострадал, но живет, как «живая» Жертва за нас, у Отца Царя и просит нам милости. И когда мы вспоминаем день и виды его мучений за нас, то этим умиловляем Отца, «именем страданий Сына»...

Но на литургии не только «вспоминание», но и повторение Жертвы: это уже непереводаемо по аналогии. Но так есть. И в этом самое существо Евхаристии и Причащения: Искупительная Жертва переходит на нас и поставляет нас с Агнцем пред Троицею.

Этим полна вся литургия, начиная с проскомидии: «Жрется Агнец Божий, взяв грех мира, за мирский живот и спасение».

Об этом молимся и в каноне пред Причащением: «Христос есть, вкусите и видите: Господь нас ради, по нам бо (подобно) древле бывый (когда жил на земле), единою (однажды) Себе принес, яко приношение Отцу Своему, присно закалается, освящаяй причащающихся» (9-я песнь, 1-й тропарь). Последствием этой повторной Жертвы является, если сказать просто и кратко, спасение. А это слово включает в себе очень многое: прощение грехов по ходатайству Агнца и, вследствие общения с Ним, освящение, совершение нас святыми, просвещение Божественным светом, Обожение, обоготворение и «залог», надежда (как обручальное кольцо или «задаток» при приобретении) на Жизнь Вечную.

Вот это самое главное.

Поэтому-то прежде всего важно и нужно нам Святое Причащение. Поэтому-то и «заказываются» литургии и за болящих, и за усопших (сорокоусты)... За одного бесноватого святой Макарий Александрийский отслужил 40 литургий, прежде чем тот исцелился, «спасся». Известны многие примеры умиловительного действия Евхаристии за умерших (например, в житии святого Григория Двоеслова, папы Римского, и др.).

Из приведенного примера о святом Макарии выясняется и другая сторона сверхъестественного действия Евхаристии, именно – на темный вражий сверхъестественный мир: Причащение отгоняет дьявола и его слуг. Тот Божественный Свет – Огонь, Который вселяется в человека, опаляет князя тьмы. Поэтому Православная Церковь старается приобщить умирающих, чтобы они безбедно прошли мытарства. И в житиях есть такой пример: один диакон, только что возвратившийся с пути, был против его охоты понужден настоятелем монастыря

служить литургию. И неожиданно после этого скончался. А после в видении явился настоятелю с благодарностью, что он понудил его служить литургию, так как причастившись, он без задержания прошел все мытарства.

Но самый разительный пример этого – правый разбойник: хотя он и не причастился Тела и Крови внешне, но он верно воспринял Жертву Распятого, и попросил Его – даже не ходатайства за себя (для этого он считал себя недостойным: «По делам терпим, – сказал он левому висевшему»), а лишь помянуть во Царствии Своем. И Жертва Христова его, первого, ввела в рай в тот же день Голгофский (см.: [Лк. 23, 43](#)).

Поэтому Церковь и читает в молитвах по Причащении: «...даждь быти сим (Тайнам) и мне ... во отгнание всякаго сопротивнаго», «да ...яко огня мене бежит всяк злодей». «Да будет ми в живот вечный... во оставление грехов» (Причащение), Страшное же и Второе пришествие Твое сподоби мя, грешнаго, стати одесную славы Твоя». «И тако сего жития изшед о надежди живота вечнаго, в присносущный достигну покой, идеже празднующих глас непрестанный, и бесконечная сладость, зрящих Твоего Лица доброту неизреченную».

Таковы первые и самые важные плоды. Мы их не зрим ощутительно потому, что очи наши слабы еще. Но будем пока хотя веровать этому, как утверждает Святая Церковь вслед за Самим Господом и как верует всякий православный, самый простой христианин. «Только бы не умереть без покаяния», – говорят эти немудрые, но благоразумные дети Божии, подразумевая и исповедь, и в особенности Святое Причащение. И преподобная Мария Египетская пред смертью пожелала причаститься «в напутствие живота вечнаго», а до этого сорок семь лет подвизалась без Причастия. И преподобный Серафим также причастился накануне смерти. И к этому же должны стремиться мы все. Поэтому Церковь очень строго карает священнослужителя, если по его вине умерший скончался без Причастия. Поэтому верующие родные весьма мучаются, когда ближние их неожиданно умирают «без Причастия». И наоборот, когда умирают как подобает, то спокойно встречают смерть. В

одном селе умирал старичок-крестьянин. Батюшка причастил его и потом стал успокаивать предсмертного: «Ты смерти-то не бойся!» Умиравший выслушал все и совершенно мирно сказал ему: «Да я, батюшка, и не боюсь» – и тихо скончался.

И сколько таких примеров! В художественной литературе замечательно описано это Толстым в «Детстве и отрочестве» о последних часах няни его, Натальи Саввишны...

А сам он, отступник, умирал мучительно, потерявши самообладание, уйдя от собственной семьи, в чужом случайном доме...

Боже! Сподоби нас «христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны, и доброго ответа на Страшном Судищи Христове», часто повторяет нам Церковь на ектениях... А под «христианскою кончиною» подразумевается непременно – своевременное покаяние с Причащением.

Поэтому как неразумно делают родные, когда медлят или откладывают приглашение священника со Святыми Дарами, боясь «обеспокоить больного»: «Как бы он не подумал, что его положение уже опасно». И еще хуже поступают сами болящие и умирающие, все отлагающие Причастие до «поправления»: «Вот полегчает, пойду в церковь и причащусь». Удастся ли? В моей жизни был пример. Муж утром занемог и говорит жене, что хотел бы сходить ко мне и побеседовать, а разумел Причащение, но боялся «огорчить» жену. Жена же отговорила: «Сердце плохое, увидишь – расстроишься; будет хуже». Остановила. Через несколько часов он снова говорит: «Возьми автомобиль, пошли за владыкою». Опять отговорила. А через несколько часов он вошел в клозет, а оттуда уже не вышел. Разломали двери. А его душа уже отошла. Куда? Так было и с Екатериной II.

Другой случай. Прихожу в больницу. Ожесточенный чахоточный встретил меня злобою и бранью и чуть не выгнал: «Что?! Умирать мне время?! Причащать будете, убеждать? Не хочу! Не признаю! Кто вас звал?! Не желаю и видеть священников!» Несчастный... Помилуй его, Господи!

Но бывают и светлые примеры. Сам видел, как уговорили больного дважды причаститься... И он скончался в мире, хотя

фактически и мучался. Царство ему Небесное!

Итак, самое первое и главное последствие или действие Святого Причащения есть приобщение к Богу, общение с Божественною Жизнью или «общение Духа Святаго» с вытекающими отсюда дальнейшими частными выводами.

Это значение названо мною сверхъестественным.

Наряду с этим я поставлю теперь так называемое «таинственно-благодатное» действие Святых Таин. Оно связано с предыдущим. Под ним я разумею таинственное, но реальное проникновение в причастника Святой благодати. Чтобы приблизить это к более ясному пониманию, возьму сравнение: солнце далеко, но лучи его, достигая нас, проникают теплом внутрь каждой нашей клеточки. А это потом ведет к тем или иным «переживаниям» душевным, о чем мы будем говорить после этого.

Если человек достойно причастился, то мы могли бы увидеть на нем явное действие таинственной благодати, при условии нашей способности зреть это. Но, к сожалению, мы слишком слепы и недостойны для этого. Между тем прозорливые святые люди явно замечали благодать. Большею частью она проявляется в просветлении или облечении Светом Божиим достойного причастника. В житиях подвижников не раз сообщаются эти случаи. Например, про святого Павла Препростого рассказывается, как он видел одних монахов, отходивших от Святой Чаши, светлыми, других, наоборот, темными. И после сообщил об этом братии.

Или рассказывается случай, как грешная женщина подходила к Святым Дарам мрачною, а отошла тоже светлою. И видевший это святой удивился и спросил Господа: «Как это могло случиться столь легко с человеком несомненно недостойным, пред этим обуреваемым греховными немощами?» И получил ответ, что она пред самым Причащением дала решительный обет окончательно оставить грехи свои и Господь даровал ей благодать Свою.

Это действие благодати иногда называется в молитвах «просвещением». И это слово нужно понимать не в моральном

лишь воздействию на душу, а в существенном, мистическом, объективном воздействии благодати на человека.

В некоторой степени это можно наблюдать даже и нам, при всем нашем несовершенстве зрения духовных вещей.

Так, например, видевшие отца Иоанна Кронштадтского за Причащением (и мне дана была возможность наблюдать это) ясно замечали, что он «преображался» в это время.

Вот что говорит о нем один из его многолетних духовных «учеников» и наблюдателей. «По перенесении Святых Даров (с жертвенника) на престол великий молитвенник начинал как бы готовиться к радостному свиданию с Господом и уже не помышлял более о присутствующих в храме... и так молился иногда о них: «Господи... исполни сердце их ныне, в этот день спасения, благодатию Всесвятаго Духа Твоего»... «По Пресуществлении Святых Даров в Тело и Кровь Христовы отец Иоанн совершенно преображался»... По приобщении «быстро просветлялось лицо его»...

О таком просвещении говорил и преподобный Серафим: «Будут просветляться, просветляться все более и просветятся».

И мы замечаем, что после Причащения люди становятся «светлее». Язык человеческий никогда не говорит вещей случайных, несуществующих: и если он говорит о «светлости», то несомненно, что люди давно подметили нечто такое, что нужно назвать именно «Светом». Это есть отображение Света благодати.

В жизни одной семьи был такой факт. Муж был протестант, жена – православная (такие браки разрешались в Западном, Остзейском крае). Она никогда не убеждала мужа принимать Православие. Но привлеченный ее духовной красотой, он полюбил Святое Православие и без слов и доказательств познал его истинность и несомненное превосходство перед полумертвым лютеранством, а потому однажды и заявил жене о своем решении перейти в Православную Церковь. Жена (а она была прекрасной христианской) была очень рада. И между прочим спросила его, как он пришел к этому. Муж объяснил, что она жизнью своею, красотой православного своего духа и даже деликатною молчаливостью по «щекотливым» религиозным

вопросам убедила его более, чем словами. Но особенно она ему казалась духовно-привлекательною, когда возвращалась по праздникам из православного храма. «Когда же ты, – закончил он, – приезжала в Страстной Четверг после Причащения, то мне чувствовалось, будто с тобою в дом входило солнышко; радостным светом сияла и ты, и все вокруг тебя».

После родственники его начали смущать его просьбой не рвать «вековых традиций» их баронской семьи. Он заколебался. Отложил. Однако все же остался при своем желании и присоединился.

Поэтому-то в молитвах пред Причащением и говорится об «Огне», «Угле», о «Свете» благодати: «Да будет ми Угль Пресвятаго Твоего Тела, и Честныя Твоя Крове во освящение и просвещение ... в приложение (прибавление, ибо с крещеными всегда благодать) Божественныя Твоя благодати» (молитва 2-я пред Причащением). Сами Святые Дары у Симеона Нового Богослова потому называются «Боготворящими благодатьми».

Потому-то, собственно, и может вступать тварное существо в общение с Богом, что благодатью облачается: «Божественных бо причащаяся и Боготворящих благодатей, не убо есмь един» уже, после и вследствие этого, «но с Тобою, Христе мой, Светом трисолнечным, просвещающим мир» (молитва 6-я пред Причащением).

Потому и враг отходит, что опаляется Светом благодати: «Да не кроме обрет мя Твоя благодати прелестник восхитит мя льстивне» (у святого Симеона Нового Богослова).

Поэтому пред самым Причащением особенно много (как мы видели) говорится об «Огне» и «Свете»: «Во Светлостех святых Твоих како вниду, недостойный?» «Огонь бо есть, недостойныя пополаяй» (дважды).

Потому еще ранее Причащения и сразу после Евхаристического Пресуществления у святого Василия Великого говорится: «Да обрящем милость и благодать со всеми святыми». Следовательно, причастники по благодатствованию сравниваются со святыми... «Да не моих ради грехов возбраниши благодати Святаго Твоего Духа». Можно различать и «благодать» (милость, дар), и «Духа Святого». Господь да



«...вознисполет нам Божественную благодать и дар Святого Духа» (ектения после канона).

После Причащения читаем: «Даждь быти Сим (Тайнам) ... в приложение Божественных Твоея благодати и Твоего Царствия присвоение (Царство Божие – есть стяжание благодати Духа Святого, говорит и преподобный Серафим). Да во святыни Твоей Теми сохраняемь, Твою благодать поминаю всегда» (1-я молитва по Причащении).

Таково второе значение Причащения – таинственно-благодатное. И оно лежит в основе третьего действия Святых Таин: духовно-нравственного и даже телесного. Этим я хочу сказать, что последующие душевные «переживания», о коих мы будем сейчас говорить, являются не личным нашим измышлением, и вообще не субъективным сознанием, не плодом психологической предварительной подготовки, дум, чувств и переживания, а проявлением, обнаружением, действием объективного, не от нас зависящего, а Причастием сообщенного дара благодати. Это она творит в причастнике все прочее, а не сам он в душевно-естественном порядке переживает...

Это огромная разница! Здесь, собственно, поднимается давний спор «паламитов» и «варлаамитов» об Огне Божественном, о Фаворском Свете, об озарении подвижников благодатию. И Церковь пришла к окончательному выводу, что Свет этот «не созданный», то есть не естественный, не от тварной природы человеческой истекающий, а особо ниспосылаемый Богом, есть Его «энергия», действие (как теплый луч от солнца), есть благодать.

Что это именно так, а не иначе, нам можно проследить даже и по опыту своему, и по наблюдению других. Иногда человек считает себя совсем «не приготовленным», «недостойным», как бы мертвым и потому не ожидает уже ничего для себя от Святого Причащения. И вдруг, вопреки ожиданиям, получает щедрый дар благодати и наоборот. А дальше мы увидим, что, действительно, причастник сам не волен в своих переживаниях, а получает их «извне», не от себя,

а от благодати... Он уже «застает» себя, «находит» в том или ином состоянии, которое лишь потом «замечает».

К этим третьим «переживаниям» мы и перейдем.

Два предшествующих дара нам, непросвещенным, недостаточно зримы и ощутимы. Так называемые «нравственные переживания» лучше разделять на душевные, или, точнее, на «духовные», и собственно нравственные. Эти дары нам более понятны, явны, известны, опытно ощутительны. Духовных «переживаний» много. И в благодарственных молитвах указываются и перечисляются разнообразные действия Святых Таин.

Я отмечу лишь самые главные, более выдающиеся, более постоянные духовные переживания.

Обычно в этом случае начинают говорить о переживании радости. Но я начну с иного по той причине, что это состояние не всегда бывает обязательно; оно для нас, грешных, слишком высоко, хотя, несомненно, и должно было бы быть в идеале.

Конечно, я говорю более о личных наблюдениях и опыте. У других, может быть, бывает и иначе.

Мною же по милости Божией прежде всего и чаще всего, и можно сказать, почти всегда неизменно, переживается такое состояние, которое мне лучше всего хочется назвать именем «разрешения».

Что это такое? Расскажу описательно.

Представим: мы были точно связаны, потом нам развязали путы, и мы освободились... Или: нам трудно дышать, «сдавило» грудь, мы не в состоянии «свободно» вздохнуть, но вот что-то случилось в вашей груди, и вы смогли раздвинуть грудную клетку и «широко», «глубоко» взять воздуха. Или: музыкант играет нарастающие диссонансы, и потом вдруг они «разрешаются» «консонансом», «согласием». Это в славянском прекрасном языке иногда называется «широтой», «пространством», «свободой».

Вот это чувство освобождения, разрешения и даруется тотчас же непосредственно после Святого Причащения. Доселе человек был в состоянии напряжения и от веры, и от покаяния, и от молитвы, и от сознания недостойности, и от страха Божия,

вообще от всего подготовительного состояния. Но наступил момент Святого Причастия, – и все это духовное напряжение «разрешается» благим концом. И это переживание иногда выражается даже и внешне: свободным вздохом, тихим склонением головы к сердцу, как бы отдыхом после усталости.

А душа и ум, естественно, само собой говорят и внутри и на устах: «Слава Богу!» «Слава Тебе, Господи!» Иногда люди тихо отходят от Чаши, крестятся, иногда и заплачут благодарно.

Как понять это переживание? Конечно, вся подготовительная служба способна привести к такому сильному напряжению, которое наконец находит себе исход в этом чувстве – разрешения, отдохновения. Но это объяснение только психологическое, не самое существенное.

Основная же причина лежит в благодатном действии. Именно: человек, да еще падший, есть почти всегда «раб». Если мы послушаем песнопения и молитвы, то очень часто услышим это слово: «Се раба Господня», – говорит Пречистая Дева. «Хвалите раби Господа». «Покой, Господи, души усопших раб Твоих» и проч. Этим иногда выражается подчиненное отношение твари к Господу Творцу; иногда сокрушенное сознание греховности своей, ибо творящий грех «раб есть греха», говорит Слово Божие. Но должно разуметь и постоянное состояние духовного несовершенства вообще, которое состоит в непрерывной борьбе противоположных начал в человеке (добра и зла, света и тьмы, Божьего и вражьего, добродетели и греха). Это состояние и можно назвать еще рабским, не освобожденным. Свободным же становится человек только через Бога, Единого истинно свободного; святые постепенно становятся свободными. А все мы еще рабы. И только в Причастии становимся «чадами» Божиими, Его людьми, Им освобожденными. Благодать Святого Причащения и производит это разрешение, освобождение, выводя причастников в положение «сынов» и «дщерей» из рабов и рабынь. И потому-то если пред Причащением говорится «Причащается раб Божий» такой-то, то после Причастия священнослужитель возглашает: «Благослови достояние», «Спаси люди Твоя». Стали уже чадами, свободными людьми Божиими.

Это же состояние очень близко к сродному другому переживанию, проистекающему из указанного «разрешения» от всего несовершенного, темного, греховного, рабского, а именно – к миру. И они так сливаются, что даже трудно между ними заметить разницу. И этот «мир» большею частью и переживается верующими причастниками. И потому о нем больше говорится и в молитвах: «Да будет мне Причастие в мир душевных моих сил» (1-я молитва по Причащении), «окормляя в мире живот мой» (2-я молитва пред Причащением) и т. п.

И тогда становятся особенно понятными примеры, на которые ссылается святой Иоанн Дамаскин в молитве пред Причащением: разбойника, хананеянки, гонителя Савла, и особенно блудницы и кровоточивой. Готовая к побиению камнями, в мучительном томлении и ужасном окаменении, она вдруг слышит: «И Я тебя не осуждаю. Иди и... не греши». Свободна! (Ин. 8, 11). Была связана и разрешена. Мучалась и обрела покой.

И пример святого Симеона Богоприимца, молитва которого и читается по Причащении: «Ныне отпускаеши раба Твоего»: теперь могу и умереть спокойно, «видел спасение людей и славу Израиля». Связанный многолетним ожиданием, он теперь получает разрешение, отпущение «с миром». И это есть начало «присносушного покоя» (1-я молитва по Причащении).

Таково и теперь действие благодати. Об этом благодатном «сыновстве» особенно много говорит святой апостол Павел в Послании к галатам, убеждая не менять ее на рабское «подзаконное» состояние.

Вот откуда это «разрешение» и «мир»: от освобождающей благодати Святого Духа, даруемой в Святом Причащении. Она нас делает «сынами по благодати», «сонаследниками» Христу, «чадами Божиими»... «Где Дух Господень, там свобода» (2Кор. 3, 17).

И тогда последняя «отпустительная» часть литургии, начинающаяся словами «С миром изыдем» и вообще успокаивающая, включительно до уверения нас: «Помилует и спасет ...яко ... Человеколюбец», становится еще более

понятной, чем прежде: разрешение, свобода, мир и надежда суть Дары Святых Таин.

И если только одно это переживает причастник, то и того слишком много, чтобы «тепле от души» благодарить Бога троекратным «Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже! Слава Тебе, Боже!», с чего начинаются благодарственные молитвы.

И я большею частью наблюдал именно подобное состояние у причастников: духовную тишину, умиренность, примиренность, удовлетворенность и самособранность. Получившему мир не хочется чем-либо расстроить его, лишиться его, и потому он уходит внутрь себя, в духовное молчание, в охранение Святыни своей. Я знал одного иеромонаха (окончившего жизнь молодым епископом), который после Причащения старался даже не иметь общения с людьми, даже не ходил на общую трапезу. После же литургии он, нагнувшись и точно собравшись в себя, шел к себе в келлию и молчал, храня полученный Дар Освободителя Бога Духа.

И, наоборот, одна причастница, проведя вторую половину дня в мирском веселье, разговорах и шутках (даже, как говорится, «невинных»), к вечеру со слезами горькими плакалась, что она лишилась того духовного Дара, который получила и ощущала ясно после Причащения. Она, следовательно, опять почувствовала себя опутанной сетью греховной, вражьей, сделалась «рабой», потеряла детское, свободное, благодатное состояние. Но рассмотренное настроение еще не есть верх: более достойные или смиренно-покаявшиеся, или по милости Божией незаслуженно-одаренные, испытывают нередко и радость. Обычно ее и принято ждать себе от Причастия или видеть в других причастившихся. Об этом писалось раньше, когда разъяснялось сходство Причастия с Пасхою и говорилось о воскресных молитвах: «Воскресение Христово видевше», «Светися, светися», «О, Пасха велия и священнейшая».

И в молитвах после Причащения часто говорится, что Причастие есть и должно быть путем к будущему блаженству, «идеже празднующих глас непрестанный и бесконечная сладость зрящих» Божия «Лица доброту (то есть красоту)

неизреченную», ибо Он есть «истинное желание и неизреченное веселие любящих» Его. И это состояние радости уже теперь переживается, должно переживаться: «...Буди же ми благодарение (Евхаристия, Причащение) сие в радость, здравие и веселие» (молитва 4-я по Причащении). А диакону, при благословении его на потребление Святых Даров, архиерей (или иерей) говорит: «Исполни радости и веселия сердца наша», Христе Боже. В молитве же святого Василия Великого на тот же момент говорится, что мы уже «наполнимся Безконечныя Твоя жизни, уже насладимся неистощаемыя Твоя Пищи».

И достойные причастники знают эту радость Божию. Но все ли? Всегда ли? Да, отец Иоанн это знал постоянно. Но это знают и простые люди. Всегда отраднo видеть причастников: благодать радости изливается от них и на других.

Уже писалось, как сладко произносить после Причащения благословение на людей: «Спаси, Боже, люди Твоя и благослови достояние Твое». Как иногда слезы радости не дают возможности даже выговорить эти слова.

И особенно помню один пример из ученической жизни. Я был духовником и законоучителем в Кадетском корпусе... После Причащения однажды пришли ко мне двое юношей, лет по 16–17. И как только я увидел их, я сразу сердцем ощутил такую тихую радость в них, такое мирное блаженство, что мне показалось, будто ко мне вошли не люди, а Ангелы. Да, такая мысль, такой образ промелькнул у меня в душе. И вот какой был разговор, записанный в другом месте, но хорошо памятный мне и сейчас.

Подошли под благословение. Я пригласил их сесть.

– Вы что пришли?, – спрашиваю я, намеренно скрывая свою радость и ласку.

– Так, Владыка, посидеть.

... Боже, как это было хорошо, светло, мило, детски...

– Как себя чувствуете?

– Хорошо! – тихо говорит один.

– Как под Пасху, – вдруг добавляет другой.

Я поразился этому сравнению Причащения с Пасхой: научить его никто не мог! Явно, что он сказал лишь о том, что у него тогда было на душе. Предпасхальная радость, то есть не бурная еще, как бывает на самую Пасху, а тихая, как бы заря Пасхи...

– И за что это дал Господь, – продолжил первый, – всего лишь только за покаяние одно!

«Воистину, – подумал я, – из уст младенцев и ссущих совершаешь хвалу Себе, Боже!» И сейчас мне хочется плакать от умиления, и плачу...

И что еще поражало, удивляло меня: они, не сговариваясь, продолжали мысли один другого. Что это значит? Откуда такое единство? Будто в них двоих была одна душа... Да так оно и было: Единый Христос, «раздробляемый и неразделяемый» и «причащающихся освящаяй», был тогда в них обоих. Благодать Святого Духа была едина и утешала их вместе. Это было поучительное и умилительное свидетельство объединения в благодатном Причащении Святых Таин.

В знак этой радости причастники обыкновенно одеваются в лучшие одежды, а женщины – иногда в белое, как и на венчании. Девушки бывают с раскрытыми головами, что говорит одновременно и о радости, и о той «свободе», и о девстве, чистоте.

Дополню это лишь одним примечанием, которое недавно было замечено. В молитвах есть указание на то, чтобы Причащение было в избавление от скорби. Как это? В самом простом и прямом смысле: если на душе есть какая-либо грусть, мука, томление, беда, ожидание несчастья и т.п., то нужно притекать к Источнику утешения, к Духу Утешителю, к «Богу утешения», что больше всего подается в Святом Причащении.

Пусть эта скорбь не связана даже со грехами, с сокрушением, пусть даже источник ее не в нас, а в других, но если человек ощущает страдания, то ищи радости в Приобщении.

Мне такие примеры известны. Между прочим, однажды пришла пожилая женщина с просьбой исповедаться и

причаститься. А время было не принятое: не пост и не говение. Я спросил: почему она этого хочет? Она объяснила, что у нее очень тяжело на душе: сын заявил, что он ни во что не верит, и это ее страшно мучает. Она не плакала, но от этого горе ее казалось еще тяжелее. А грехов своих не было. И конечно, я с радостью пошел навстречу. И мать нашла успокоение. После я и другим стал советовать такой же исход: как – горе, так – к Причастию.

И потом мне стали понятнее слова ектении после пресуществления, где говорится, между прочим: «о избавитися нам от всякия скорби, гнева и нужды»... И эти слова сказаны сразу после предыдущего прошения о ниспослании через Евхаристию благодати и Духа Святого.

Утешитель снимает с души печаль.

И в каноне ко Причащению молимся: «Да избавлюся от страстей, и врагов, и нужды, и всякия скорби» (песнь 7-я, тропарь 2-й).

Также и отец Иоанн пишет, что он всегда находит утешение от скорбей в литургии.

Но наряду с этим, иному может показаться странным, как в тех же молитвах по Причащении говорится о переживаниях, будто совсем противоположных, – печальных: о слезах, о сокрушении, о страхе. Например: «Содетелю мой ...всего мя спригвозди страху Твоему» (молитва 3-я). Или: «Милостиваго Бога любоблагоутробная (горячо, сердечно любящая) Мати, помилуй мя, и даждь ми умиление, и сокрушение в сердцы моем, и смирение в мыслех моих... и подаждь ми слезы покаяния и исповедания» (молитва 5-я).

Как может сочетаться такое слезное, сокрушенное состояние не только с радостью, но и с миром?

Ответ простой, и для понимающего жизнь духовную давно известный, и теперь всякому живущему такими настроениями понятный. Дело в том, что есть разные слезы и разное сокрушение: есть и сладкие слезы, и утешающее сокрушение. Про отца Иоанна Кронштадтского пишется: «Батюшка всегда приобщался очень долго, со слезами». Но тотчас же прибавляется нечто совершенно необычайное: «Радостный,



счастливым, он, складывая ладоши рук своих, незаметно побивал ими в своих быстрых и нервных движениях и всегда оканчивал службу свою торжествующим». Слезы, ладоши и торжество – все вместе...

Значит, возможно сочетание таких настроений.

И про многих молитвенников приходилось читать, что они причащались со слезами.

Между прочим, про одного недавно скончавшегося подвижника – епископа Сербского (Мелентия) – в отрывке из его дневника пришлось прочитать: «Горе мне: ныне я служил литургию без слез». И святой Симеон Новый Богослов перед Причащением говорит: «Воздыхание слышиши: не таится Тебе... ниже капля слезная, ниже капля часть некая». А если причастник так настроен пред Причастием, то очень легко ему плакать и после него, даже смешивая слезы с радостью.

Слезы бывают и очень радостные: кто не знает слез от радостных встреч? Или кому неизвестны слезы благодарности за спасение?!

И после Причащения слезы всегда сладостны. Даже скажу более: они нередко – гораздо слаще, чем поверхностная радость. Это известно по опыту. Вера вообще «трогает» душу. И истинное, живое молитвенное общение с Богом почти всегда «умиляет» сердце молящегося. Святой Ефрем Сирин непрестанно плакал, но он от этого получал такую радующую благодать, что душа его уже не могла выносить, и он просил Господа: «Укроти (останови) ми волны благодати Твоя».

Есть, следовательно, слезы счастливые!

А в Причастии это богообщение достигает вершины своей: и потому блаженным слезам несравненно легче зародиться и политься. Иногда человек не может без волнения и слез даже произнести самых слов: Бог, Отец, Сын и Святой Дух, Христос, Богородица и проч. А здесь тесное общение с Богом! Здесь – явление Воскресшего! Здесь Пятидесятница! И живая вера здесь достигает такой высоты, как никогда... И никакие другие службы не могут сравняться с литургией ни по глубине, ни по напряжению, ни особенно по живому богообщению, по явлению Бога нашей душе.

Вот первая причина слез: обрадование сердца Самим Господом Христом в Его Причащении нас.

Но есть и иные слезы – покаянные, сокрушенные. И это можно переживать и переживается. Никогда человек не видит себя таким недостойным, не зрит так ясно своего раствления, как именно перед или после Причащения: «От скверных устен, от мерзкаго сердца, от нечистаго языка, от души осквернены, приими моление, Христе мой, и не презри моего безстыдия» (бесстыдства). «Не возгнушайся меня, Слове... да пребудеши ... со мною треокаянным», – говорится в молитве святого Симеона Нового Богослова.

Какие страшные слова! Какое покаяние!.. А ведь это говорит пред Причащением великий святой о себе, Симеон Богослов... Что же нам?!

И когда человек причастится, то как не пойти еще большим слезам, что он, «треокаянный», удостоен такого Общения?! И тогда это будут слезы благодарности от недостойного, но удостоенного незаслуженной милости.

И то «разрешение», о коем я говорил в самом начале, найдет себе исход не только в свободном вздохе, но и в облегчающих душу слезах.

Так накопленное горе иногда разражается «разрешающими» рыданиями. И если человек в горе «закаменел», то это плохо; но когда он наконец заплакал или зарыдал, то отчаяние его прорвалось. И ему будет легче.

И мы знаем такие слезы при Причащении: слезы по милости Божией.

Таким образом, и слезы радости и слезы благодарности есть в сущности выражение все же радости.

Но не о них лишь говорится в молитвах, а о сокрушительных, о покаянных слезах, соединенных и со страхом Божиим.

И действительно, они бывают. Много раз приходилось переживать, как после Причащения обостряется до высшей степени зрение своей греховности, своего раствления, своего несовершенства. Не буду даже объяснять, как и почему. Но это бывало не раз. Видишь себя таким, каков ты есть на самом

деле. И тогда невозможно не плакать о своем убожестве. Да, ты сподоблен милости. Но именно милости, а милость дается заслуживающим наказания. И потому чем более милость, тем сильнее сознается твоя виновность. Свет сильнее подчеркивает тьму. И Святое Причащение как бы осветит бездну души твоей.

Был такой случай. К Оптинскому старцу Амвросию не раз приходила одна женщина, его духовная дочь. И однажды она заявила ему, что чем дольше живет, тем все хуже становится: стала видеть в себе столько и таких грехов, сколько и каких она не замечала раньше. А он ей велел стать у окна и посмотреть на луч солнечный: «Видишь, сколько там носится пыли? Это ее осветило солнце. А не будь луча, казалось бы, что в комнате будто воздух совсем чистый. Так и в душе твоей: все это было и раньше, да только ты не видела, а теперь благодать Божия осветила ее, и ты узрела себя. Не смущайся, а Бога благодари за это. Начало спасения – увидеть свою нищету духовную, как и Господь сказал в первой заповеди блаженства: «Блаженни нищие духом, яко ваше есть Царствие Божие» (Лк. 6, 20).

В подобном состоянии могут быть слезы смиренного сокрушения или покаянные. Но и об этих слезах не должно думать, что они доставляют муку. Покаяние вообще есть состояние более отрадное, чем болезненное. Покаяние есть радостное страдание. Есть так и называющийся «радостотворный плач». В покаянии больше отрадного, чем прискорбного. Больше – самое страдание доставляет духовную радость. Это по опыту все мы знаем: вспомнить, например, сладкие облегчающие слезы при исповедях или без них, но когда бывает сокрушенное сознание своей греховности и вопль о помиловании, и тогда слезы облегчают и радуют. Поэтому они называются умильными слезами, от слова умиление, корень которого – мило, милость... А умиление, по определению преподобного Иоанна Лествичника, есть именно скорбь, растворенная радостью.

Эти слезы умиления или радостного сокрушения и бывают иногда после Причащения. И они настолько желательны и полезны, и отрадны, что Церковь, как мы видели, даже молится

о них. И если они бывают, то должно их почитать особою милостью, даром Божиим...

Из своего недостойного опыта знаю, что иногда бывало такое поразительно ясное видение своей греховности после Причащения, а потом и сокрушение, какого не переживал даже и на исповеди, и тогда слезы неудержимо катились из очей, омывая, очищая и освящая ее (душу).

Но тогда эти слезы были не мучительными, а облегчительными.

Подобным образом иногда бывали они и на исповеди...

И если человек совершает литургию искренно и покаянно, а с другой стороны, зрит Божию милость к роду человеческому и ощущает за нее благодарность Спасителю, то слезам тут не трудно быть. Однако и опять скажу: они не столько плод наших переживаний, сколько действие благодати.

Что касается «страха Божия», о коем мы упоминали наряду со слезами, то он является плодом того же сознания своего недостойнства, с одной стороны, и познания величия совершающегося богообщения – с другой; только здесь сожаление доходит до более высших пределов. Но и страх Божий опять не давит причастника, а только собирает душу его. И это понятно: в нашу душу и тело вселился Сам Владыка мира и Господь Славы. И если в Ветхом Завете даже пророк Исаия устрасился Господа и сказал, что он человек грешный, имеющий уста нечистыя, то более необходимо иметь подобный страх Божиим, «треокаянным», по слову святого Симеона Нового Богослова. И не только до Причащения, но и после него. Господу со страхом служат и сами Небесные Силы.

...И нужно нам жалеть не о том, что такой страх может быть, а, наоборот, о том, что очень многие из нас и подходят и отходят от Святой Чаши бесчувственно. Потому Церковь и заповедует просить у Божией милости этого дара.

Прежде, когда причащались однажды в год, кажется, этого страха Божия было больше, теперь же, когда христиане стали позволять себе более частое приступление, они иногда начинают относиться к этому равнодушнее. А епископ Феофан Затворник на вопрос о том, часто ли причащаться, дал, между

прочим, такое указание, чтобы не было бесстрашия и механического отношения к великому таинству.

И опять нужно сказать, что и страх Божий не есть мука, а, наоборот, в нем-то и содержится, так сказать, способ охранения радости и пользы Святого Причащения, или ограда, или сосуд. Страх Божий есть в то же время и контрольный, проверочный, так сказать, прибор для истинной благодатной радости и для мира и слез. Если нет этого собирающего душу чувства страха, то, может быть, у нас и другие чувства не совсем чисты, святы, благодатны – не глубоки, даже отчасти естественны. А благодатные настроения одновременно и радуют, и отрезвляют, и утешают, и созидают. Еще Царь Давид сказал: «Работайте Господеви со страхом и радуйтесь Ему с трепетом» (Пс. 2, 11).

Чтобы приблизить к нашему пониманию этот «радостный трепет», припомним, с какой подготовкой встречали Божию Матерь преподобный Сергей Радонежский и преподобный Серафим Саровский. А их сомолитвенники даже едва жизни не лишились от общения с Нею. Тварное существо слишком еще слабо, чтобы бесстрашно и беспоследственно вступать в общение с высшим Божественным миром.

Поэтому известны примеры, когда некоторые подвижники отказывались даже годами от Святого Причащения из страха пред недостойным приятием Святых Таин. Из древних примеров Добротолюбие указывает на святого Авву Филимона, который годами воздерживался от Причастия. А в истории последних лет нашего русского подвижничества известен случай, как один инок, Феодор, прежде запятнавший себя грехом, четыре года не позволял сам себе дерзнуть приступить к Святым Тайнам. Я знал одного иеромонаха в Сербии, который сам себе добровольно «запретил» на всю жизнь не только совершать Божественную литургию, но вообще когда-либо касаться и епитрахили.

Теперь становится более понятным, откуда является страх, какое он имеет содержание и к каким благим последствиям приводит он. Между прочим, я отметил выше его охранительное и углубляющее значение. И это нужно принять к самому серьезному вниманию, потому что мы до такой степени

легкомысленны, что можем весьма быстро меняться в настроениях, а тогда нам очень легко погубить Дары, только что полученные и ясно даже пережитые. О, как даже очень часто бывает это!.. Пред Причастием мы покаянны и собранны, и смиренны, и сокрушенны, и плачем, и боимся приступать, но причастились – и тотчас же и мирская веселость, и шутки, и легкомыслие, а иногда даже и хуже того... Мы видели выше, как растеряла одна причастница свои дары только благодаря несерьезному времяпрепровождению. И плакала горько, как евангельская женщина, потерявшая царскую драхму – образ Божий, в ней Причастием только что запечатленный!

...О, как нужно быть осторожным. О, как необходим и спасителен охраняющий нас страх Божий! И враг не дремлет: он почти всегда старается окрасть душу по Причастии.

И что еще иногда бывает?! Сказать прискорбно и страшно: до Причастия человек старается освободиться от грехов или после исповеди не позволять их себе. Но, увы, по Причащении он снова «разрешает» себе все. Такие примеры известны... Боже, помилуй нас!

До какой степени бесстрашия может доходить человек!

Как же нужен страх Божий! Иначе самое Причащение обратится в суд и осуждение...

Вот еще апостол Павел обличал коринфян за бесстрашное приступление к святому Причащению. Тогда бывали «агапы», вечера любви, то есть общие обеды после литургии, и кто мог, приносил с собою пищу не только для себя, но и для других, особенно имелись ввиду бедные. Но скоро начались беспорядки: богатые обособлялись, бедным нечего было есть; одни объедались, другие оставались голодны. За это и обличал коринфян апостол. Если кто приступает с таким настроением к Причастию, он, говорит апостол, против Тела и Крови Господа, т. е. против Самого Господа. За что Господь и наказывает их: кого болезнями, а кого и преждевременной смертью. И этим апостол хочет вызвать у христиан именно страх Божий в отношении к Святому Таинству (см.: 1Кор. 11, 27–34).

Благодать Причастия страхом Божиим сама охраняет себя в причастнике, а через это и его.

Таково происхождение и место страха Божия в ряду переживаний причастника: он естественен и даже очень нужен в душе его.

Но имеет ли он связь с благодатью Божиею, как своим источником? Или только вызывается психологией таинства? То есть опять: происходит ли он от одного ли самого человека или есть и действие Бога, плод благодати? Если да, то как?

В молитвах Церковь приучила нас на все доброе смотреть как на дар Божий. И в конце литургии, в заамвонной молитве, так именно и говорится: «Всякое даяние благо и всяк дар совершен свыше есть, сходяй от Тебе, Отца Светов». А в послепричастных молитвах самое прошение этого дара страха говорит, что человек ждет его не от себя, а молит у Бога: «Содетелю!... Ты Сам всего мя спригвозди страху Твоему». Ясно, что источник его должен быть от благодати, а не от человека. Правда, сознание необходимости, пользы, естественности этого дара, а также и желание его могут исходить и от самого причастника; но получение дается от Бога. И Церковь ставит его в связь с принятием Святых Таин в существо человека: «Пройди во уды моя, во вся составы» и проч., и «спригвозди мя страху Твоему». Это есть плод Причащения.

Как понять его такое происхождение? Свет Христовых Таин осветил ярче греховность нашу, и душа должна затрепетать; но не для того, чтобы отойти от Господа, а чтобы сильнее прильнуть к Нему с мольбой о помиловании, об охране, о том, чтобы Он не ушел из нашей убогой храмины. Здесь сочетаются странно два противоположных настроения: желание отойти от мучающего страха, и в то же время боязнь лишиться Того, от Кого исходит этот страх. Замечательный пример рассказывается в Евангелии. По слову Спасителя Симон с общниками закинул сети и поймал «великое множество рыбы». И апостол пришел в ужас, припал к коленам Иисусовым и воскликнул: «Выйди от меня, Господи! Потому что я человек грешный» (Лк. 5, 6–8). Какое сочетание: «Уйди», – говорит, а сам ухватился за колена Его. Господь и устрасил его, но и влечет к Себе. Так и все мы, грешники: с одной стороны, как хотелось бы

нам, как Петру – разойтись, ибо тяжело нашей тьме пред Светом («глаза режет»). А с другой стороны, знаем, что без Света – гибель, и самое тепло тянет нас к Себе. Так вот и в Причащении Господь Своею благодатью и устрашает, и привлекает. И самым страхом Он хочет лишь сильнее привязать к Себе души наши, а нам дать большую благодать. Ибо как только в страх придет душа, так она становится любезнее к Богу: ведь страх Божий есть напряженное смирение, а смирение любит Господь. И тотчас же Он отвечает милостью. Так именно было и с Симоном. После просьбы уйти от него, грешника, Христос Спаситель говорит: «Не бойся; отныне будешь ловить человеков» (Лк. 5, 10). Так страх привел к слову и бесстрашию: «Не бойся». Симон убоился, и потому сподобился услышать: «Не бойся..». И даже большего.

Так и во Святом Причащении: нужен страх Божий, чтобы не было страшно. То есть, если человек приступает или ведет себя бесстрашно, тогда ему грозит страшное последствие: суд, осуждение, болезни, смерть, даже хуже: впадение в грехи или и во власть сатаны, как то было и с Иудею. И, наоборот, страх наш освободит от грозного «ярого» ока Божия и приведет к милости и ободряющему гласу Его: «Не бойся».

Так сама благодать Божия, как мать, учит всех чад, чтобы им же было лучше, а она могла бы даровать больше и дарованное сохранить.

И воистину, если будет в нашей душе страх Божий, будет и радость, и мир, и свобода духа, и собранность, и углубление... Благодать приумножится.

Но, кроме всего этого, страх Божий имеет особенное значение при дальнейших нравственных действиях благодати как их корень, охранитель, усилитель. К этому мы перейдем сейчас.

Под «нравственными» плодами мы разумеем те добродетели, как принято говорить, к каким ведет вселение в нас Господа, и устранение тех немощей, о чем ходатайствует Само Причастие.

На это в молитвах после Причастия обращено самое большое внимание, что очень легко заметить. Так, в самой



первой молитве по Причащении у святого Иоанна Златоуста читаем после благодарения: «Исправи наш путь, утверди ны во страхе Твоем вся (всех), соблюди наш живот, утверди наша стопы»... Я долгое, долгое время не понимал, почему Златоустом избраны именно эти прошения о поведении, добродетелях или вообще о жизни? И мне они казались даже точно бесцветными. У святого Василия Великого прошения более конкретны, определены, и будто бы нужнее. Но потом понял: Златоуст, как известно, сокращал по возможности молитвы, более продолжительные и подробные у Василия Великого. Сократил он и здесь; для этого он свел к общим, основным прошениям, именно: просит вообще исправить (следовательно, неправый, плохой) наш «путь» духовный, вообще сохранить нашу жизнь (и телесную даже), и утвердить в добром поведении («стопы» – знак хождения, поступков). А из частных добродетелей упоминает лишь об одной: о страхе Божиим, прося его утвердить. Почему? Понятно. Страх Божий – «начало премудрости» (Притч. 1, 7); страх Божий – «корень благих» (молитва святителя Иоанна Златоуста); он – охрана всего доброго. И потому об этой первоначальной добродетели и упомянул Златоуст. Он знал, как мудрый проповедник и педагог, что если будет страх Божий, то будет и все остальное; если есть корень, то вырастет и дерево.

Так и в другой благодарственной молитве («Да исполнятся уста...») говорится вообще о святине и правде: «Соблюди нас во твоей Святине (то есть прежде всего по приобщении Святых Таин, в Святых Тайнах) поучатися правде Твоей».

Но уже у святого Василия Великого подробнее. После общего указания, что Святые Тайны даны нам «во благодеяние и освящение», говорится об отдельных добродетелях: «Сам, Владыко всех, даждь быти нам (в нас) Причастию Святого Тела и Крове Христа Твоего в веру непостыдну, в любовь нелицемерну, в преумножение премудрости» и вообще «в снабдение» (в подкрепление при исполнении) заповедей Твоих.

У святого Григория Двоеслова говорится вообще о сохранении «под кровом крилу» Божия, то есть о благодатном охранении и руководстве, в частности же упоминается лишь

чтобы и впредь, «до последнего нашего издыхания», могли мы причащаться «в просвещение души и тела». Но это можно понимать в смысле общего спасения, святости, благодатного просветления, Божественного Света или освящения (ныне это молитва 2-я по Причащению (Василия Великого), а литургийная молитва святителя Василия Великого совпадает с благодарственной по Причащению).

А в молитвах после Причащения указывается целый ряд благодетельных последствий: вера, любовь, премудрость (молитва 1-я), попаление «всех прегрешений», «освящение помышлений», охранение «от всякого дела и слова душетленного», духовное благолепие («украси мя, удобри»); и вообще: «покажи мя Твое селение Единого Духа и не ктому (более не) селение греха» (молитва 3-я). Или: да «не ктому себе (для себя, грешного) живу, но Тебе нашему Владыце и Благодетелю» (молитва 1-я).

В молитвах же пред Причащением подробнее говорится о спасающем действии Его от грехов и страстей: «Да будет ми Угль... во облегчение... многих моих согрешений, в соблюдение от всякого дьявольского действа, во отгнание и возбранение злаго моего и лукаваго обычая, во умерщвление страстей» (молитва 2-я), в «образ покаяния» (молитва 3-я), и вообще «в стену и помощь» (молитва 4-я Дамаскина).

В других молитвах говорится подробнее о добродетелях: «во исправление жития и утверждение» (в добре), в «возвращение добродетели и совершенства, во исполнение заповедей,.. в напутие живота вечного» (молитва 5-я).

Но больше всего во всех молитвах говорится об оставлении грехов: «Боже, ослаби, остави, прости ми прегрешения моя, елика Ти согреших: аще словом, аще делом» и так далее (молитва 7-я и другие).

В каноне к Причащению тоже часто дается мысль, что Причащение даруется во «очищение оскверненной души», в «устранение от страстей», вообще в бесстрастие.

И постоянно приводятся соответствующие примеры: мытаря, разбойника, Симона фарисея, блудницы у ног Спасителя, кровоточивой женщины, гонителя Савла.

Из всего этого явствует, что Церковь больше всего сосредотачивает свое внимание на нравственном действии Святых Таин: на очищении и прощении грехов и вселении и возрастании добродетелей. Короче, на спасении души, как говорится обычно. Следовательно, так это и должно быть. Так это и есть: «благодать причастия спасает грешников».

И нам теперь нужно бы лишь укрепиться в этой истине на основании наблюдений опыта. Что же он говорит? Мы все причащались; следовательно, эта сторона действий Святых Таин, как самая главная (по крайней мере, количественно) должна быть более явною. Итак, делаются ли люди лучше после Причащения?

Вне всякого сомнения! Прежде всего мы, обычно в другое время недобрые, тут делаемся ласковыми, любящими, даже улыбаемся. Обычно горделивые, самолюбивые, раздражительные, – становимся кроткими, тихими. Нечистота, если только она хочет прикоснуться к нам, вдруг встречает в сердце нашем внутреннее противодействие, возмущение, как бы отталкивается, опалаемая охраняющей благодатию Причащения; ум становится яснее. И нередко люди сначала говеют и принимают Святое Причастие, прежде чем предпринять какое-либо важное решение.

Святой Киприан Карфагенский особенно советовал причащаться мученикам пред страданиями, дабы найти силу в Спасителе.

Подобным образом рассуждал и преподобный Ефрем Сирин, конечно, по опыту: «Боюсь причащаться, как недостойный, но еще более боюсь остаться без Причащения, дабы не погибнуть».

Поэтому установившееся мнение, что будто грешнику невозможно причащаться, есть великое заблуждение, для грешников-то и пришел Господь, для них «во оставление грехов» и дано Приобщение, и посему сюда и нужно прибегать как немощным. Но пред этим нужна искренняя исповедь.

В моей жизни был такой случай. Жизнь меня свела с одним пьяницей, который семь лет без перерыва предавался своей страсти. Дочь привела его ко мне на беседу. В первый раз он

отделялся шутками и смешками, до такой степени заглохла совесть его. Но к концу беседы все же сознался, что его дело плохо. На другой день он пришел уже трезвым, но со страшным зловонием от своей страсти. Я ему посоветовал немедленно же вечером поисповедаться, а на другой день причаститься Святых Таин.

– Что вы, батюшка! – с ужасом ответил он. – Да разве я, такой окаянный грешник, могу, да еще так сразу, приступить ко Господу? Нет, батюшка, я недостойн! Еще бы поговеть вот разве сначала? А то в грех мне будет!

Но я именно спасения от греха-то и искал ему в Самом Господе:

– Грех твой на мне пусть будет, а ты причастись, не откладывая же.

Он послушался смиренно. Причастился с верою. Пить перестал. Нашел сразу место: был портным. Мы с дочерью его радовались. Но опасались возврата страсти; посоветовали ему отправиться на Валаам пожить месяц в этой «трезвой» обители (там вина нельзя было достать). Уехал. Через месяц и я там был. Какое дивное было лицо у Владимира (так звали его)! Светлое, кроткое, умильное, тихое, чистое! Но ему нужно было возвращаться в Петроград, так как за период пьянства он приобрел горловую чахотку. Из больницы он мне писал кроткие письма, страдания свои переносил с полным смирением. И скончался очищенным. Я, иногда поминая его, прошу молиться за меня, потому что видел, как он из грешника сделался, можно сказать, «святым».

А основание этому было положено Святым Причащением после семилетних падений.

Конечно, таких примеров много. Но не нужно искать «особенных» случаев, когда мы видим на постоянном опыте всех причастников, как они делаются лучше и получают силу бороться со своими немощами.

Лишь бы только приступали люди с искренним покаянием.

В другом месте я приводил слова преподобного Серафима об этом, напишу их и здесь, золотые слова! Духовник Дивеевской обители, отец Василий Садовский, спрашивал

совета о монахинях, часто ли им причащаться? И как ему, духовнику, относиться к их немощам?

«Приобщаться Святых Христовых Таин заповедываю им, батюшка, во все четыре поста и Дванадесятые праздники. Даже велю и в большие праздничные дни. Чем чаще, тем лучше. Ты, духовный отец их, не возбраняй, сказываю тебе; потому что благодать, даруемая нам Приобщением, так велика, что как бы недостоин и как бы грешен ни был человек, но лишь бы в смиренном токмо сознании всегреховности своей приступил к Господу, искупляющему всех нас, то хотя бы от головы до ног покрыт был язвами грехов, будет очищаться, батюшка, благодатию Христовой; все более и более будет светлеть, совсем просветлеет, и спасется. Вот, батюшка, ты им духовный отец, и все это я тебе говорю, чтобы ты знал».

«Как духовного отца сестер обители, – пишет далее отец Садовский, – батюшка назидал меня, приказывая быть всегда сколько возможно снисходительнее на исповеди, за что по временам меня многие укоряли, осуждали, даже гневались на меня, но я строго блюду заповедь его и всю жизнь мою сохранял». Угодник Божий говорил еще, продолжает отец Василий: «Помни, ты только свидетель, батюшка, судит же Бог! А чего-чего, каких только страшных грехов, аще и изреши невозможно, прощал нам Всещедрый Господь и Спаситель наш! Где же нам, человекам, судить человека?! Мы лишь свидетели, свидетели, батюшка! Всегда это помни: одни лишь только свидетели, батюшка!»

И еще преподобный Серафим говорил: «Кто приобщается, тот спасен будет, а кто не приобщается – не мню».

Один послушник не хотел причащаться, считая себя недостойным даже и после исповеди. «Мне представилось, – записал он сам этот случай, – что по суду Божию за мое недостойнство я буду сожжен огнем или живой поглощен землею, как только приступлю к Чаше». Прозрев это, преподобный Серафим подозвал его в алтаре и сказал: «Если бы мы океан наполнили нашими слезами, то и тогда не могли бы удовлетворить Господа за то, что Он изливает на нас туне, питая нас Пречистою Своею Плотию и Кровию, которые нас

омывают, очищают, оживотворяют и воскрешают. Итак, приступи без сомнения и не смущайся: токмо веруй, что это есть Истинное Тело и Кровь Господа нашего Иисуса Христа, которая дается во исцеление всех наших грехов».

Лучше этих заветов и слов мы не знаем, и посему с благодарением Богу и Его угоднику великому закончим разъяснение нравственных плодов Святого Причащения.

Перейдем к дальнейшему, а именно к благим телесным последствиям Святого Причащения.

Каждый из нас помнит слова молитвы пред Причащением: «...во исцеление души и тела».

И они повторяются очень часто, так что нет нужды переписывать текста молитв (см. молитвы на литургии святого Василия Великого по Причащению, 1-ю молитву по Причащении и т. п.). Но особенно сильно это отмечается в 3-й молитве по Причащении: «Содетелю мой: пройди во уды (члены) моя, во вся составы, во утробу, в сердце... составы утверди с костями вкупе: чувств просвети простую пятерицу». Здесь разумеется исцеление всей нашей телесной природы, всех членов, чувств, органов, костей (Симеон Метафраст). В молитве 4-й говорится: «Буди же ми... в ...здравие».

В литургии святого Григория Двоеслова говорится о «просвещении души и тела». В 1-й молитве по Причащении – о «благодеении и освящении душ и телес наших». Преподобный Ефрем Сирин, моля о помиловании на Суде, ссылается на то, что его тело чрез Причащение Святых Таин сочеталось с Телом Христовым. И понятно: если мы причащаемся не только духом, но и утробой, то Святое Причащение входит в нас, и освящает именно «вся составы».

Происходит, в некоторой степени, обожествление и тела, подобно тому, как во Христе по воскресении одухотворилась, обожествилась и плоть человеческая.

И если апостол Павел говорит, что опыт жизни показывает печальные телесные последствия от недостойного Причащения – болезни и даже смерть, то должно заключать отсюда и к обратным фактам опыта: о пользе телу. И в самом деле так и есть, так и бывает. Из примеров сошлюсь на преподобного

Серафима. Когда он болел, и начальники монастыря предложили ему лечиться, он отказался, а пожелал только обратиться к Небесному Врачу и к Божественному лечению – Причащению. И получил исцеление. После этого явилась ему Божия Матерь и исцелила его прикосновением жезла к больному месту.

Отец Иоанн Кронштадтский не только по себе, но и по другим примерам свидетельствовал о действии святого Причащения. Перепишу, с его же слов, об одном случае.

«Некто, бывши смертельно болен воспалением желудка девять дней, и не получивший ни малейшего облегчения от медицинских пособий, лишь только причастился в девятый день поутру Животворящих Таин, к вечеру стал здоров и встал с одра болезненного. Причастился он с твердою верою. Я молился о нем Господу, чтобы Он исцелил его: «Господи, – говорил я, – исцели раба Твоего от болезни его. Достоин есть, ему же даси сия: любит бо священников Твоих и дары своя присылает им». Молился и в церкви у Престола Господня за литургией во время молитвы: «Иже общия сия и согласныя даровавый нам молитвы» (тайная молитва после «Единородный Сыне»). И пред Самыми Тайнами, я молился, между прочим, так: «Господи! Животе наш! Как мне помыслить легко об исцелении, так Тебе исцелить легко всякую болезнь; как мне помыслить легко о воскресении из мертвых, так Тебе легко воскресить всякого мертвеца. Исцели убо раба Твоего Василия от лютой его болезни и не допусти ему умереть, да не предадутся рыданию жена и дети его!» – И благопослушливый Владыка помиловал. А то был на волоске от смерти. Слава всемогуществу, благодати и благопослушеству Твоему, Господи!»

Конечно, нельзя нам думать, что исцеление совершится непременно, ибо иным – спасительны болезни. И сам преподобный Серафим сначала болел три года, прежде чем исцелиться. Но если даже этого и не совершается явно, то все равно Святое Причастие действует иным образом на тело, например погашением страстей, во плоти гнездящихся; в облегчение страданий, в укрепление сил к терпению и проч. Поэтому святой Киприан и советовал готовящимся к

мученичеству причащаться Святых Таин, дабы они укрепились в непостижимых муках. Так же поступали и новые мученики в Турции, готовясь к исповедничеству Христа Господа. Так даже в тюрьмах готовились к смертной казни православные в России, такие факты лично мне известны. Одному заключенному предлагали быть тайным доносчиком и тогда ему обещали жизнь. Он отклонил. Бывший с ним в тюрьме священник напутствовал его запасными Святыми Дарами, и тот покойно пошел на смерть. Все это, то есть и исповедь, и Причащение, происходило в углу камеры, около рукомойника. Другой заключенный, К., бывший неверующим дотоле, увидев совершавшееся, вдруг загорелся пламенем веры и подошел к батюшке за тем же. После он оказался на свободе и рассказал о происшедшем.

Последствие Святого Причастия нами переживается радостно и мирно не только душою, но это ощущается и телесно. Как мы успокаиваемся после достойного принятия Святых Таин!

Успокаиваемся и чисто физически; это ощущаем совершенно непосредственно и ясно. Как бы сказать? Точно что-то «влито» в тебя сладкое, утешающее. По опыту знают больные, когда им, например, впрыскивают морфий. Нечто подобное, но, конечно, другого рода, можно испытывать и в теле по Причащении. Наконец, мне однажды в жизни пришлось услышать о необыкновеннейшем последствии Причащения: один молодой юноша, ученик, мой духовный сын, И-в, писал мне после: «Когда я причастился, то я почувствовал, что стал и физически легче весить!»

Поразительное признание! Научиться этому он ниоткуда не мог. Даже мне не приходилось читать об этом где-нибудь, даже не слышал я и не подозревал, а тем более юноша. И, однако, он ощутил это: ясно, что такое действие было плодом не его воображения и мыслей, а переживанием благодатного опыта.

Как это понять? Спаситель после воскресения Своего получил иное духовное тело: являлся и исчезал, входил и выходил при затворенных дверях, питался и ничего не вкушал, и наконец, вознесся на небо с плотию сею, но обновленную.



Причащение есть начало или «залог», или «обручение» воскресения нашего; и в некоей степени и с нами совершается нечто подобное тогда, когда мы причастимся достойно: тело одухотворяется.

Это уже – начало «духовного тела», о коем говорит апостол Павел (см.: 1Кор. 15), начало «нового неба и новой земли, на которых обитает правда» (2Пет. 3, 13), нового грядущего Иерусалима, где все будет ново, где не нужно будет ни солнце, ни луна, ни пища, ни питье, но Сам Агнец будет всем (см.: Отк. 21). Поэтому и читается: «Светися, светися, Новый Иерусалиме!»

Еще не открылось, что будем», – говорит апостол Иоанн Богослов. – «Знаем только, что ...будем подобны Ему, Христу, Сыну Божию» (1Ин. 3, 2).

И апостол Павел был восхищен до третьего неба: «В теле ли, не знаю, вне ли тела, не знаю: Бог знает» (2Кор. 12, 2).

... Между прочим, замечено весьма примечательное и характерное наблюдение: после Причащения не хочется есть «жирного» (особенно мяса, рыбы, масла, молока и т. п.), а что-либо более «тонкое», постническое. И известны случаи, когда причастники не вкушают даже горячей пищи, довольствуясь какими-либо плодами, «постным чаем» и т. п.

Здесь сказывается инстинктивное физическое «сознание» несоответствия «плотского» тому духовному состоянию, в которое введено и тело общением с Богом Господом Иисусом Христом и Святым Духом. Знал я человека, который в день причастия почти совсем ничего не вкушал, кроме постного чая.

И наоборот, когда человек наестся жирных кушаний или вообще объестся после Причащения, он сразу может наблюдать за собою, как гибнет в нем то светлое, тонкое, духовное, что только пред этим он явно ощущал.

Несродные стихии не могут существовать вместе.

Между тем, как часто на практике мы поступаем именно вопреки и опыту, и сознанию: после Причащения не знаем меры пище и питью. И за то теряем и «телесную», и «духовную» благодать Причастия.

Поэтому в «Известии учительном» (то есть в «Наставлении», приложенном в Служебнике для руководства об отношении к святому Таинству Тела и Крови Христовых) говорится о вкушении до Причащения: «Препинает (препятствует) же к достойному служению и Пресвятых Таин Причащению и сие зело ...многоядение и питье вечернее: темже (потому) всяко (всячески) воздержатися от брашен и питий с вечера достоит (должно), или вельми что мало вкусити: от полунощи же конечно (окончательно, совершенно, отнюдь) не подобает вкусити чесого».

«В конец же (наконец), всяк иерей и диакон, имый жену, от смешения ея пред литургисанием воздержатися всяко должен есть неколикия дни, но и по служении дне того: не воздержайся бо и служай тяжко согрешает».

Равно и после Причащения, говорится там же, «в сий убо день да сохранится от излишняго ядения и пития и сна, наипаче же имеяй супружницу от телеснаго совокупления и от всякия плотския любви, ради любви и чести Небеснаго Царя, Егоже в храм и обиталище души своя прият».

На этом даре мы оканчиваем речь о плодах личных, то есть переживаемых и получаемых каждым отдельно, для себя. Но и на этом не останавливается действие Святых Таин. Их значение расширяется гораздо дальше, чем мы думаем. Именно. Причащение имеет общественное и мировое действие; выходит даже за пределы личности. Многие ли знают это?

Сначала скажу об «общественном» последствии благодати Святого Причащения.

Это действие можно рассматривать с разных сторон, прежде всего с «психологической».

Человек, сподобившийся получить благодатные дары радости, мира, покаяния и прочие, никогда не останется без действия на окружающую среду; солнце не может не греть, не светить, не оживотворять. И от причастников благодать Божия всегда в той или иной степени передается и на других. Это можно ощущать без особого труда. Я много раз испытывал эту радость за других: подошел бы к ним да поцеловал бы их ноги... И слезы радости наполняют душу, когда даже и не служишь

литургии, а только видишь других причащающихся. Нагретый солнцем предмет потом греет и другие вещи вокруг себя. Луна светит отраженным блеском солнца.

Далее моральное воздействие. Мы видели, как плодотворно отражается Причащение на причастниках: любовь, кротость, смирение, чистота наполняют их душу. Разве это может остаться без плода для окружающих? И всякий причастник, даже невольно, непосредственно действует на среду нравственно. И свидетель этому опыт: после Причастия все ласковы в доме, тихи, дружны. Короче, Причащение объединяет людей. Вполне поэтому понятно, что причастники целуются у нас или их целуют.

...Этого нигде нет в других Церквах. И епископа после Причастия поздравляют в алтаре все и целуются с ним. А после и миряне между собою делают то же.

Такого единения, как после Пасхи, никогда и нигде более не бывает.

Но источник этого влияния – не только психологическое воздействие, а Сам Единый Господь Единым Духом Святым. Об этом говорит святой апостол Павел, как об источнике и основании к единству христиан: «Я говорю вам как рассудительным; сами рассудите о том, что говорю. Чаша благословения, которую благословляем, не есть ли приобщение Крови Христовой? Хлеб, который преломляем, не есть ли приобщение Тела Христова?» И далее: «Один хлеб, и мы многие одно тело; ибо все причащаемся от одного хлеба» (1Кор. 10, 15–17)

Он Единый, входя в нас, объединяет всех единою благодатию Святого Духа. Это действие благодатно-общественное. Этим объясняется давний пример древних «агап», или вечерь любви. В самом деле: пережитая радость, полученная любовь не могут оставаться спокойно в душе, а будут требовать себе исхода в радостном единении. Для этого и поэтому в древности и устроены были агапы после литургии... Этого хочется и нам теперь. А в Сербии и доселе видел еще остатки общих трапез после Причащения и вообще после литургии, особенно во время престольных праздников.

Правда, скоро обнаружили на этих агапах нестроения, обличаемые апостолом (1Кор. 11), но самая мысль прекрасна и идеальна.

Тем более, что и «физическое» последствие Причащения, «радость тела», может выражаться и в постническом уединении; но может стремиться и к «утешению», о коем мы уже упоминали.

Лишь бы то было в меру. И в таком случае агапы являлись продолжением и заключением блаженного единства в Боге, коим проникнута вся Литургия. Только на агапах было и телесное уже утешение. А кроме того, и духовное творчество находило себе место и выражение: в беседе, в общей любви и т. п.

Поэтому, собственно, Евхаристия и получила наименование литургии, то есть «общего дела», общего действия или общей службы; не от того лишь, что собрались на общую молитву, а потому, что действительно объединялись духом, в Едином Христе Господе.

Далее, действие благодати Причащения есть совершенно сверхъестественное, непостижимо-таинственное, мистически-общественное. Эту мысль мне приходилось слышать не один раз и прежде. «Причащаться за другого». Кажется, это воззрение не могло иметь действительно и серьезного места. Может быть, кому-либо и сейчас это покажется неприемлемым, невозможным. Между тем, мне известны факты такого рода и у взрослых, и даже у детей.

Мне была знакома одна семья, родственная Л.Н. Толстому, и потому заразившаяся его безверием. Но вот наступили бедствия. И дети все оказались верующими. А мать, туберкулезная женщина, не могла переломить себя. Пред самую смерть она все же пригласила священника; и уже склонна была уверовать во Христа, как Сына Божия, но Причащения еще не могла принять. И священник при уходе лишь благословил ее, по желанию ее. Очень скоро потом она скончалась. И вдруг ее маленькому сыну, прелестному умному мальчику 10–11 лет, пришло твердое желание: причаститься за

маму. И он сделал это. И кто научил его? Только внутренний голос Божий.

А недавно я прочитал об этом же и у преподобного Серафима: «Благоговейно причащающийся Святых Таин, и не однажды в год, будет спасен, благополучен, и на самой земле долговечен».

А затем и далее замечательное открытие: «Верую, что по великой благодати Божией ознаменуется благодать и на роде причащающегося. Пред Господом один творящий волю Его паче тьмы беззаконников».

Так детское сердце ребенка и откровение богозрителя Серафима сказали одно и то же.

А в таком случае, сколь же велико, неизмеримо – значение Причащения для общества! Трудно это понять! Даже совершенно таинственно! И не будем пытаться «постигнуть непостижимое».

Разве можно лишь сказать, что человечество неким образом едино. Во всяком случае, оно в Боге объединяется, а чрез Него и друг с другом. А посему доброе от одних передается и на других, особенно на ближайших.

Здесь корень всего заключается в том, что Агнец Божий закалается на литургии «о всех и за вся», «за вся православные Христианы». Поэтому при великом входе и поминаются все, от архиереев до мирянина. И если даже никто явно не причащается Святых Таин, то Жертва Христова пребывает действительно на общество, на христиан, и даже на весь мир. Посему, если пустынножитель и один в затворе совершает литургию, ее значение умиловления Отца Небесного все равно распространяется на тех, о ком она принесена, и даже на всю вселенную.

Поэтому и святой Василий Великий в своих молитвах, которые мы разбирали раньше, молится о всех, о всей Церкви «от конец даже до конец вселенныя, юже наздал (воссоздал) еси Честною Кровию Христа Твоего», молится и о царях благочестивых, и о «лукавых» (злых) начальниках, о судиях и об осужденных «в рудах и в заточениях и в горьких работах» и «ихже мы не помянухом неведением или забвением, или

множеством имен». «Утоли раздоры Церквей, угаси шатания языческие (замыслы злые); еретическая возстаня скоро разори»...Поэтому и теперь, если мы хотим особенно помочь кому-либо духовно и житейски, нужно за них совершать литургию и молиться. В моей жизни бывали такие случаи. И я на опыте видел поразительные, чудесные плоды этого; хотя те люди даже и не знали о том, что служилась за них литургия. Бог же Вездесущий благодатию Своею воздействовал на них, освободив их от действия врага, сковав его злокозненную силу и направив на благополучный путь.

Поэтому нет лучше средства и «против» врагов, как именно принесение за них с любовью Жертвы Бескровной, и молитвы на литургии за спасение их. Так именно и делал святой Василий Великий. Он жил при Юлиане Отступнике и арианине Валенте, и был гоним от обоих. И однако же молился так: «Помяни, Господи, всякое начало и власть ...благия (хороших) во благодати соблюди, лукавыя (же) блага сотвори благодатию Твоею» ... «Помяни, Господи, предстоящия люди и ради благословных вин оставльшихся. Избави ... от ... нашествия иноплемennых и междоусобных брани».

Таково безмерное действие Евхаристии на наших близких, родных, единоплеменников, на отечество, на другие державы – и, просто сказать, на весь мир.

Об этом особенно много говорит отец Иоанн Кронштадтский, который больше всех нас знал о действиях Евхаристии по опыту своему.

Посему мы не сомневаемся в истине сей. Посему Церковь особенно усердно молится об архиереях, о Царях и начальстве (Палате), и воинстве, ибо через них устраивается общество, государство, вселенная.

В заключение, наконец, скажем и о последнем действии Святых Таин – «космическом». Под этим я разумею не то духовное влияние на людей, на общество, на государства, о чем мы только говорили, а о влиянии уже на самый «космос», на природу, на тварь неодушевленную и одушевленную... Боже, как мы мало задумывались прежде над всем этим! Между тем в молитвах все это было. Например, у святого Василия Великого

читаем после Евхаристического канона: «Избави ...всякий град и страну от глада, губительства (мора), труса (землетрясения), потопа, огня, меча ...Посети нас благодатию Твоею, Господи: явися нам богатыми Твоими Щедротами: благорастворены и полезны воздухи нам даруй; дожди мирны земли к плодоносию даруй; благослови венец лета благодати Твоея».

У Златоуста пред самым Причащением читается именно о Святых Дарах: «Ты убо, Владыко, подлежащая всем нам во благое изравняй, по коегождо своей потребе: плавающим сплавай, путешествующим спутешествуй, недугующия исцели, Врачу (Врач) душ и телес наших».

Как видим, Евхаристия распространяет свое действие на всю тварь и природу: и хорошая погода, и своевременный дождь, и урожай плодов, и благополучное путешествие по дорогам, и счастливое плавание по морям – все это получает силу от Евхаристии, от Господа, воплощающегося во Святых Тайнах: Он – с нами и здесь, Он – с причастниками. А с Ним и Петр не утонул, с Ним и Павел из пучины морской три раза спасся, с Ним и теперь дожди посылаются по молитве и после литургийных молений, с Ним и в Новый год о благополучии молимся.

Так широко действие Евхаристии.

И еще больше нужно сказать: мир сам существует лишь до той поры, пока будет совершаться литургия «о мире всего мира»... А когда она прекратится, тогда «силы небесные поколеблются», «луна не даст света», «солнце преложится в тьму». Мир разрушится.

Почему? Потому, что Сам Господь Иисус Христос пред вознесением сказал: «Додеся Ми всяка власть на небеси и на земли» (Мф. 28, 18). А Он Свою власть осуществляет чрез Духа Святого. Благодать же Его преимущественно и наисильнейшим образом действует в Святых Тайнах Тела и Крови Христовых. Здесь Сам Господь Христос! И пока Он с нами и в нас – есть Хранитель мира. И когда откажется от Него человечество, разрушится все. Наступит расстройство, хаос. Будет конец этого мира.

Об этом особенно сильно говорит отец Иоанн Кронштадтский. Приведу здесь одно-два его дивных, восторженных излияния духа: «Я предстою Престолу Бога Вседержителя, Который вверил моей молитве и предстательству Царей и царства вселенной, всю вселенную,... во власти Коего Небо и земля, все стихии – свет, воздух, огонь, вода, и земля, и все плоды земные, суша и море, все животные земные и водные, и Который дал мне право ходатайствовать пред Ним о благообразии воздуха, об избавлении от всяких бедствий, постигающих людей за грехи»... «Польза литургии... неизмерима не только для всей Церкви Православной, но и для всей вселенной, для всех людей всяких вер и исповеданий, ибо Жертва Бескровная и молитвы приносятся Господу о всей вселенной: из-за совершения литургии Господь долготерпит всему миру и милует весь мир, даруя ему изобилие плодов земных, успехи гражданственные, успехи в науках, искусствах, в земледелии, в домашнем хозяйстве, милуя не только человек, но и скотов, служащих человеку. О, литургия чудная, литургия всемирная, литургия Божественная и боготворящая!» И это все из опыта: «В совершении литургии я сподобляюсь бесчисленных милостей от Господа, и не я один, а все люди православные, весь мир – по милости и беспредельной силе Бескровной Жертвы, приносимой на Святом Престоле. Это рычаг всего мира, коим можно подвинуть все народы, племена и языки к Богу, ибо Агнец объемлет весь мир, Агнец, взяв грехи мира, просвещая вся языки к познанию Его. Буди, буди!»

Лучшего подтверждения трудно сыскать даже во всемирной литургической литературе. А отец Иоанн знал, что писал.

И мне остается лишь порадоваться, что я нашел у него подтверждающие места!

Но в народном сознании эта вера в космическую, вселенскую силу Евхаристии существовала всегда. Я еще почти дитятею слышал такое предание: когда совершится последняя литургия, тогда наступит и конец мира.

А недавно пришлось услышать от глубоко верующих людей следующее сообщение: у них в доме оставлены были запасные Дары Тела и Крови Христовых. «И вдруг мы ощутили какое-то



удивительное чувство безопасности. И так продолжалось все это время. И очень жаль, что теперь от нас уходят Святые Дары».

Расширим это на всю вселенную; и нам будет понятно это «чувство безопасности» всего мира...

Недаром же существует множество рассказов о действии благодати Святых Даров и на тварь, и на скотов. Приведу два-три примера.

Про одного священника в Финляндии, слышал я, рассказывали, что однажды его пригласили причащать больного. А на реке (или озере) поднялась буря. Лодочники отказались везти его. А он сказал им: «Не нужно бояться, потому что со мной Святые Дары». Все обошлось благополучно.

И не только на Святые Дары, но даже и на другие просфоры, оставшиеся на проскомидии, исходит освящающая благодать Святого Духа.

В житии преподобного Савватия Соловецкого сообщается такой случай. Один богомolec увидел у дороги пса, который бросался на что-то невидимое в траве, но отскакивал с испугом. Из любопытства он подошел к этому месту и увидел просфору с изъятыми частицами, вокруг которой появлялся огонь, когда пес хотел съесть ее. Подобный случай был в моей жизни. После литургии я по забывчивости оставил в алтаре Церкви две просфоры: богородичную и девятичиновую. Ночью мыши наполовину изгрызли последнюю; но Богородичная просфора не тронута была даже зубами их, хотя обе просфоры лежали совершенно бок о бок. Удивленный, я долго хранил эту чудесно сохранившуюся просфору.

На этом мы и заканчиваем главу о дарах, или плодах Святого Причащения.

## ПРИМЕЧАНИЯ

В дополнение же остается сказать небольшие примечания, известные мне, особенно к вопросу о «переживаниях».

В Оптиной пустыни настоятель скита, отец Феодосий, старец довольно начитанный в творениях отцов, высказал такое утверждение: плоды Причащения иногда проявляются сразу, после приобщения, а иногда некоторое время после, даже на другой день.

Мне лично пришлось сделать следующее наблюдение в этом направлении. Однажды спустя уже два-три часа после литургии я шел по улице сербского городка. Было лето. На улице было довольно пусто. Я шел, ни о чем не помышляя, и совсем не думал о литургии. Вдруг в душе моей сделалось неожиданно так радостно, так отрадно, что я поразился. И, не понимая причин, да их и не было, спросил сам себя: что это значит? Откуда?

И изнутри души пришел сам собою ответ: это дар Святого Причащения! И радость продолжала утешать меня долгое время. На самой же литургии я не ощущал на этот раз ничего подобного. И, конечно, в этом волен лишь Сам Христос Господь.

И вообще в Его Божественной воле давать тот или иной дар, или не давать его. Он есть воистину Господь, Владыка, самовластно распоряжающийся Своими дарами для Своих творений. Поэтому никогда не нужно заранее рассчитывать на непременно получение той или иной благодати, ибо это означало бы ставить наши условия Безусловному; Господа – мнить слугою себе. И приступая к литургии и Святому Причащению, никогда не следует «ожидать» того или иного духовного переживания. Наоборот, должно приходить с простою душою, все влагая в руки Господа. Конечно, можешь просить нужного и желательного, но не ставить этого непременно условием. Иначе можно не получить ничего.

В жизни епископа Феофана Затворника был такой случай. Одна из его духовных дочерей прекрасно говела на первой неделе Великого поста, готовясь к святому Причащению: и

постилась, и молилась, и читала соответствующие книги, и исповедалась хорошо. И после Причащения получила необыкновенную радость.

На Страстной седмице она поступила совершенно так же. Но душа ее после Причащения на этот раз осталась холодной, как бы мертвой.

Крайне смущенная, она обратилась с письмом к епископу Феофану, и он ответил ей приблизительно в том смысле, что благодать есть благодать, то есть незаслуженный дар Божий, и, следовательно, никакими «собственными» усилиями мы истребовать его не можем; даже надежда на молитвы есть лишь надежда, но – не уверенность. Господь Сам дает, когда и что восхощет. Между тем, эта говельщица надеялась на свои труды в говения, и таким образом как бы думала понудить Бога дать ей желаемое и «заслуженное». Это-то и требовало в ней исправления. Но Владыка твари лишил ее даров, чтобы она смирилась и поняла неправильность своего настроения.

Следовательно, мы со своей стороны должны употреблять все потребные усилия в подготовке, но благодать не в нашей воле. И особенно неуместно Богу всякое человеческое самомнение и упор в себя, тогда как все есть Милость Агнца, которую больше всего привлекает смирение приступающих к Нему, сокрушение о своем недостойнстве, или, как говорил преподобный Серафим, нужно приступать «в смиренном токмо сознании всегреховности своей».

Иначе мнимое «достоинство» отгонит благодать Божию, как дым пчелу.

Между тем опыт показывает, что именно тогда, когда человек себя считает глубоко недостойным никакой милости, она неожиданно посещает его обильно.

«Не мерою дает Бог Духа,» – сказал Иоанн Креститель (Ин. 3, 34). «Близ Господь сокрушенных сердцем» (Пс. 33, 19).

Иногда же случается даже нечто совершенно противное: вместо благодатных даров причастник испытывает темные дурные переживания.

Например, один из молодых причастников жаловался мне, что иногда у него после Причащения появляется чувство

страшного озлобления, раздражения и т.д.

И отец Иоанн Кронштадтский отмечает подобное наблюдение над причастниками и даже над собой.

Чем это объясняется?

Двумя причинами: человеком и искушением.

Прежде всего, вероятно, мы недостойно приступали к Святому Причащению: или мало готовились, или неискренно исповедались, или недостаточно смирились, или не примирились. А особенно, если не освободились от гордости; это самое мерзкое для Господа! А иногда и «шутки» оскорбляют Господа, сущего в нас.

И тогда Господь лишает таких участников Своей Трапезы милости; она ему будет в осуждение и наказание.

С другой стороны, иногда враг старается выкрасть полученный дар, по зависти и вражде к блаженному состоянию причастников. И тогда он изощряется в искушениях, внушая злобу, раздражение, нетерпеливость и т. п.

Поэтому Церковь и просит в своих молитвах и о страхе Божиим, как охранителе, и о том, чтобы «бежал всяк злодей» (диавол), «всяка страсть» от причастившегося.

Что же делать в подобном случае? Нужно осмотреться: в чем причина? И если в нас, в нашей недостойной неподготовленности, то сразу должно смириться в душе, и терпеливо понести заслуженное наказание от Господа. А в ближайшее говение использовать полученный урок и исправиться – особенно искренно исповедаться. А до того читай смиренно молитву Иисусову или другое что покаянное. Но лучше покаяться (или хоть «открыть») пред духовником. И Милосердный Господь снова сжалится над немощным созданием Своим и избавит его от рук врага, коему Он попустил наказать невнимательного сына Своего.

Если же причиной зависть врага, если совесть не обличает нас ни в чем, тогда должно перенести смиренно и мужественно нападения его, и, не смущаясь, молить Сущего в нас избавить от супостата; не бояться его приражений, и просто ждать с терпением и упованием на Бога. И враг, видя, что человек от его искушений делается еще усерднее в молитве, в смирении, в

терпении, мужестве, отбежит. Придут же Ангелы и будут служить, как это сказано про Господа после искушений Его в пустыне (см.: Мф. 4, 11).

Но про тот и другой вид таких испытаний можно сказать, что оба они допускаются Господом с благою целью научить духовному опыту чад Своих. И преподобный Исаак Сирин многократно утверждает, что степень благодати всегда соответствует кресту испытаний: кто хочет ее более, тот должен и более пострадать, а если кто отказывается от страданий, тот не может ждать и обильного утешения от благодати.

Между прочим, мне пришлось услышать от одного благочестивого священнослужителя, что одною из причин искушений после недостойного Причастия служит такое простое согрешение, как невычитывание или поспешное легкомысленное чтение правила после Причащения. По своему опыту он сообщал мне, что в последнем случае благодать Причащения быстро оставляла его, и тогда приступали искушения. Господь милосерд, но человек не должен и не может безнаказанно оскорблять Его своим пренебрежением, не считая нужным даже поблагодарить Благодетеля, как подобает.

Наоборот, я видел другого священника исключительной духовной высоты (хотя и многосемейного; у него было семь человек детей), который не спешил уходить из храма после литургии, а служил молебны, внимательно читал правила и приходил домой спустя еще часа полтора после окончания службы. Но и в доме он продолжал чувствовать себя как бы в Божием присутствии: внимательно, строго, вдумчиво. А нередко он даже целовал у себя левую ладонь, на коей лежал Агнец во время Причащения его; до такой степени он сознавал чрезвычайность совершившагося Таинства Таинств.

И при таком отношении к Святому Причастию благодатные Дары его хранились им непорочными, неприкосновенными, радуя, утешая, укрепляя причастника.

Особенно внимательно нужно быть священнику или и мирянам, чаще других приступающим к великому Таинству, так как они (священники), привыкши без внимания совершать службу Божию, превращаются в механических исполнителей ее.

И тогда Святое Причастие принимается как почти простая пища: одним «чревом», как говорит отец Иоанн. Боже, помилуй нас! Это очень опасное духовное состояние! Если мирянин заметит в себе такое равнодушие и бесплодность, то лучше ему прекратить частые причащения и больше смиряться.

Если же священнослужитель увидит в себе то же, то он должен усугубить молитвы, а особенно сокрушение духа, или исповедаться. Нужно сокрушиться об отсутствии самого сокрушения. А если и этого нет, тогда нужно просить у Бога этого дара, хотя бы языком одним умоляя Щедродавца помиловать непотребного раба. И «сердце сокрушенно и смиренно Бог не уничижит» (Пс. 50).

Наконец, если человек получит радость или иной блаженный дар от Святого Причастия, то он должен охранять его тишиной душевною, страхом Божиим, молитвою внутреннею.

И лучше ему не высказывать того и другим, дабы не вызвать злобного нападения завистника.

Впрочем, веруя и молясь, чтобы оградил нас Господь, можно иногда и поделиться своею радостью и счастьем, но непременно ограждая себя Именем Божиим и смирением. Это – возможно! И отец Иоанн Кронштадтский знал это. И будучи сам сильным, не советовал скрывать благодати Божией.

Но на то он и был гигант духа. Людям же обычным, немощным, лучше «ограждать себя молчанием», тихо переживая радость внутри себя и благодаря Бога.

Однако священнослужитель, по долгу своему обязанный «благовременно и безвременно» (как говорит апостол Павел) питать свою паству, не только может, но и должен делиться дарами Божиими с чадами своими: благодать хиротонии и Причащения оградит его от искушений, если он смиренно и с тайною молитвою внутри откроет что-либо благое ради пользы чад и в славу Божию, сообщив о милости Господа и Бога и Спаса нашего Иисуса Христа. В дневнике отца Иоанна записана лишь тысячная доля переживаний его, а в беседах (после литургий) он продолжал излучать благодать Причащения всегда;

и не только в поучениях, но и в беседах на домах, даже за обедом, за чаем. Он был светильник «светящий и горящий»!

Прочим же благоразумнее хранить осторожность и в поведении, и в слове, и в мыслях, и в чувствах. Каждому, впрочем, дается свой, особенный, индивидуальный дар от Бога; соответственно ему каждый должен и вести себя, лишь бы все творить во славу Божию.

Невольно, однако, припоминается сравнение с вечерею. Нередко участники званых вечеров приносят своим детям «гостинцы». Так и причастник, а тем более священнослужитель, может поделиться полученною благодатью с другими. Лишь бы в смирении, благодарении Бога, с ограждением молитвою.

Еще подмечено, что если причастник вскоре после Причащения ложится спать (особенно после сытного обеда), то, проснувшись, не чувствует уже благодати. Праздник для него как бы кончился уже. И это понятно: преданность сну свидетельствует о невнимательности к небесному Guestу, Господу и Владыке мира, «Царю веков»; и благодать отходит от нерадивого участника Царской вечери. Лучше это время проводить в чтении, размышлении, даже внимательной прогулке. Так мне пришлось наблюдать это среди монахов... А в миру можно посетить больного, сделать кому-либо доброе или насладиться благочестивым общением с братьями или сходить на кладбище к своим усопшим.

Вечером же снова отдаться молитве, поучению, созерцанию. И весьма хорошо поступают священнослужители, устраивающие по вечерам более торжественные вечерни, с общенародным пением, с чтением акафистов, с поучениями и т. п.

Если на литургии духовное состояние было слишком напряженно, так что невозможно долго утомлять богомольцев проповедями, то на вечерних богослужениях это можно делать с большим спокойствием, внимательностью, углубленностью, продолжительностью. Слушатели уже отдохнули от литургийного подъема, но еще горят желанием быть с Господом, особенно же причастники. И тогда им можно предложить, лучше всего, объяснение Слова Божия, в

частности литургийного Евангелия. Слова, как капли дождя, тихо падающего, будут жадно впитываться в души чад Божиих, принося плод добродетелей. И объяснения могут быть подробными.

Это можно назвать «возгреванием дара» благодати Божией, о чем писал апостол Павел ученику своему Тимофею о необходимости «возгревать дар, полученный чрез возложение рук моих» (2Тим. 1, 6). Но не только хиротония, но и всякий Божий дар требует возгревания, укрепления, усиления.

Мне пришлось видеть в Карпатской Руси, как каждый праздник вечером храмы наполнялись снова богомольцами, как и на литургии; впрочем, пение иногда исполнялось всею церковью.

Между тем не только в городах, но даже и по селам, в России это совершенно почти исчезло. И люди тогда стремятся в театры, на зрелища, на «улицы» со всеми их искушениями.

И дары благодати попираются, оскверняются и пренебрегаются. Дух Святый отходит от недостойных носителей; и приступают духи нечистые, оскверняющие человека разными искушениями, до скотских страстей включительно. Боже, помилуй нас! В таком случае лучше уж скорее предаться сну, чем подвергать себя искушениям.

А еще лучше бы, достойно проведя и вечер, помолиться перед сном в свое время и отдать себя Богу даже и ночью, даже и в спящем состоянии.

Возможно и это. Одно время мне пришлось жить рядом с молитвенным иноком. И он даже в сонном состоянии громко читал то «Отче наш», то «Верую», то почти всю литургию; а сам спал. Обыкновенно мне приходилось будить его, и он замолкал. И Царь Давид говорит, что он «и нощию» был пред Богом, «и не прельщен», то есть не лишен милости.

В дополнение же ко всему прибавим наблюдаемый благочестивый обычай: хранить уста свои от плеванья весь день Причащения. Хотя об этом нигде не написано, но обычай и понятный, и достойный, и народ хранит его.

На сем и закончим свои объяснения Божественной литургии верных.



Собственно она и есть центральная часть.

Все прочее, начиная от вечерни и кончая ектениею об оглашенных, есть лишь приготовление к Евхаристии и Святому Причащению.

Слава и благодарение Пречистому Агнцу, допустившему меня, худородного, коснуться Его Божественной литургии.

---

## Примечания

<sup>1</sup> - Есть такой чин (см. конец Часослова). К сожалению, теперь он не во всех изданиях печатается. И только в опустошенном протестантстве или худосочном сектантстве с самого начала, после кратких молений, уже «занимают» «служители» проповедями и разговорами...

<sup>2</sup> - У греков и сейчас так

<sup>3</sup> - У греков и сейчас так

<sup>4</sup> - У греков и сейчас так

<sup>5</sup> - см. «Скабалланович М». «Толковый типикон. Объяснительное изложение типикона с историческим введением». Вып. 1–3, Киев, 1910–1915.